

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2024

№ 4

Москва
2024

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института

HERALD

of the Moscow University
of Information Technologies –
Moscow Architectural
and Construction Institute

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 4 / 2024

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский гуманитарно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт» (до 5 сентября 2024 г. –
Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»)

Издатель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский гуманитарно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского,
д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

Подписку на печатную версию издания мож-
но оформить на сайте АО «Почта России»
<https://podpiska.pochta.ru>
Подписной индекс ПБ544

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского гуманитарно-
технологического университета – Московского
архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор А.В. Крашенинников
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент О.В. Косточкина
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор педагогических наук, профессор З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор медицинских наук, профессор М.М. Аксенов
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук, доцент Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук, доцент А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский гуманитарно-технологический
университет – Московский архитектурно-
строительный институт, 2024

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>О.О. Чайникова</i> Воссоздание утраченных объектов Оранжерейного хозяйства Делового двора ГМЗ «Петергоф»	5
<i>Н.А. Ларина, С.В. Саморядов</i> Здания гостиниц в надпутевом пространстве железных дорог: особенности проектирования и строительства	15
<i>Е.А. Дьячкова</i> Понятие и этапы исторического развития искусственного интеллекта и возможности его применения в контексте обучения студентов архитектурных специальностей вузов	20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Г.В. Токарев</i> О взаимосвязи нарративной структуры и идейного содержания повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон»	28
<i>В.И. Щеров, В.В. Никульцева</i> Семиотика повседневности и поэзия Игоря-Северянина.....	35
<i>Т.А. Купченко</i> Драматургия Л. Лунца и проблема создания революционной пьесы.....	43
<i>А.Д. Статенков</i> «Из реки по имени “факт”»: реконструкция контекста поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»	51
<i>Ю.П. Субачев</i> Вербовочный слоган в формировании имиджа вооруженных сил США.....	59

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Ю.С. Тимошенко</i> Особенности совладающего поведения партнёров с разным типом привязанности	64
<i>А.Г. Сеницын</i> Роль педагога в формировании толерантного отношения к окружающей среде	72
<i>А.В. Дергачев</i> Психологические основы развития гражданской идентичности (на примере инновационных технологий преподавания истории).....	77
<i>К.М. Канафина, Р.Е. Барабанов</i> Исследование влияния стилей семейных взаимоотношений и родительского воспитания на развитие девиантного поведения у детей-сирот	84
<i>Приглашение к публикации</i>	98

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>O.O. Chainikova</i> Reconstruction of the lost objects of the Greenhouse of the Business Yard of the State Museum-Reserve «Peterhof»	5
<i>N.A. Larina, S.V. Samoryadov</i> Hotel buildings in the above-track space of railways: design and construction features	15
<i>E.A. Dyachkova</i> Concepts and stages of the historical development of artificial intelligence and the possibilities of its application in the context of teaching students architectural specialties at universities	20

LINGUISTICS

<i>G.V. Tokarev</i> Relationship between narrative structure and message of the novella ‘The Forged Coupon’ by Leo Tolstoy	28
<i>V.I. Shchedrov, V.V. Nikultseva</i> Semiotics of daily occurrence and poetry of Igor-Severyanin	35
<i>T.A. Kupchenko</i> Drama by L. Lunts and the problem of creating a revolutionary play	43
<i>A.D. Statenkov</i> «From a river called “fact”»: reconstruction of the context of V. Mayakovsky’s poem «Vladimir Ilyich Lenin».....	51
<i>Yriy P. Subachev</i> Recruitment slogan shaping the U.S. armed forces image	59

PSYCHOLOGY

<i>Yu.S. Timoshenko</i> Features of coping behavior of partners with different types of attachment.....	64
<i>A.G. Sinitsyn</i> The role of the teacher in the formation of a tolerant attitude towards to environment	72
<i>A.V. Dergachev</i> Psychological foundations of the development of civic identity (using the example of innovative technologies for teaching history)	77
<i>K.M. Kanafina, R.E. Barabanov</i> The study of the influence of styles of family relationships and parenting on the development of deviant behavior in orphaned children.....	84
<i>The invitation to the publication</i>	98

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 5–14.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 5–14.

Научная статья

УДК 721

doi:10.52470/2619046X_2024_4_5

Воссоздание утраченных объектов Оранжерейного хозяйства Делового двора ГМЗ «Петергоф»

Олеся Олеговна Чайникова^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, restavr2015@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1363-3576>

² Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей-заповедник «Петергоф», г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье изучена история создания, бытования, развития и разрушения царских оранжерей и хозяйственных строений Оранжерейного хозяйства современного Делового двора ГМЗ «Петергоф». Выявлены архитектурные и конструктивные особенности зданий и строений, определено историческое объемно-пространственное решение оранжерей с учетом их исторического назначения, в том числе утраченных. Установлены возможности реализации концепции развития Оранжерейного хозяйства Делового двора в условиях действующего законодательства и предложений актуального законопроекта.

Ключевые слова: оранжереи, воссоздание, законодательство, историческая среда

Для цитирования: Чайникова О.О. Воссоздание утраченных объектов Оранжерейного хозяйства Делового двора ГМЗ «Петергоф» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 5–14. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_5.

© Чайникова О.О., 2024

Original article

Reconstruction of the lost objects of the Greenhouse of the Business Yard of the State Museum-Reserve «Peterhof»

Olesya O. Chainikova^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia, restavr2015@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1363-3576>

² Federal State Budgetary Institution of Culture State Museum-Reserve «Peterhof», St. Petersburg, Russia

Abstract. The article studies the history of the creation, existence, development and destruction of the royal greenhouses and utility buildings of the Greenhouse of the modern Delovoy Dvor of the State Museum-Reserve «Peterhof». The architectural and design features of the buildings and structures are identified, the historical volumetric-spatial solution of the greenhouses is determined taking into account their historical purpose, including the lost ones. The possibilities of implementing the concept of development of the Delovoy Dvor Greenhouse in the context of the current legislation and proposals of the current draft law are established.

Keywords: greenhouses, reconstruction, legislation, historical environment

For citation: Chainikova O.O. Reconstruction of the lost objects of the Greenhouse of the Business Yard of the State Museum-Reserve «Peterhof» // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 5–14. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_5.

Оранжерейный комплекс служебных построек (дом садовника, оранжереи, теплицы) был построен в конце XVIII в. в северо-западной части Английского парка на обособленном и огражденном участке. Английский парк начал создаваться в 1779–1790 гг.

Проект и разбивку Английского парка выполнил садовник Джеймс Медерс (Мидер). Проект Дж.Медерса не сохранился. О замысле Английского парка дают представление план, выполненный Дж. Кваренги (*рисунок 1*).

Данное исследование ограничивается границами оранжерейного комплекса, современного Делового двора.

На территории оранжерейного комплекса первоначально был построен деревянный дом главного садовника Дж. Медерса (позднее возведен каменный дом). По обеим сторонам находились две каменные оранжереи и две деревянные «огурешные» теплицы для рассады. Оранжереи, вероятнее всего, были персиковая и вишневая.

В 1787 г. в связи с начавшейся войной с Турцией, а затем со Швецией, строительные работы были остановлены.

В 1789 г., когда в дальнейшей судьбе парка не было видно никаких просветов, Дж. Медерс по его просьбе был уволен со службы и вернулся на родину.

Работы были возобновлены в 1791 г. и продолжались до 1794 г. Было закончено строительство Английского дворца, построен кухонный корпус, завершено создание парка. Но в парке остались большие территории, не получившие полноценного оформления,

Рисунок 1. Дж.Кваренги. План Английского парка, 1780-е гг. [12]

Figure 1. Dzh.Kvarengi. Plan Angliyskogo parka, 1780s [12]

на которых оставались зверинцы – с юга Заячий ремиз, с северо-запада – Козий зверинец. Английский парк после завершения работ запечатлен на плане 1796 г., выполненном инженером П.В. Баженовым (рисунок 2).

В 1816 г. по предписанию Управляющего Петергофом персиковую оранжерею реконструировали путем пристройки дополнительного объема – кирпичная теплица была возведена из кирпичей монплеzirской кухни.

В это же время разобрали оранжерею на Марлинском участке и перенесли ее в Английский сад, но возвели из этих материалов уже две средние теплицы [7].

К 1829 г. оранжерейное хозяйство расширилось: в нем появились ананасные и цветные теплицы, а также парники для овощей, фруктов и рассады цветов [4].

В 1832 г. императором Николаем I собственноручно было «исправлено» на общем плане несимметричное расположение оранжерей и хаотичное расположение подсобных строений в Английском саду.

С 1825 по 1855 гг. Английский парк был реконструирован под руководством садового мастера П. Эрлера, в оранжерейном комплексе был разбит сад и регулярный древесный питомник. Планы оранжерей и теплиц разрабатывались архитекторами И. Шарлеманем и Ф. Броуэром [1].

Рисунок 2. План инженера П.В.Баженова, 1796 г. [13]

Figure 2. Plan inzhenera P.V.Bazhenova, 1796 [13]

В период 1833–1836 гг. согласно бухгалтерским справкам Петергофского Дворцового Правления в Английском саду были построены:

- три отделения персиковых, два отделения виноградных, две огуречных теплицы, лавровый зал;
- ананасная, вишневая и виноградная оранжереи;
- устроены парники для цветочных растений, плодовых и ягод [1].

К 1841 г. перечень Петергофских оранжерей и теплиц также дополнился цветочной и «померанцевой залой» и «лазаретом для померанцевых деревьев».

Строительство новой петергофской оранжереи в Английском парке началось в конце 1847 г. и было закончено в декабре 1848 г., в связи с чем решился вопрос о выращивании цветочной рассады к летнему сезону [9].

Согласно плану Петергофа и Александрии, гравированному со съемки Г.Л. Шуберта при военно-топографическом депо в 1842 г., на территории оранжерейного комплекса возведены новые оранжереи, парно существующим (рисунок 3).

В 1864 г. через Английский парк прошла железная дорога в Ораниенбаум (ныне Ломоносов), отрезавшая южную часть парка, что несколько исказило его облик.

При этом территория Английских оранжерей также развивалась и расширялась, о чем свидетельствуют исторические документы.

В конце 1870-х гг. по проектам архитектора Комарова 1879 и 1881 гг. перестройке подверглись виноградная и персиковая оранжереи, соответственно.

В Оранжерейное хозяйство поступали новые, в том числе экзотические виды растений, что требовало увеличения существующих площадей оранжерей и строительства дополнительных, в связи с чем разрабатывался ряд проектов [3].

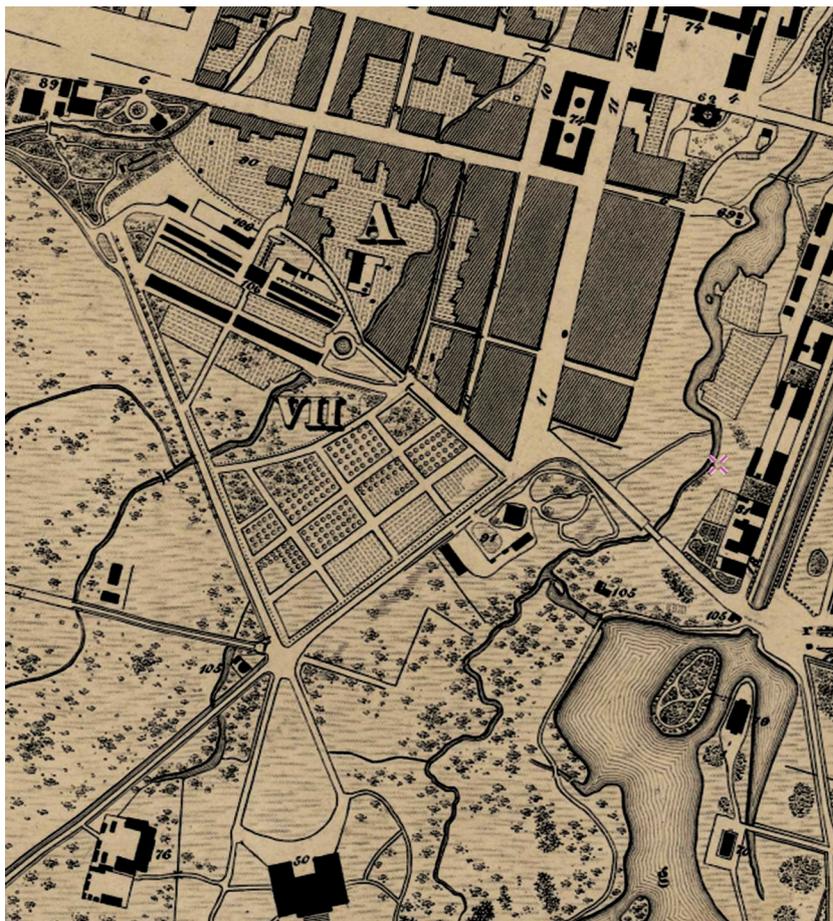

Рисунок 3. План Петергофа и Александрии, гравированный со съемки Г.Л. Шуберта при военно-топографическом депо в 1842 г. [11]

Figure 3. Plan Petergofa i Aleksandrii, gravirovannyi so s'yemki G.L. Shuberta pri voyenno-topograficheskom depo v 1842 [11]

Так, Детальный план 1888 г. предполагаемых пристроек к Английским оранжереям был создан с целью расширения оранжерейного комплекса путем пристройки дополнительных объемов [3].

На генеральном плане 1894 г. Английских оранжерей архитектора Семенова зафиксировано объемно-пространственное решение оранжерейного комплекса после его реконструкции – новые постройки «орхидейной (кротоновой)», «розоновой», «лавровой» оранжерей, а также погреба для хранения рододендронов. План рассмотрен и принят в том же году Контролем Министерства Императорского Двора, как обоснование к смете на реконструкцию [2].

Виноградная оранжерея проектными решениями 1894 г. при этом также подвергалась «изменениям». Очередные ремонтные работы в помещениях оранжерее были проведены после февральского пожара 1900 г.

План также свидетельствует о комплексном подходе к реконструкции и расширению оранжерейного хозяйства с устройством «шоссе и лотков», прокладкой «подземных труб и колодцев», а также устройством «парников».

В начале XX в. совершенствуются технологии строительства, в том числе и оранжерей, что создает условия для содержания тропических пальм в суровых климатических условиях

Санкт-Петербурга. Так к 1901 г. в оранжерейном хозяйстве Английского сада появляется «Латаниевый зал» или «малое пальмовое отделение», выполненное в духе времени – в металлических конструкциях, и Тропическая оранжерея архитектора Семенова [5].

При этом оранжереи и парники модернизировались в соответствии с развитием инженерно-технических возможностей – сооружения были оснащены «паро-водяным отоплением» преимущественно для возможности выращивания грунтовых роз в холодное время года [1].

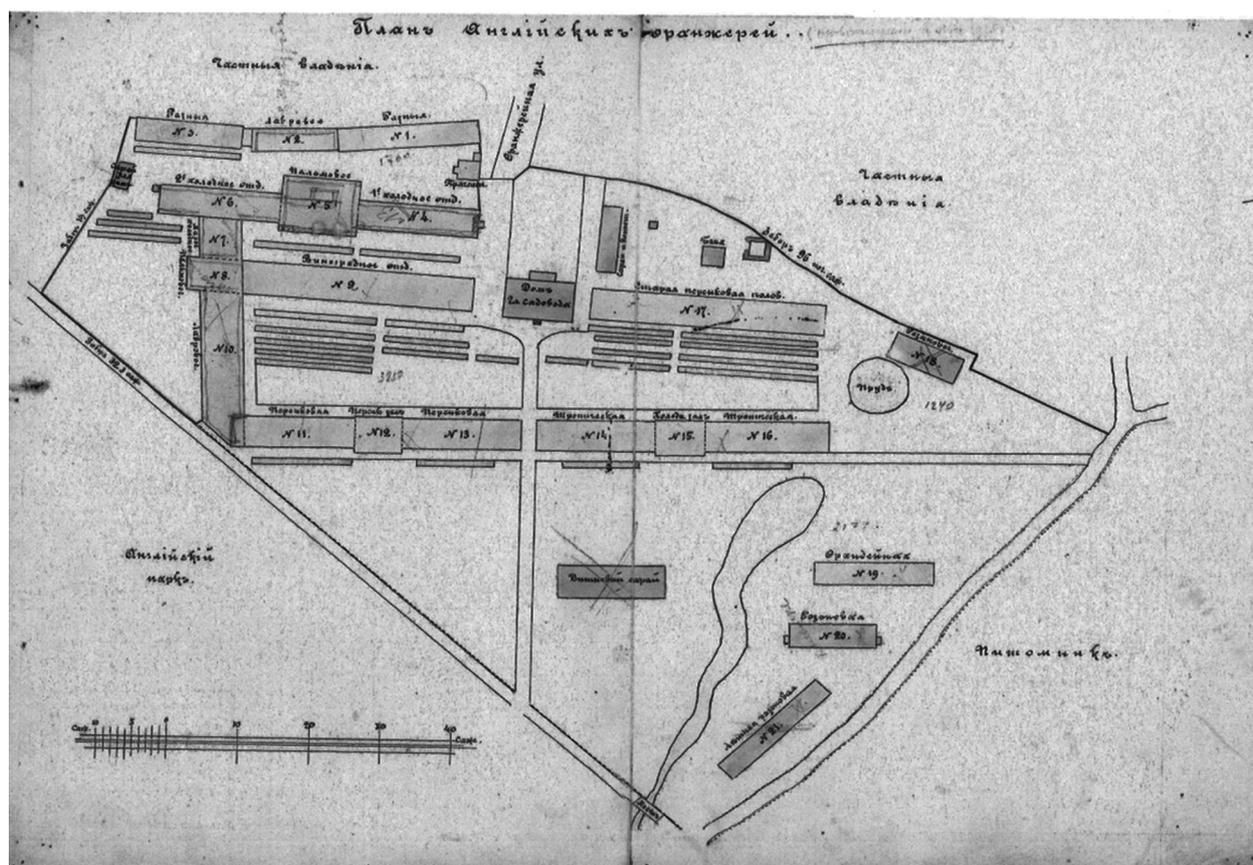
В 1909 г. архитектор Миняев построил «бетонный ледник для хранения роз Ея Величества» [6] (рисунк 4).

Английский парк сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны.

В 1941–1944 гг. по территории парка проходила линия фронта: Новый Петергоф был оккупирован немцами, а Старый Петергоф был на территории Ораниенбаумского плацдарма, и парк постоянно обстреливался с обеих сторон (рисунк 5).

По состоянию на 1944 г. немецкая аэрофотосъемка фиксирует разрушение построек оранжерейного хозяйства Делового двора (рисунк 6).

В настоящее время оранжерейное хозяйство ГМЗ «Петергоф» на территории Делового двора занимает одно здание исторической оранжереи – виноградная и 1/3 сохранившуюся часть тропической оранжереи, а также имеются бетонные парники, деревянные навесы и сараи, грядки с луковичными и многолетними культурами.

Рисунк 4. План Английских оранжерей архитектора Н. Миняева. 1909 г. [6]

Figure 4. Plan Angliyskikh oranzherey arkhitektora N. Minyayeva. 1909 [6]

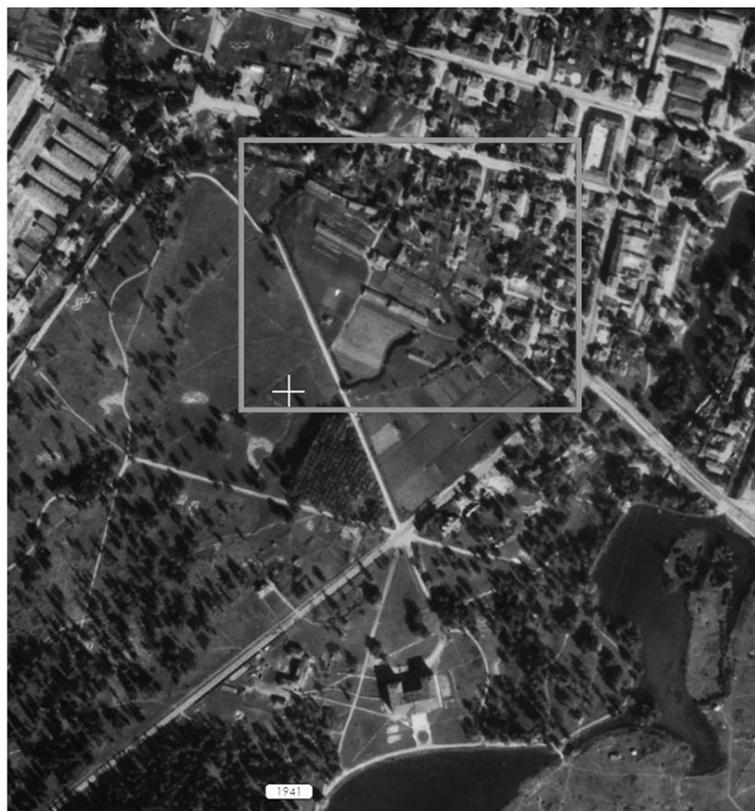

Рисунок 5. 1941 г. Немецкая аэрофотосъёмка Петергофа 03.09.41 [14]

Figure 5. Nemetskaya aerofotos'yomka Petergofa 03.09.41 [14]

Рисунок 6. 1944 г. Немецкая аэрофотосъёмка Петергофа 10.7.44 [15]

Figure 6. 1944. Nemetskaya aerofotos'yomka Petergofa 10.7.44 [15]

Объект «Оранжерейный сад», расположенный по адресу: Санкт-Петербург, г. Петергоф, ул. Оранжерейная, 1, входит в состав объекта культурного наследия федерального значения «Английский парк» на основании постановления Правительства РФ от 10.07.2001 г. № 527.

На объект «Оранжерейный сад» и его элементы Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры разработан и утвержден предмет охраны.

Охране подлежат:

1. Объемно-пространственное и планировочное решение территории памятника:
 - историческое объемно-пространственное и планировочное решение территории с домом садовника, двумя оранжереями, двумя прудами и садом;
 - расположение зданий на территории.
2. Конструктивная система: исторические конструкции – исторические наружные и внутренние капитальные стены (кирпичные).
3. Объемно-планировочное решение: историческое объемно-планировочное решение в габаритах капитальных стен.

В связи с развитием музея-заповедника, реставрацией объектов и увеличением посадочного материала – горшечных и кадочных культур, рассады – объективно возрастает потребность в дополнительных хозяйственных площадях, что ведет к необходимости увеличения объектов оранжерейного хозяйства с приспособлением их для современного использования. Исходя из актуальности и потребности, разработаны концептуальные предложения развития территории Делового двора.

При разработке концепции развития территории Делового двора, расположенного в Оранжерейном комплексе территории Английского парка, предлагается принять за основу период существования Английских оранжерей с 1888 по 1915 гг., зафиксированный историческими планами 1888, 1894, 1902, 1915 гг.

Концепцией развития территории предусмотреть максимально возможное воссоздание утраченных зданий оранжерейного хозяйства в условиях сложившейся современной среды.

Планом развития предполагается территорию комплекса Делового двора условно разделить на три зоны, в границах которых располагаются исторические пятна ранее существовавших оранжерей.

Зона № 1 – «Оранжерейный комплекс» – с задействованием сохранившегося исторического здания Дом главного садовника, а также виноградной оранжереи, восстановлением утраченных оранжерей, и последующим использованием по их прямому историческому назначению – для выращивания цветочной рассады, горшечных культур, культур на срезку в несезонный период, а также для хозяйственных и складских нужд, хранения кадочных штамбовых роз крупномерных кадочных растений высотой более 4 метров, с емкостью кадок 400–500 литров (пальмы, люциды, агавы, лавры, олеандры и др.), штамбовых фуксий, гортензий, агав, самшитов, хвойников, канн, георгинов, эхеверии, тропических культур (аукуба, алоказия, спатифиллум, стрелиции, саговники, гибискусы, шефлеры, драцены), кадочных топиарных (фигурно стриженных) растений. Парники бетонные исторические подлежат ремонту, частично – воссозданию. Баня воссоздается под холодный погреб для укоренения луковичных культур, а сооружение у бани – под холодный земляной погреб для хранения корней и клубней. Сарай и конюшня – восстановление для хранения парниковых рам.

При этом в связи с вновь построенным газовым модулем в створе существующей виноградной оранжереи отсутствует возможность восстановления оранжерей № № 7, 8, 10 (Самвропсовое отделение).

Зона № 2 – «Хозяйственная зона» – ограниченная центральной дорогой, дорогой с южной стороны у оранжереи № 17 и косой восточной аллеей, в границах которой воссоздаются пять оранжерей, вишневый сарай и здание при въезде на территорию комплекса.

Зона № 3 – «Древесный питомник» – в границах которого подлежат воссозданию оранжерея розановая с приспособлением под хозяйственные помещения для сотрудников оранжерейного хозяйства, а также хозяйственная постройка для нужд парковой службы, расположенная близ полукруглой дорожки в северной части питомника.

Подводя итоги, нужно отметить, что воссоздание исторических объемов зданий оранжерей с приспособлением их в рамках исторической функции к выращиванию современных культур возможно в рамках действующего законодательства при условии проведения комплекса научных исследований, в том числе археологических изысканий на территории Оранжерейного сада с целью определения исторических пятен застройки с последующим максимально возможным воссозданием утраченных объектов и приспособлением их под современное использование. Стоит отметить, что новый законопроект с уточнением деятельности по воссозданию также создает благоприятные условия для развития деятельности оранжерейного хозяйства ГМЗ «Петергоф».

Список источников

1. Волкова О.Д. Петергофские оранжереи. К вопросу о воссоздании оранжерейного комплекса в Английском парке // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 3., ч. 2. Д. 142.
2. Генеральный план Английских оранжерей в гор. Петергофе архитектора Семенова. 1894 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1971ар.
3. Детальный план 1888 г. предполагаемых пристроек к Английским оранжереям. Архитектор Комаров XIX в. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1961ар.
4. Кох И.Х. Английский садовник при русском дворе 1779–1787. Рукопись, перевод с англ.яз. Е.Лапиной. СПб, 1994 // Архив КГИОП. Н-4089.
5. План и разрез Английских оранжерей. Архитектор Семенов. 1904 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1993ар.
6. План постройки бетонного ледника для хранения роз Ея величества и 2-х ветхих парников. Архитектор Миняев 1909 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 2006ар.
7. РГИА. Ф. 490. Оп. 2. 1720–1897 гг. Архивные дела.
8. РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2049. Л. 131. В новой оранжерее «ставили и разводили цветочные растения».
9. Сергеева Г.И. О некоторых закупках за границей для царских огородов (по материалам переписки Петра I с разными лицами) // От «царского огорода» к музею-заповеднику: материалы научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018.
10. Тропическая оранжерея, назначенная к ремонту. Архитектор Семенов. 1898 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1991.
11. URL: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_petergof_1842/ (дата обращения: 23.02.2024).
12. URL: https://p2.citywalls.ru/photo_361-369722.jpg?mt=1542217543 (дата обращения: 23.02.2024).
13. URL: https://p3.citywalls.ru/photo_361-369727.jpg?mt=1542217543 (дата обращения: 23.02.2024).
14. URL: https://retromap.ru/14194171_59.884388,29.878370 (дата обращения: 23.02.2024).
15. URL: https://retromap.ru/14194426_z17_59.886194,29.877694 (дата обращения: 23.02.2024).

Информация об авторе

О.О. Чайникова – кандидат архитектуры; доцент кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,

г. Санкт-Петербург, Россия; заместитель начальника службы реставрации, реконструкции и капитального ремонта Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный музей-заповедник «Петергоф», г. Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

O.O. Chainikova – Candidate of Architecture; Associate Professor of the Department of Architectural and Urban Planning Heritage of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering St. Petersburg, Russia; Federal State Budgetary Institution of Culture State Museum-Reserve «Peterhof», St. Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 31.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 31.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 15–19.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 15–19.

Научная статья

УДК 69.03

doi:10.52470/2619046X_2024_4_15

Здания гостиниц в надпутевом пространстве железных дорог: особенности проектирования и строительства

Наталия Андреевна Ларина¹, Сергей Валерьевич Саморядов^{2, 3}

¹ Московский архитектурный институт (государственная академия), г. Москва, Россия, nataliya.larina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3448-4931>

² Российский университет транспорта, г. Москва, Россия, ssamor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6791-2288>

³ Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям проектирования и строительства гостиниц, расположенных в надпутевом пространстве железных дорог. В условиях роста пассажирских перевозок возникает необходимость в развитии инфраструктуры, включая создание комфортабельных и функциональных гостиниц. Рассматриваются архитектурные и конструктивные особенности зданий, находящихся над железнодорожными путями, а также ключевые аспекты проектирования, такие как функциональное зонирование, устойчивость к шуму и вибрациям. Обсуждаются законодательные требования, касающиеся безопасности, экологии и градостроительства.

Ключевые слова: гостиницы над железной дорогой, проектирование надпутевых зданий, надпутевое пространство, шумозащитные мероприятия, конструкции надпутевых зданий, законодательные требования для надпутевых зданий

Для цитирования: Ларина Н.А., Саморядов С.В. Здания гостиниц в надпутевом пространстве железных дорог: особенности проектирования и строительства // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 15–19. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_15.

© Ларина Н.А., Саморядов С.В., 2024

Original article

Hotel buildings in the above-track space of railways: design and construction features

Nataliya A. Larina¹, Sergey V. Samoryadov^{2, 3}

¹ Moscow architecture institute (state academy), Moscow, Russia, nataliya.larina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3448-4931>

² Russian University of Transport, Moscow, Russia,

³ Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia, ssamor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6791-2288>

Abstract. The article is devoted to the features of the design and construction of hotels located in the above-track space of railways. With the growth of passenger traffic, there is a need for infrastructure development, including the creation of comfortable and functional hotels. The architectural and design features of buildings located above railway tracks are considered, as well as key design aspects, such as functional zoning, resistance to noise and vibration. Legislative requirements relating to safety, ecology and urban planning are discussed.

Keywords: hotels above the railway, design of over-track buildings, over-track space, noise protection measures, structures of over-track buildings, legislative requirements for over-track buildings

For citation: Larina N.A., Samoryadov S.V., Hotel buildings in the above-track space of railways: design and construction features // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 15–19. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_15.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост железнодорожных пассажирских перевозок, что создает потребность в развитии туристической инфраструктуры, включая строительство гостиниц, расположенных в непосредственной близости от железнодорожных станций. Такие объекты играют ключевую роль в развитии туристической и деловой отрасли города в целом. В связи с этим особенно эффективным представляется проектирование гостиниц в надпутевом пространстве. Однако такие здания имеют свои уникальные особенности, которые необходимо учитывать для обеспечения комфорта и безопасности посетителей.

Архитектурные решения зданий над железнодорожными путями должны учитывать:

- эстетические аспекты, чтобы здание гармонично вписывалось в окружающую застройку;
- функциональное зонирование – необходимость разделения общественных и частных зон, а также создание комфортных условий для проживания гостей;
- легкость конструкции – для минимизации нагрузки на железнодорожные пути;
- санитарно-защитные мероприятия – снижение вибрации, защита от шума и других видов загрязнения;
- законодательные и нормативные документы, регулирующие строительство над железной дорогой.

Строительство здания над железной дорогой может оказывать благотворный эффект на прилегающую застройку, создать дополнительные коммуникационные связи и снизить акустическое и вибрационное воздействие на городские территории [7; 8]. Однако для обеспечения

комфорта гостей необходимо использовать специальные строительные материалы и технологии, которые минимизируют воздействие указанных факторов на само здание. Это может включать звукоизоляцию стен, окон и дверей, а также использование виброизоляционных систем.

При проектировании надпутевых объектов необходимо учитывать выбор конструктивной схемы, которая обеспечит надежность и безопасность постройки. Чаще всего применяются системы с опорами, расположенными за пределами путей, что позволяет избежать негативного воздействия на железнодорожный транспорт. Конструкции могут быть выполнены из бетона, стали или композитных материалов, что влияет на вес и устойчивость здания. Конструктивная система должна быть защищена от вибраций, возникающих при движении поездов. В работах Е.И. Кочешковой [9; 10] здания над железной дорогой подразделяются по пролетам и высотности:

- подтип 1 – малый НБЗ (надземное большепролетное здание), пролет 20 м, 1–3 этажа;
- подтип 2 – средний НБЗ, пролет от 20 до 50 м, 4–5 этажа;
- подтип 3 – крупный НБЗ, пролет от 50 до 100 м, 5–10 этажей.

В качестве опоры НБЗ предлагается использовать вертикальные коммуникации, лестницы, лифты, инженерные системы и пр.

Важным аспектом является проектирование фундамента, который должен быть устойчивым к динамическим нагрузкам.

Большое внимание различным фундаментам уделяется японскими учеными, чей опыт в проектировании надпутевых сооружений заслуживает отдельного внимания.

Исследования проводятся по нескольким направлениям:

- расчет повреждений на случай землетрясений разной мощности (типы фундаментов, колонн и пр.);
- строительство многоэтажных надпутевых объектов, в том числе совмещенно с железнодорожными станциями [11];
- влияние вибраций и землетрясений на здания, расположенные над путями;
- законодательные коллизии при строительстве многоэтажных надпутевых объектов;
- способы строительства над железной дорогой (без приостановки движения поездов) [12].

В исследованиях фундаментов среди тем, которые поднимаются, рассматривается использование свай безопорных балок [13], замена свай крупного диаметра на группу свай из стальных труб малого диаметра [14], использование сталефибробетона при жестком армировании свай [15] и др.

Для снижения акустического воздействия необходимо применять звукоизоляционные панели на фасадах зданий. Эти панели могут быть выполнены из различных материалов, таких как бетон, стекло или специальные композитные материалы. Возможно использование зеленых насаждений для дополнительной звукоизоляции.

Высота и форма гостиницы должны быть оптимально спроектированы с учетом влияния ветровых нагрузок и шумового воздействия. Чаще всего применяются здания с минимальной высотой, что позволяет снизить уровень шума. Форма может быть аэродинамической, что также способствует уменьшению ветровых нагрузок.

Одним из удачных примеров строительства гостиницы над железнодорожными путями является Отель Хилтон вблизи аэропорта Франкфурта на Майне [6]. Здание обтекаемой формы расположено в аэропорту Франкфурта прямо над железнодорожным вокзалом дальнего следования и в нескольких минутах ходьбы по крытому переходу от терминала. Внутри здания расположено атриумное пространство с галереями, обеспечивающими доступ к номерам. Вдоль пучкообразных наклонных опор по бокам от железной дороги размещены эскалаторы и лестницы.

Проектирование гостиниц над железнодорожными путями требует особого внимания к вопросам безопасности. Необходимо предусмотреть надежные эвакуационные выходы и пути, которые обеспечат быструю эвакуацию в случае чрезвычайной ситуации. Также важно учитывать наличие систем сигнализации и автоматического пожаротушения. Помимо этого, гостиницы должны быть доступны для всех категорий граждан, включая людей с ограниченными возможностями, что требует проектирования специальных пандусов, лифтов и других элементов, обеспечивающих комфортное передвижение.

Работы по строительству зданий над железнодорожными путями должны проводиться в строго определенные временные окна, чтобы не нарушать график движения поездов. Ночные работы требуют тщательного планирования и координации с железнодорожными операторами.

На данный момент существует ряд законодательных и нормативных документов [1–5], регулирующих строительство зданий над железной дорогой.

Основным препятствием для строительства надпутевых объектов является вид разрешенного использования территории, который распространяется на надземное, наземное и подземное пространство, а также существующие санитарно-защитные зоны и меры пожарной безопасности.

В связи с вышесказанным отметим, что гостиница в надпутевом пространстве должна относиться к объекту инженерной и транспортной инфраструктуры (например, быть частью вокзала, станции или транспортно-пересадочного узла), а также обеспечивать меры пожарной безопасности (класс функциональной пожарной безопасности не менее Ф 1.2) и соответствовать конструктивным, эвакуационным, санитарно-защитным и другим требованиям, необходимым для проектирования таких объектов.

Здания гостиниц в надпутевом пространстве железных дорог представляют собой уникальный вызов для проектировщиков и строителей. Учитывая особенности расположения, необходимо тщательно продумывать функциональное зонирование, инженерные системы и строительные технологии. Конструктивные особенности, такие как защита от вибраций и выбор надежной схемы, являются критически важными для обеспечения безопасности. Только при комплексном подходе можно создать комфортные условия для проживания гостей, что в свою очередь будет способствовать развитию железнодорожного туризма и экономики города в целом.

Список источников

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
2. Постановление Правительства РФ от 12 октября 2006 г. № 611 «О порядке установления и использования полос отвода и охранных зон железных дорог» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Федеральный закон РФ от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
4. СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
5. СП 257.1325800.2020 Здания гостиниц. Правила проектирования // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
6. URL: <https://www.hilton.com/en/hotels/frahahi-hilton-frankfurt-airport/> (дата обращения 11.08.2024).
7. Ларина Н.А. Дороги, которые нас разделяют. Приемы увеличения числа коммуникационных объектов на территории железных дорог Москвы // Системные технологии. 2021. № 40.

8. *Ларина Н.А.* Приемы реорганизации полос отвода и санитарно-защитных зон железных дорог // Международный электронный научно-образовательный журнал «Архитектура и современные информационные технологии» (АМИТ). 2021. № 2 (55).
9. *Кочешкова Е.И.* Архитектурно-планировочные решения надземных большепролетных зданий (на примере города Москвы): автореф. дис. ... канд. арх. Н. Новгород, 2013.
10. *Кочешкова Е.И.* Архитектурно-планировочные решения надземных большепролетных зданий (на примере города Москвы): дис. ... канд. арх. Н. Новгород, 2013.
11. *Сейджи Ямада.* Метод проектирования зданий средней и повышенной этажности над железнодорожными путями // Конспект лекции на ежемесячной презентации НИИ железнодорожного транспорта. Отдел исследований в области Архитектуры и инженерных конструкций. URL: <https://bunken.rtri.or.jp/doc/fileDown.jsp?RairacID=0040001872> (дата обращения: 12.10.2024).
12. *Кадзуки Кобаяси, Ацуши Хаяси, Шиничиро Нодзава.* Методика строительства над железнодорожной линией // Технический обзор JREAST. № 6. URL: https://www.jreast.co.jp/development/tech/pdf_6/45-50.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
13. *Цунео Хасуда, Ясуки Такей, Сейджи Ямада.* Здания над железнодорожными путями без подземных балок. Метод конструктивного расчета. Технический отчет архитектурного института Японии. № 17. Июнь 2003. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/aijt/9/17/9_KJ00004655657/_article/-char/ja/ (дата обращения: 12.10.2024).
14. *Ясуси Такей, Сэйдзи Ямада, Кацумаса Симидзу.* Метод проектирования средне- и высотных зданий над железнодорожными путями. Отчет Института железнодорожных исследований. Т. 23. № 12. 2009. URL: <https://bunken.rtri.or.jp/doc/fileDown.jsp?RairacID=0001003268> (дата обращения: 12.10.2024).
15. *Тошия Тодокоро.* Разработка конструкции соединения элементов жесткого каркасного виадука из сталефибробетона. Институт технических исследований железных дорог: стандарты проектирования железнодорожных конструкций (бетонные конструкции). № 4. 2004. URL: <https://bunken.rtri.or.jp/doc/fileDown.jsp?RairacID=0040001873> (дата обращения: 12.10.2024).

Информация об авторах

Н.А. Ларина – преподаватель, доцент Московского архитектурного института (государственной академии), г. Москва, Россия

С.В. Саморядов – кандидат технических наук; доцент Российского университета транспорта; преподаватель Московского гуманитарно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the authors

N.A. Larina – Lecturer, Associate Professor of the Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

S.V. Samoryadov – Candidate of Sciences in Technology, Associate Professor of the Russian University of Transport; Lecturer of the Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

The article was submitted 18.09.2024; approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 20–27.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 20–27.

Научная статья

УДК 37.013.32; 72.07

doi:10.52470/2619046X_2024_4_20.

Понятие и этапы исторического развития искусственного интеллекта и возможности его применения в контексте обучения студентов архитектурных специальностей вузов

Елена Алексеевна Дьячкова

Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, Москва, Россия, iiehka@bk.ru

Аннотация. В контексте статьи рассматривается становление искусственного интеллекта как одного из возможных средств обучения в образовательном процессе для архитектурных специальностей. Раскрывается понятие искусственного интеллекта, а также некоторые этапы его исторического развития. Выбраны наиболее часто используемые системы, которые уже включают в себе элементы использования искусственного интеллекта. Также в статье рассмотрены основные правовые документы, регламентирующие внедрение технологий искусственного интеллекта в целом в архитектурную практику в частности. Выделен социальный заказ на современного специалиста-архитектора и проанализированы некоторые проблемы, с которыми сталкивается сфера архитектурной деятельности из-за внедрения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, высшее образование, архитектурное образование, социальный заказ

Для цитирования: Дьячкова Е.А. Понятия и этапы исторического развития искусственного интеллекта и возможности его применения в контексте обучения архитектурных специальностей вузов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 20–27. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_20.

© Дьячкова Е.А., 2024

Original article

Concepts and stages of the historical development of artificial intelligence and the possibilities of its application in the context of teaching students architectural specialties at universities

Elena A. Dyachkova

Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia, iiehka@bk.ru

Abstract. The article discusses the development of artificial intelligence as one of the possible means of teaching in the educational process for architectural specialties. The concept of artificial intelligence is revealed, as well as some stages of its historical development. The most frequently used systems that have already incorporated elements of artificial intelligence are selected. The article also examines the main legal documents regulating the implementation of general artificial intelligence technologies specifically in architectural practice. The social order for a modern specialist architect is highlighted and some of the problems that the sphere of architectural activity faces due to the introduction of artificial intelligence are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, higher education, architectural education, social order

For citation: Dyachkova E.A. Concepts and stages of the historical development of artificial intelligence and the possibilities of its application in the context of teaching architectural specialties at universities // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 20–27. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_20.

Рассмотрение искусственного интеллекта как в целом, так и применительно к обучению и практическому использованию в сфере архитектуры является одним из видов инноваций.

В последние несколько лет применение искусственного интеллекта в России и мире получило интенсивное развитие. Проблема изучения искусственного интеллекта носит междисциплинарный характер, а само понятие «искусственный интеллект» обширно и многогранно. В связи с этим рассмотрение основных аспектов использования искусственного интеллекта в обучении и практической деятельности специалиста-архитектора предоставляется возможным только на междисциплинарном уровне и с использованием комплекса достижений различных областей современной науки и техники.

Необходимо раскрыть содержание понятия искусственного интеллекта. Одно из общепринятых определений утверждает, что искусственный интеллект – это способность некоторых технических устройств к решению творческих задач, присущих человеку. Отметим, что существует разница между трактовкой понятия «искусственный интеллект» в России и на Западе, связанная с особенностями перевода с английского языка на русский язык словосочетания «artificial intelligence», «AI»: «искусственный интеллект», «ИИ». «Artificial intelligence» может иметь альтернативные переводы: «искусственный разум», «искусственный ум», «мыслящее существо», «компьютерные технологии», «машинное обучение» и др.

Необходимо помнить, что изменение в толковании понятия «искусственный интеллект» происходит не только в области языковедения, но и в определении сущности самого явления.

Западные ученые рассматривают искусственный интеллект исключительно как средство достижения определенных целей. Впервые термин «искусственный интеллект» был сформулирован американским математиком Джоном Маккарти в 1956 г. Джон Маккарти также известен как создатель нового языка программирования «LISP». В своей статье «Рекурсивные функции символьных выражений и их вычисление машиной» («Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine») [9, с. 184] он объясняет первоначальное предназначение искусственного интеллекта как системы программирования, которая позволяет искусственному интеллекту самостоятельно анализировать и принимать решения. Профессор Джон Маккарти разработал алгоритм, который требовал системы программирования для манипулирования выражениями, представляющими формализованные декларативные и императивные предложения. Это было необходимо для того, чтобы система, называемая «Advice Taker», могла делать выводы. Важно отметить, что для решения таких задач Джон Маккарти допускал использование методов и способов мышления, которые не характерны для человека. Тем не менее, именно это открытие стало основой для создания компьютерных программ нового типа и формирования новых направлений в разработке и внедрении «умных машин».

Однако истинным автором и разработчиком «интеллектуальных машин» и нового метода, который представляет современную концепцию искусственного разума как усилителя естественного, является русский ученый и математик Семен Николаевич Корсаков. В его работе, опубликованной 13 сентября 1832 г. в Санкт-Петербурге, содержится подробное описание пяти «интеллектуальных машин» и их изображений [10, с. 29]. Несмотря на это великое открытие, представленное на рецензию Санкт-Петербургскому академическому сообществу, оно не получило одобрения в России и даже было высмеяно немецкими профессорами, как и многие другие гениальные отечественные открытия. Особенно следует отметить, что Семен Николаевич Корсаков опубликовал свою книгу, содержащую результаты его научных исследований, в своей родной стране – в России, на французском языке, с целью сделать свое открытие доступным всему научному сообществу [11]. Он не стремился к личному обогащению и научной славе, а скорее к тому, чтобы улучшить повседневную жизнь людей, сделать ее более удобной, легкой и разумной. С.Н. Корсаков основывал свои вычисления на утверждении, что все процессы происходят механически. «Человеческие идеи и концепции фиксируются, передаются и сохраняются во времени с помощью слова и письма, которые являются механическими операциями разума. Движение Солнца и небесных светил также определено с использованием эталонов и часов» [11].

Только спустя почти два века научное сообщество начало признавать научные заслуги Семёна Николаевича Корсакова. В частности, профессор кафедры кибернетики МИФИ Геллий Николаевич Поваров в своем докладе указал, что Корсакову принадлежит честь первого использования перфорированных карт в информатике. Публикация работ Корсакова на французском языке, который тогда являлся международным языком, подтверждает приоритет русского изобретателя.

Другой важной категорией вопросов является безопасность человека. В связи с этим необходимо понимать, как нужно установить взаимоотношения между человеком и искусственным интеллектом, чтобы не только обеспечить экономический рост и технический прогресс, но и максимально гарантировать безопасность человека на всех уровнях. Например, в научно-фантастических романах таких авторов, как Айзек Азимов [3], Станислав Лем [4], Рэй Брэдбери [5] и других, описывается восстание умных «машин» и роботов, а также анализируются возможные вероятности подобных ситуаций. Ученые, включая Стивена Хокин-

га, высказывают опасения, подтверждающие беспокойство писателей. Они указывают, что «человеческий мозг в основном не отличается от современных компьютеров. Проблема заключается не в том, что искусственный интеллект злой и кровожадный. Просто люди больше не смогут управлять планетой» [6]. Стивен Хокинг отмечает, что «есть большая вероятность, что машины справятся с этой задачей лучше нас, и мы станем для них обузой» [6]. Таким образом, несмотря на «схожесть» интеллекта человека и роботов, существует скрытая угроза в их будущем взаимодействии.

В повседневной практической жизни человека все более широко используются технологии, основанные на искусственном интеллекте, которые контролируют все процессы жизнедеятельности и, можно сказать, уже подчиняют человека своим алгоритмам. Например, это проявляется в широком использовании тестирования, включая экзамены, как ЕГЭ и квалификационные экзамены, а также в обширных электронных системах контроля и диагностики, от простых проездных билетов и систем антиплагиата, до сложных медицинских диагностических систем. Кроме того, существуют различные рейтинги и индексы, такие как индекс Хирша, Science Citation Index (веб-версия Web of Science), Journal Citation Reports (фактор влияния) и другие. Также применяются идентификационные номера и системы поиска, такие как ИНН, СНИЛС, URL, DOI, УДК и другие.

Искусственный интеллект сегодня – совокупность нейросетей, облачных сервисов, компьютерного оборудования, инфраструктуры и персонала, которая служит для решения задач управления на основе собранных данных.

В настоящее время искусственный интеллект все более широко используется в различных областях, включая архитектуру и строительство. Архитекторы и строители должны иметь четкое понимание возможностей и ограничений искусственного интеллекта, чтобы правильно применять его в своей работе. Они должны быть знакомы с различными алгоритмами и моделями машинного обучения, а также уметь анализировать данные и применять соответствующие методы для решения конкретных задач.

С 2007 г. в Мюнхене существует компания DLD – Digital Life Design (DLD media), проводящая глобальные видео-сетевые конференции, связанные с компьютерной проблематикой, влиянием цифровых технологий на жизнь, быт, развитие цивилизации [8]. Проблемам влияния компьютерной техники на жизнь общества посвящена целая серия происходящих с 2007 г. на разных площадках конференций DLD. Вместо изданий и текстов – запись видеовыступлений и дискуссий.

Тема «Цифровой революции» является частью более общей научной, гуманитарной и творческой проблемы взаимоотношений искусства, науки и технологии. Интернет-портал Monoskop предлагает архивные материалы по изданиям мирового художественного авангарда, отражавшим поиски в этом направлении (преобладают малоизвестные издания 1920-х гг. из стран Восточной Европы), а также информацию о новейших направлениях в сфере художественного творчества, так или иначе связанных с использованием компьютерной техники [12]. Среди направлений, техник и практик, которые освещает ресурс, есть и такие: мультимедийные среды, видео-активизм, общественное телевидение, управление сетевыми потоками, медиа-архивы, 3-d печать, электромагнетизм, медиа-экология, чувственная этнография, пост-дигитал, нейро-эстетика. Встречается и такой термин: post-internet art.

Эти названия приведены здесь для того, чтобы показать, что современная дизайнерская (а также и архитектурная практика) нуждается в построении классификаций современных течений и направлений творческой проектной деятельности, увязке этих классификаций с традиционными видами искусства, поиске связей или отрицании каких-либо связей и какой-либо преемственности.

Дизайнер из Нью-Йорка Себастьян Эрразурис (Sebastian Errazuriz) говорит об искусственном интеллекте: «Это огромная проблема, с которой нам нужно попытаться разобраться. Люди всегда говорят: “Но разве искусственный интеллект – это не просто еще один инструмент?” Прямо сейчас он выглядит как инструмент, но он становится действительно хорошим, быстрым – и цель этого инструмента состоит в том, чтобы думать самостоятельно» [7].

Другое мнение выразил Филлип Бернштейн (Phill Bernstein) – заместитель декана и профессор Йельской школы архитектуры: «Я работаю достаточно долго, чтобы видеть многочисленные волны технологических изменений в отрасли, и этот спор происходит каждый раз. Это произошло во время САД (автоматизированного проектирования), и во время BIM (информационного моделирования зданий), а теперь это происходит с искусственным интеллектом. Кажется, мы каким-то образом всегда выживаем в подобных ситуациях» [7]. Бернштейн утверждает, что даже самые лучшие ИИ все еще далеки от компетентности квалифицированного архитектора.

Выделим основные нормативно-правовые акты, регламентирующие внедрение технологий искусственного интеллекта.

О важности новых технологий для нашей страны свидетельствует подписанный осенью прошлого года Указ Президента России «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [1], дополняющий его Указ Президента РФ № 124 от 15 февраля 2024 г. «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом», а также ряд других значимых нормативно-правовых документов. В тексте документа упоминается «создание пилотных зон для апробации и демонстрации разработок в области искусственного интеллекта, применяемых в различных отраслях экономики и социальной сферы (сельское хозяйство, транспорт, промышленность, здравоохранение, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, топливно-энергетический комплекс и другие отрасли)» [1, п. 57]

В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» разрабатывается и утверждается федеральный проект «Искусственный интеллект» [2]. На совещании по развитию цифровой экономики, которое состоялось 30 мая 2019 г. под председательством Президента России, было принято решение о подготовке национальной стратегии по искусственному интеллекту, а также готовится федеральная программа с выделением 90 млрд руб. Внедрение искусственного интеллекта в федеральные ведомства в Минпромторге, Минздраве, Минстрое и Минтрансе появятся экспертные группы, которые займутся проработкой вопросов внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в профильных отраслях. Средний уровень внедрения технологий ИИ в приоритетных отраслях составляет 20 %, об этом в своем выступлении на конференции ЦИПР-2023 в июне говорил премьер Михаил Мишустин. Самый высокий уровень проникновения ИИ наблюдается в секторе финансовых услуг (56,8 %), ИКТ (46,6 %) и высшем образовании (41,6 %). В сферах торговли, транспорта и здравоохранения уровень распространения ИИ наиболее низок – 19,2 %, 17,7 % и 15,9 % соответственно [15].

С 1 июля 2020 г. в России запланировано проведение пятилетнего эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта на территории Москвы в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»). Закон № 123-ФЗ регламентирует условия для разработки и внедрения технологий

искусственного интеллекта, а также возможность последующего использования результатов его применения. Им установлен экспериментальный правовой режим на ближайшие пять лет.

В Поручение Президента РФ В.В. Путина № Пр-2242 от 31 декабря 2020 г. поставлен ряд задач по теме ИИ, включая поручение ОИВ разработать и утвердить стратегии цифровой трансформации, в том числе в социальной сфере и государственном управлении, предусматривающие применение и развитие ИИ.

Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» от 29 января 2023 г. № Пр-172, в котором дан ряд рекомендаций по внедрению ИИ в образование и строительную отрасль, гласит: «обеспечить внесение в образовательные программы высшего образования и программы повышения квалификации изменений, направленных на повышение уровня компетенций в сфере искусственного интеллекта специалистов ключевых отраслей экономики и социальной сферы, специалистов по государственному и муниципальному управлению» (п. 16) [13].

Распоряжение Правительства № 2129-р от 19 августа 2020 г. об утверждении «Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» устанавливает основные подходы к изменениям в российской регуляторике, которые позволят создавать и применять технологии ИИ и робототехнику (РТ) в различных сферах, включая высшее образование и строительство.

Постановление Правительства РФ № 1428 от 28 августа 2021 г. «О рабочей группе по исследовательским центрам в сфере искусственного интеллекта» устанавливает общие правила положения о рабочих группах, организованных при аналитическом центре при правительстве РФ. Планируется, что будет создан отраслевой по ИИ в архитектуре и строительстве.

Также стоит отметить такие структуры, как университет НТИ (Национальной Технической Инициативы) «20.35». Он является проектом, в котором фокус усилий сконцентрирован на подготовке кадров для цифровой экономики и опережающего технологического развития России [14]. Университет НТИ устроен как сетевой проект в виде цифровой платформы с постоянно расширяющимся списком образовательных возможностей и рекомендуемыми сервисами, с возможностями искусственного интеллекта (например, сбор индивидуальной траектории развития, помощь в сборке образовательного пространства и др.).

Таким образом, можно считать, что в вышеизложенных документах положено начало официального развития искусственного интеллекта. В целом можно отметить неразработанность правового регулирования и стандартов по внедрению искусственного интеллекта в архитектурное проектирование и в архитектурное образование. Подобная ситуация послужила толчком для ряда исследований в этой области, проводимых с 2000-х по настоящее время. В основном они направлены на теоретические поиски технологий и практическое применение искусственного интеллекта во всех областях науки, в том числе в архитектурных специальностях. С точки зрения практического использования искусственного интеллекта есть отдельные работы и технологии, которые не получили широкого распространения.

Социальный заказ. Традиции российской архитектурной школы – одни из старейших в мире, однако вызовы времени требуют модернизации всей системы архитектурного образования. В настоящее время профессия архитектора заключается уже не в рисовании красивых фасадов, а в работе со средой, с ее наполнением новыми замыслами и сценариями.

Необходимо ответить на ряд вопросов, выявить социальный заказ. Какими должны быть современные выпускники архитектурных вузов в России? Без всякого сомнения, специалистами, способными конкурировать с выпускниками ведущих архитектурных школ мира, имеющими целостное видение проекта и понимающими все этапы его реализации. Постоянно меняющийся градостроительный процесс, к которому должны адаптироваться выпускники архитектурных специальностей, требует от них максимальной гибкости.

Постоянно меняется городская повестка: смещается фокус, актуализируется тенденция к обстоятельному исследованию городской ткани. Это ставит перед профессионалами новые вызовы. Все очевиднее, что реализовать архитектурный проект в плотной городской среде невозможно без специалистов из других областей – социологов, политологов, маркетологов. Необходим диалог между всеми участниками процесса.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Федеральный проект «Искусственный интеллект». URL: <https://digital.ac.gov.ru/about/5055/> (дата обращения: 14.11.2023).
3. *Гладков А.А.* Проблема взаимодействия искусственного интеллекта и художественного творчества. Тупик или союз технологий и искусства. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2023. № 4–3.
4. *Гусакова Е.А.* Возможности применения искусственного интеллекта в проектах девелопмента недвижимости // Системотехника строительства. Киберфизические строительные системы-2019: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 25 ноября 2019 г.). М., 2019.
5. *Елькина Е.Л.* Нейросети. Искусственный интеллект в образовании и дизайне // Роль бизнеса в трансформации общества-2023: сборник материалов XVIII Международного конгресса (международной научно-практической конференции) (Москва, 10–14 апреля 2023 г.). М., 2023.
6. *Захарова Г.Б.* Современные информационно-компьютерные технологии в магистерских программах по направлению «Архитектура» // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2020. Т. 2.
7. ИИ, действительно ли он заменит архитекторов в 2023? URL: <https://bim-portal.ru/stati/ii-deystvitelno-zamenit-arkhitektorov-v-2023/> (дата обращения: 08.04.2024).
8. *Robinson J.A.* A Machine-Oriented Logic Based on the Resolution Principle // Journal of the ACM. № 12. URL: <https://dl.acm.org/doi/pdf/10.1145/321250.321253> (дата обращения: 23.01.2024).
9. *Karsakof S.* Aperçu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersburg, 1832.
10. *McCarthy J.* Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine. Part I // Communications of the ACM. 1960. Vol. 3. № 4.
11. The Journey of Sebastian Errazuriz. Berlin: Gestalten, 2012. 4to.
12. The Journey of Sebastian Errazuriz. Berlin: Gestalten, 2012. 4to.
13. *Бондарь С.П.* Об использовании искусственного интеллекта в строительстве и архитектуре // 72-я Международная студенческая научно-техническая конференция: материалы конференции (Астрахань, 18–23 апреля 2022 г.). Астрахань, 2022.
14. *Марголин И.Д.* Основные этапы развития искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2018. № 20 (206).
15. *Уморина Ж.Э.* Цифровой морфогенез бионической архитектуры // Инновации в социокультурном пространстве: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Благовещенск, 20 апреля 2023 г.). Ч. II. Благовещенск, 2023.

Информация об авторе

Е.А. Дьячкова – преподаватель кафедры архитектуры и дизайна Московского гуманитарно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

E.A. Dyachkova – Lecturer at the Department of Architecture and Design of the Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 24.10.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 24.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 28–34.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 28–34.

Научная статья

УДК 808.1

doi:10.52470/2619046X_2024_4_28

О взаимосвязи нарративной структуры и идейного содержания повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон»

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена изучению повествовательной структуры повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» в связи с её идейным содержанием. Для достижения цели использованы методы концептуального, дискурсивного анализа, приём интерпретации нарративных структур. В ходе исследования выявлено, что на каждом этапе повествования рассказчик вводит новых героев, которые попадают в нарративный фокус, становятся главными действующими лицами. Данный приём моделирует в сознании воспринимающего сложный фрейм, в котором каждый персонаж соотносится с определённым слотом, разворачивающимся в самостоятельный сценарий. Переход к новому слоту актуализирует ранее репрезентированные слоты. Каждый слот обладает когнитивно-деривационным потенциалом. Определено, что произведение характеризуется фактологичностью, основное внимание читателя автор направляет на результат действия зла. Установлено, что нарративная структура текста отражает идею произведения: маленькое зло порождает большое. Влияние героев отражает нарративные цепочки, воплощающие цепочки зла. Подобные нарративные цепочки можно охарактеризовать как линейные и кольцевые. Линейные цепочки включают новые звенья. Кольцевые цепочки замыкаются, то есть начальные и конечные звенья в них совпадают: кольцевые цепочки отражают качественное изменение героя. Цепочки объективируют коммуникацию персонажей. Зло выступает в качестве ответа на стимул. Герои повести охватывают все сословия российского общества того времени. В нравственном аспекте их можно разделить на исключительно отрицательных, меняющихся и положительных. Распределение героев создаёт аксиологическое равновесие. Большинство героев меняется в лучшую сторону, что отражает веру автора в нравственное совершенствование человека. В нарративном аспекте повесть имеет восходяще-нисходящее строение, делится на две части. В первой показана нарастающая сила зла, вторая отражает преобразование героев. Данная нарративная схема апеллирует к библейским сюжетам. В повести показаны разные виды зла: осознанное, наме-

© Токарев Г.В., 2024

ренное и неосознанное. Фальшивый купон выступает символом зла и его главных свойств. Важной нарративной детерминантой выступает концепт «Закон».

Ключевые слова: Лев Толстой, «Фальшивый купон», нарратив, нарративная цепочка, интерпретация текста, фрейм

Для цитирования: Токарев Г.В. О взаимосвязи нарративной структуры и идейного содержания повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 28–34. https://doi.org/10.52470/2619046X_X_2024_4_28.

Original article

Relationship between narrative structure and message of the novella ‘The Forged Coupon’ by Leo Tolstoy

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, grig72@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article deals with the study of Leo Tolstoy’s novella ‘The Forged Coupon’ narrative structure in connection with its message. To achieve the goal, the author uses the methods of conceptual, discourse analysis, the technique of narrative structures interpreting. The study reveals that at each stage of the narrative, Tolstoy introduces new characters who come into narrative focus and become protagonists. This technique models a complex frame in the reader’s mind: each character correlates with a certain slot, unfolding into a separate scenario. The transition to a new slot actualizes previously represented slots. Each slot has a cognitive-derivative potential. The author determines that this story is inherently factual, and Tolstoy directs the reader’s main attention to the result of the evil action. The article also establishes that the narrative structure of the text reflects the idea of the work: a small evil generates a big one. The narrative chains embodying the chains of evil reflect the characters’ influence. There are two kinds of narrative chains: linear and circular. Linear chains include new links. Circular chains are closed (i.e. the beginning and end links coincide) and reflect a qualitative change in the character. Chains objectify the characters’ communication. Evil acts as a response to a stimulus. Among the novella characters there are representatives of all Russian society estates of that time. In the moral aspect, the characters can be villains, changing, and positive. The distribution of the characters creates an axiological balance. Most of the characters change for the better, which reflects the writer’s belief in the moral improvement of human. In the narrative aspect, the novella has an ascending-descending structure, divided into two parts. The first shows the growing power of evil, the second reflects the transformation of the characters. This narrative scheme appeals to biblical scenes. The novella shows different types of evil: deliberate, intended, and unintended. The forged coupon is a symbol of evil and its main properties. The concept of ‘Law’ is an important narrative determinant.

Keywords: Leo Tolstoy, ‘The Forged Coupon’, narrative, narrative chain, text interpretation, frame

For citation: Tokarev G.V. Relationship between narrative structure and message of the novella ‘The Forged Coupon’ by Leo Tolstoy // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 28–34. https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_4_28.

Развитие когнитивно-герменевтических направлений в современном языкознании позволяет по-новому объяснить художественный текст. Сформулированные А.А. Потемной,

Ю.М. Лотманом и др. идеи о ментальном пространстве текста, его восприятии, ставит перед современными исследователями вопросы о репрезентации действительности в нём, особенностях моделирования его пространства, художественном мышлении. Общим мнением является то, что «...литература должна рассматриваться как один из видов ментальной деятельности, основанный на тех же механизмах и подчиняющийся тем же законам, что и прочие типы мыслительной активности» [1, с. 26]. Из этого следует, что методология когнитивных наук может быть экстраполирована на пространство художественного текста, процессы концептуализации и категоризации осуществляются по тем же законам.

Повесть «Фальшивый купон» Л.Н. Толстого является одним из шедевров русского эпического искусства конца XIX – начала XX в. Как и другие произведения гениального писателя, она демонстрирует многообразные грани, которые могут стать объектом филологического исследования. «Фальшивый купон» отражает повествовательную манеру Толстого: выбор злободневных тем, остроту сюжета, большое количество персонажей.

Целью настоящей статьи является изучение повествовательной структуры повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» в связи с её идейным содержанием. Следует заметить, что данное произведение было изучено преимущественно в лексико-стилистическом аспекте (Е.А. Печурова, Д.А. Романов и др.), повествовательные особенности повести были рассмотрены в статьях Д.А. Романова, Е.Ю. Романчевой, Е.С. Роговер и др. Поставленная цель достигается методами концептуального и дискурсивного анализа, приёмом интерпретации нарративных структур.

Изучив отзывы читателей об этой повести, мы пришли к выводу, что большая их часть обращает внимание на особенности развёртывания действия. Трудно не согласиться с мнением, что особенности организации повествования раскрывают идейное содержание произведения. На каждом этапе изложения рассказчик вводит новых героев, которые попадают в нарративный фокус, становятся главными действующими лицами, актуализируя новые нарративные программы, при этом генерируя содержательные связи с уже известными персонажами. Данный приём воссоздаёт в сознании воспринимающего сложный фрейм, в котором каждый персонаж соотносится с определённым слотом, разворачивающимся в самостоятельный сценарий. Переход к новому слоту актуализирует ранее репрезентированные элементы фрейма. Иными словами, каждый слот обладает когнитивно-деривационным потенциалом, обеспечивает наступательную генерацию смысла.

Семантика ключевого слова, включённого в название текста, *купон* ‘часть билета или пая, акции; отрезок от него, на получение ростов или доходов’ [1, т. 2, с. 220] обладает имплицитными семами ‘передача’, ‘движение’. Хотя перемещение купона читатель может наблюдать только в начале повести, его косвенное воздействие на людей затрагивает всё произведение.

В повести мы выделили 18 ключевых героев, каждого из них можно охарактеризовать как главного, поскольку он наделяется автором генерирующим потенциалом, его действия влияют на сюжет:

1. Фёдор Михайлович Смоковников.
2. Михаил Введенский.
3. Митя.
4. Махин.
5. Евгений Михайлович.
6. Иван Миронов.
7. Пётр Николаевич Светинский.
8. Наталья Ивановна Светинская.

9. Прошка.
10. Василий.
11. Степан Пелагеюшкин.
12. Мария Семёновна.
13. Иван Чуев.
14. Махоркин.
15. Исидор.
16. Лиза Еропкина.
17. Турчанинова.
18. Тюрин.

Таким образом, можно говорить, как минимум, о восемнадцати слотах, аккумулирующих содержание повести. Когнитивная интерпретация слота отчасти координируется автором посредством имени персонажа (см. работы Е.А. Печуровой, Д.А. Романова). Так, имена мальчиков-гимназистов: Митя и Махин – определяют тональность восприятия образов, симпатию к первому и нейтральное отношение ко второму.

Каждый из героев реализует свою сюжетную линию, которая пересекается с сюжетными траекториями других героев, образуя сложную сеть. История каждого героя представляет собой содержательное ядро, она в той или иной степени закончена, из неё может быть сконструирован отдельный нарратив. Например, история Михаила Введенского или Степана Пелагеюшкина могла бы стать основой отдельного рассказа. Это объясняется тем, что герои не знакомы друг с другом, их истории развиваются последовательно или параллельно. В то же время сюжетные линии детерминируют друг друга, одна переходит в другую. Так, обманутый Евгением Михайловичем, Иван Миронов сам вынужденно становится на путь воровства, крадёт лошадей у Степана Пелагеюшкина, который его за это лишает жизни.

Произведение характеризуется фактологичностью, основное внимание читателя автор направляет на результат действия зла. Эту нарративную задачу объективируют глаголы совершенного вида: «губернатор написал», «Фёдор Михайлович озлобился», «сын испугался и озлобился», «Махин старательно вывел единицу», «Евгений Михайлович спустил купон» и т.д. Описания кратки. При создании образа персонажа автор использует индексальные знаки. Так, в товарище Мити Толстой фокусирует внимание читателя на усах, знаке взрослости, молодого человека, предполагающей осведомлённость о человеческих пороках и даже участие в них: «Махин был гимназист с усами» (Толстой «Фальшивый купон»).

Характерно, что только четверо из ключевых героев непосредственно связаны с фальшивым купоном (Митя, Махин, Евгений Михайлович, Иван Миронов). Остальные имеют опосредованную связь, объективируя идею цепного распространения зла. Из этого можно сделать вывод, что писатель в большей степени желает показать последствия действия фальшивого купона.

Нарративная структура текста отражает идею произведения: маленькое зло порождает большое. Продолжение зла увеличивается с геометрической прогрессией. Символом этого становится подделка купона: увеличение его номинальной стоимости.

Влияние героев отражают нарративные цепочки, по сути, воплощающие цепочки зла: губернатор негативно влияет на Фёдора Михайловича, который в свою очередь срывает зло на Мите; Митя побуждает Махина придумать, как обмануть, жульничество гимназистов толкает Евгения Михайловича одурачить Ивана Миронова и т.д. Продолжение цепочек возможно из-за нравственной слабости людей. Цепочки прерывают люди с нравственными принципами: старец Исидор, Мария Семёновна, Иван Чуев, Степан Пелагеюшкин. Подобные нарративные

цепочки можно охарактеризовать как линейные и кольцевые. Линейные цепочки включают новые звенья: Иван Миронов → Степан Пелагеюшкин → Махоркин. Кольцевые замыкаются, то есть начальные и конечные звенья в них совпадают: Фёдор Михайлович → Михаил Введенский → старец Исидор → Михаил Введенский; Митя → Махин → Евгений Михайлович → Иван Миронов → Степан Пелагеюшкин → Митя; Фёдор Михайлович Смоковников → Митя → Степан Пелагеюшкин → Митя → Фёдор Михайлович Смоковников. Так, последняя из названных цепочек отражает изменение отношения отца к сыну. Кольцевые цепочки объективируют качественное изменение героя. Отец Мисаил, после расправы с сектантами и старцем Исидорой, под влиянием его наставления раскаивается. Цепочки объективируют коммуникацию персонажей. Зло выступает в качестве ответа на стимул. Губернатор написал Фёдору Михайловичу Смоковникову бумагу с замечанием, Фёдор Михайлович не идёт на встречу сыну Мите, Митя с гимназистом Махиным подсовывают жене Евгения Михайловича фальшивый купон, Евгений Михайлович обманывает крестьянина Ивана Миронова и т.д. Прервать цепочку зла может только непотворение ему. Старец Исидор, Мария Семёновна, Иван Чуев, Степан Пелагеюшкин, палач Махоркин, Наталья Ивановна Светинская воплощают теорию Л.Н. Толстого о непотворении злу насилем.

Герои охватывают все сословия российского общества того времени: от императора до крестьянина. В нравственном аспекте их можно разделить на исключительно отрицательных (Прошка), меняющихся (Митя, Махин, Наталья Ивановна, Василий, Степан Пелагеюшкин и др.), положительные (Исидор, Мария Семёновна). Такое распределение героев создаёт аксиологическое равновесие. Большинство героев меняется в лучшую сторону, просветляется, что, несомненно, отражает веру автора в нравственное совершенствование человека, его убеждённость в возможности разрыва цепочек зла. М.А. Дуйщуголова отмечает: «Повесть “Фальшивый купон” наглядно показывает, как, казалось бы, незначительное мошенничество повлекло за собой цепь зла – разбиты судьбы, совершены грабежи и убийства, прежде чем герои произведения приходят к раскаянию и прозрению. Л.Н. Толстой талантливо показывает истоки цепи преступлений, которые коренятся в недобрых мыслях и чувствах» [2, с. 93].

В нарративном аспекте повесть имеет восходяще-нисходящее строение, делится на две части. В первой показана нарастающая сила зла, вторая отражает преобразование героев, переосмысление их жизненных ценностей, уничтожение зла. Л.Ю. Романчева отмечает: «Автор прослеживает “путь зла” в разных эпизодах повести, причем негативные события развиваются по нарастающей, и мотив “злости” в людских отношениях повторяется с явным усилением» [9, с. 30]. Данная нарративная схема апеллирует к библейским сюжетам. Е.С. Роговер отмечает: «Если первая часть посвящена истории зарождения и распространения зла, то вторая – истории его одоления распространяющимся и утверждающимся добром. 23 маленькие главки первой части – это звенья одной черной цепи, тогда как 20 главков второй части – звенья цепи светлой» [7, с. 115].

В повести показаны разные виды зла: осознанное, намеренное и неосознанное. Митя и Махин в силу своего возраста не могут предвидеть последствий своего поступка. Не понимая для чего, Степан Пелагеюшкин совершает несколько убийств людей, которые не делали ему ничего плохого. Осознанное зло осмыслено, продумано, чаще всего является результатом мщения. Так, Евгений Михайлович, пытаясь возместить убыток, намеренно приобретает дрова у Ивана Миронова за фальшивый купон. Михаил Введенский намеренно расправляется с крестьянами-сектантами.

В повести отражены все виды зла. Отдельные герои его персонифицируют:

- Фёдор Михайлович, Михаил Введенский – гордыню, тщеславие;
- Митя, Махин, Евгений Михайлович, Василий – обман, лжесвидетельство;

- Прошка и Василий – воровство;
- Степан Пелагеюшкин, Тюрин, Турчанинова – убийство.

Толстой показывает, что нет маленького или большого зла.

Фальшивый купон выступает символом зла и его главных свойств: порождать другое зло, активно воздействовать на человека, быстро распространяться. Семантика слова купон 'быть эрзацем чего-то, передача' объективирует идею зла.

Важной нарративной детерминантой выступает концепт «Закон», который в тексте представлен в трёх ипостасях:

- закон официальный юридический;
- закон нравственный;
- закон профанный.

Выразителем официального закона является царь, суд, полиция, его реализаторами становятся Фёдор Михайлович Смоковников, отец Мисаил Введенский. В повести показана формальная сторона такого закона, следствием действия которого является преступление.

Профанный закон объективируется в попытке установления справедливости. Так, Василий обкрадывает купца Краснопузова и отдаёт деньги своему бывшему хозяину Евгению Михайловичу, а также жертвует их в качестве приданого четырнадцати невестам. Действие профанного закона связано с субъективным восприятием действительности, достижением благих целей путём совершения преступления.

Закон нравственный, основанный на библейских заповедях, на принципе непротивления злу, манифестирован в первую очередь образами Марии Семёновны и старца Исидора.

Таким образом, представленное в виде цепочек слотов содержание повести «Фальшивый купон» указывает на динамичный характер нарратива. Слот репрезентирован образом персонажа и включает в свой состав его историю. Взаимодействие слотов формирует нарративные программы, которые воплощают идею нарастания, распространения зла и его пресечения. Художественный символ *фальшивый купон* воплощает свойства зла. Толстой подбирает разные типы героев для того, чтобы показать возможные виды влияния зла на человека и единственный способ противостояния ему, приобретающий форму внутреннего нравственного закона.

Список источников

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.
2. *Дуйшегулова М.А., Крутиков Д.А.* Мотивы раскаяния и прозрения в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов: материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Евгения Дмитриевича Поливанова. Бишкек, 2021.
3. *Лозинская Е.В.* Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. М., 2007.
4. *Печурова Е.А.* Особенности именования духовных лиц в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Язык в слове, фразеологизме, тексте (по материалам Международной научной конференции). Орёл, 2015.
5. *Печурова Е.А.* О роли антропонимов и апеллятивов в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Л.Н. Толстой: идеи, образы, язык. Тула, 2015.
6. *Печурова Е.А.* Библейские аллюзии и реминисценции в повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Л.Н. Толстой: мотивы, стиль, аллюзии. Тула, 2016.
7. *Роговер Е.С.* Художественное своеобразие повести Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» // Духовное наследие Л.Н. Толстого в современных культурных дискурсах: материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула, 2016.

8. *Романов Д.А.* Повествовательная структура рассказа Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» (к 195-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84. № 5.
9. *Романьчева Е.Ю.* Композиция повести «Фальшивый купон» как выражение философии позднего Толстого // Материалы Толстовских чтений 2021 года в Государственном музее Л.Н. Толстого. М., 2022.

Информация об авторе

Г.В. Токарев – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

Information about the author

G.V. Tokarev – Doctor of Philology, Professor; Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 35–42.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 35–42.

Научная статья

УДК 167; 82.01

doi:10.52470/2619046X_2024_4_35

Семиотика повседневности и поэзия Игоря-Северянина

Владимир Иванович Щеров¹, Виктория Валерьевна Никульцева²

^{1,2} Московский финансово-юридический университет МФЮА, Москва, Россия

¹ vshcherov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0510-3386>

² severjanin@list.ru <https://orcid.org/0009-0008-0085-8230>

Аннотация. В данном исследовании применяются методы трех наук: истории, семиотики и лингвопоэтики. Объектом исследования является творчество одного из видных поэтов Серебряного века – Игоря-Северянина. При изучении его поэзии 1914–1918 гг. используется исторический анализ структуры повседневности и ментальности, семиотический разбор знаков национальной культуры и семантический анализ лексических единиц. Нами предпринята экспериментальная попытка рассмотрения поэтического текста в качестве исторического источника внутри системы знаковой коммуникации (государственной и религиозной). Особое внимание в работе уделяется предреволюционному и революционному периодам истории России, когда происходил слом укорененных в русских национальных традициях структур повседневности. Трагические последствия этих событий были красноречиво представлены поэтами и мыслителями, которые явились их непосредственными свидетелями и участниками. Стихотворения Игоря-Северянина из поэтических сборников «Victoria Regia» (1915), «Вервэна» (1920), «Миррэлия» (1922) экспрессивно отразили эти общественные изменения и выявили их историческое значение.

Ключевые слова: повседневность, ментальность, поэзия, Серебряный век, Игорь-Северянин, школа «Анналов»

Для цитирования: Щеров В.И., Никульцева В.В. Семиотика повседневности и поэзия Игоря-Северянина // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 35–42. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_35.

© Щеров В.И., Никульцева В.В., 2024

Original article

Semiotics of daily occurrence and poetry of Igor-Severyanin

Vladimir I. Shchedrov¹, Victoria V. Nikultseva²^{1,2} Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia¹ vshcherov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0510-3386>² severjanin@list.ru <https://orcid.org/0009-0008-0085-8230>

Abstract. In our research, we use the methods of three sciences: history, semiotics and linguopoetics. The object of the study is the work of one of the prominent poets of the Silver Age – Igor-Severyanin. When studying his poetry of 1914–1918 years, historical analysis of the structure of daily occurrence and mentality, semiotic analysis of the signs of national culture and semantic analysis of lexical units are used. We have made an experimental attempt to consider a poetic text as a historical source within the system of sign communication (state and religious). In our work, we pay special attention to the pre-revolutionary and revolutionary periods of Russian history, when the structures of daily occurrence rooted in Russian national traditions were broken down. Poets and thinkers who were direct witnesses and participants eloquently presented the tragic consequences of these events. Igor-Severyanin's poems from the poetry collections «Victoria Regia» (1915), «Vervena» (1920), «Mirralia» (1922) expressively reflected these social changes and revealed their historical significance.

Keywords: daily occurrence, mentality, poetry, Silver Age, Igor-Severyanin, Annales school

For citation: Shcherov V.I., Nikultseva V.V. Semiotics of daily occurrence and poetry of Igor-Severyanin // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 35–42. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_35.

Семиотика повседневности может рассматриваться во множестве контекстов. Ее появление связывается с апробацией структурных методов исследования при изучении быта, обыденного, часто повторяемого. Примером служат новаторские в 1970-е гг. работы по семиологии Р. Барта [1] и Ю.М. Лотмана [3]. В своей работе мы затронем только то направление изучения повседневности, которое было укоренено исторической школой «Анналов» еще в 30-х гг. XX в. Эта группа французских историков впервые включила понятие «повседневность» в объектив рассмотрения непримечательных событий прошлого. Тем значительнее, по выражению Л. Февра, стало результативное приведение в систему этих полузабытых фактов, оставшихся без объяснения, брошенных кое-как на полях истории, «как гряда камней» [8, с. 15].

Одним из путей, с помощью которого изыскиваются новые связи между отобранными в громкие исторические периоды фактами, является анализ текстов: «История использует *тексты* – не спорю. Но – *все тексты*. А не только архивные документы, как сказал *некто*, особую привилегию на поставку оторванным от действительности историками всего их позитивного материала: имен, мест, дат... А и стихи, картины, пьесы: все это тоже источники, свидетельства живой человеческой истории, пронизанной мыслью и призывом к действию» [8, с. 20]. Историк прибегает к методам соседствующих наук – сравнительной лингвистики, филологии, семиотики – всего, что способно пролить свет на невидимые внешне связи между событиями,

потерявшимися во времени и пространстве. Для воссоздания целостной исторической картины последователи школы «Анналов» выявляют естественные, экономические, социальные условия свершения события прошлого и настоящего, а также закладывают основание для общекультурного понимания народной «ментальности». Понятие «ментальность», введенное Ф. Броделем [2], обозначает рожденные сознанием народа образы национальной культуры, исполненные в устном творчестве, сказках, преданиях, былинах, поговорках, песнях и т.д. Эти тексты находятся под особо пристальным вниманием историка, когда в недосказанности документов утрачивается нить фактического повествования, и только в них проступают завуалированные связи между типичными событиями в жизни отдельных народов.

Повседневность как историческая проблема чаще всего обнаруживает себя как раз в момент трагического разрушения привычного уклада жизни, грубого вмешательства смертоносных войн и государственных потрясений в ее размеренный ход. Страхи общества перед этими фатальными событиями проявляются в фольклорных ритуалах, обычаях, празднествах. В Средневековье они находили отражение в сакральных верованиях, ограждающих ото всех чуждых вмешательств в обыденное существование, либо, напротив, в карнавальной культуре, насаждающей вольность и безбожие. Массовые переживания, демонстрирующие народный нрав, накладывают отпечаток на национальные языки и прочие образцы духовной и материальной культуры. В своей работе мы остановимся на языковом анализе модернистских поэтических текстов поэта Серебряного века Игоря-Северянина (о выборе дефисного написания псевдонима поэта см.: [4, с. 96–98; 5; 6, с. 5]), которые содержат в себе ментальные черты народной культуры.

В периоды глобальных политических переворотов народная речь оказывается свободна от несбыточных надежд и суеверий, переполнена ощущением бездонности страдания, горечи утраты истоков, но в то же время сопровождается безудержным гневом и превознесением своего могущества. Ярче всего эти речевые изменения, порожденные революционными веяниями современности, передает поэтический текст. Поэт, мастер слова, на время сливается с толпой, прислушивается к ее нестройному говору и разделяет нелегкую участь своего народа. В исследовании мы рассмотрим творчество Игоря-Северянина, застигнутого хаосом мировой войны и революций. Его поэтическая слава совпала с формированием в России массовой культуры, когда авторы в своем сочинительстве покорно подражали изменчивым общественным вкусам. Игорь-Северянин – поэт-артист – один из первых стал читать стихи публично, а собираемые им залы слушателей в Тенишевском училище или Политехническом музее сотрясались от шума и рукоплесканий. Поэт мог уловить не только настроения аудитории, но и вызвать у поклонников глубокое внутреннее сопереживание за будущее своей страны. Декламируя стихи, он виртуозно управлял чувствами зрителей, то ликующих от восторга, то ревуших от негодования.

Разумеется, рассмотрение поэзии в качестве исторического источника требует некоторых оговорок. Лирический текст имеет свое эстетическое предназначение, определяемое как художественный вымысел, поэтому непредубежденный поиск его созвучий с реальными событиями осуществляется в строго проведенных границах. Чтобы текст попал в неоднозначное перекрестие социальных и политических вопросов, он должен быть открыт для интерпретаций расхожих знаков времени и места своего написания. В стихотворениях («поэзах») Игоря-Северянина ненастные события предреволюционного и революционного периода российской истории проходили под знаками «орла», «флага», «короны», «престола», «державы», «револьвера», «креста» и др. В поэтических произведениях 1914–1922 гг. (см., напр., сборники «Victoria Regia», 1915, «Миррэлия», 1922) поэт отказывается от декадентских манифестаций, самовосхваления и эпигонства прошлых лет; в них присутствует патриотиче-

ская тематика, идея служения и милосердия, искренняя боль за судьбу страны. Поэт в первые годы Февральской революции использовал в стихах государственную символику:

Мы, русские республиканцы, –
Отсталым народам пример!
Пусть флагов пылают румянцы!
Сверкает в руках револьвер! («Гимн Российской Республики», 1917) [7, с. 276]

Обращение с хвалебными сравнениями в форме гимна является жанровой особенностью творчества поэта. Гимн у Игоря-Северянина становится песенным сопровождением национальной символики. «Револьвер» и «флаги», несомненно, являются символами революции, «счастья народа», которую автор всячески превозносит, страстно сочувствует новым идеалам «труда, равенства, мира и свободы». Поддавшись искушению пьянящей свободы после свержения монархии, Игорь-Северянин не мог предвидеть последующих событий гражданской войны, вызвавших у него противоположные чувства оцепенения и потерянности. Он больше не с «людишками гнусными, озверелыми» и «идеями вздорными – мечтами напрасными». Исторический кризис вызвал у поэта личную драму отдаления от Родины и переезда в соседнюю Эстонию. Он не переставал считать себя русским поэтом, был непримирим как к искалеченному творчеству эмигрантов, так и к революционному произволу большевистских поэтов, особенно к футуризму его «дружественного врага» В. Маяковского. Поэзия Игоря-Северянина 1920–1930-х гг. не теряет своего лирического изящества и задушевности, но становится оторванной от культуры «идейной» пролетарской страны. По крайней мере, символику советского государства он обходит молчанием.

Знаки власти имеют объединяющую силу и могут определять национальные черты как в положительном, так и в отрицательном значении. В тревожные моменты истории стихи Игоря-Северянина проникнуты гордостью за свой народ, патетической верой в его избранность:

Народу русскому дивитесь:
Орлить настал его черед!
Восстал из недр народных витязь
И спас от деспота народ. («Все – как один», 1917) [7, с. 276]

В сравнениях поэта отсутствует недосказанность, неологизм «орлит» неофициален и возвышен, представления о народе и его герое органичны и романтичны.

Игорь-Северянин выступает как патриот своей страны в годы Первой Мировой войны. В сборнике «Victoria Regia» он был обличителем Германии, которая напала на его державу и «Славянию». Знак имперской власти – «корона» – приобретает негативное значение немецкой агрессии. Поэт с возмущением фамильярно обращается к незримому германскому императору Вильгельму:

Я говорю тебе, чья «гордая» корона
Иного ослепить способна невзначай
Ты – варвар! – ты тиран! ты – шут Наполеона!
Пред Богом отвечай! («Поэза возмущения», 1914) [7, с. 134]

Империя Гогенцоллернов противопоставляется славянским народам, но только в политическом смысле, так как культурное наследие Германии в лице Бетховена, Канта, Гете и Шиллера учит совсем другим дружественным и общемировым ценностям. Персональное обращение к немецкому императору не является обращением ко всей нации. Сам Игорь-Северянин – категорический противник войны, «вселенец», но, когда «отечество в огне», он за «благосло-

вание войне» и «народную оборону» под милосердным знаком Красного креста. В «Поэзе о гуннах» (1914) присутствует отповедь варварским воззваниям пангерманизма, назиданием для которых послужит отечественный символ мира и любви – «русский сарафан» [7, с. 135].

Мирный повседневный быт русского народа в раннем творчестве 1910 г. Игорь-Северянин связывает с божественным почитанием. Ярким примером народного великодушия и святости является «Пасхальный гимн» [7, с. 24]. Христианский праздник Воскресения показан у поэта благословением всего народа, воспеванием его победной жертвенности и бессмертия. «Колокола» представлены звучащим знаком вечной жизни, душевного богатства и всеобщей любви.

Также русская повседневность его ранних стихов предстает в грубоватых образах мечтательной красоты бескрайних лесных просторов, раздающихся эхом полей, традиционных «березок» и «девок» – спутниц поэта («Русская», 1910) [7, с. 24].

Революционная буря, захватившая страну в начале 1917 г., открывает еще не узнанные черты русского народа. Игорь-Северянин незадолго до этих событий в 1916 г. выступает на стороне мира, свободы, природы:

Не вовлечет никто меня в войну:
Моя страна для радости народа.
Я свято чту и мир и тишину.
Мой лучший друг – страны моей свобода.
И в красный цвет зеленую весну
Не превращу, любя тебя, природа! («Секстина мудрой королевы (III)») [7, с. 264]

Поэт-гедонист, поэт-флорист, поэт-гурман, который ищет в людях запахи цветов, а поэт-мерит по гастрономическим изыскам, приобретает в феврале – марте 1917 г. новое амплуа борца с царизмом. «Перо-булат» – занесенное оружие Игоря-Северянина, и это не смертельное принуждение обстоятельств, а собственный выбор в годы всеобщего беззакония:

Язык остер, как меч без ножен!
Жизнь новую пора начать! («Моему народу», 1917) [7, с. 276]

«Трон» как ироничный знак покачнувшейся власти враждебен автору; в стихотворной рифме он отображается сбивчиво и небрежно. Слова поэта созвучны негодующей толпе, которая стекалась на его публичные выступления. Игорь-Северянин, как и многие собратья по перу, приобретает славу почти революционного поэта. Он «опьянен свободой»:

И – это явь? не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое к жизни возрожденье!
Я плачу! я свободой пьян! («И это – явь?..», 1917) [7, с. 277]

Свобода открывает глаза, придает видимость реальному, в противоположность «державной гордости слепой» («Баллада XII», 1917) [7, с. 277]. Знак царской власти опять изобличен.

Конечно, поэт по-прежнему остается предан сонетной лирике, но его переполняет чувство горечи за свою страну. Обрисовывая монархию, поэт декларирует, что этот «образ правления беспутен», а у власти находится «царь алкоголик». Здесь же присутствует едва сдерживаемое раздражение на «рабски покорных» и «оцаренных».

Что последовало за свержением царя? Крушение надежд на безграничную свободу. Другого и быть не могло, – вчерашние «рабы стали царями», и «престол», знак единоличной власти, остался. Новая вспышка сарказма по отношению к возглавившему правительство

Керенскому – «Александру IV», «адвокату из Самары» – уже не вселяет уверенности в скорое торжество Свободы. Народ вновь «оцарен», и надвигается еще более страшная «разбойная война», порожденная его расколом. Поэт ищет примирения в общечеловеческом и вечном:

Вселенец – антипатриот,
Но к человеку человечен:
Над братом он не занесет
Меча, в своем вселенстве вечен. («Баллада XVII», 1917) [7, с. 278]

В 1918 г. свет прежних надежд сменяется густой тьмой, а мир, «зачумленный войной», вызывает предчувствие скорого Апокалипсиса. Игорь-Северянин обречен на беспомощность, как и все горожане Петрограда, захваченного «Царем Голодом», «скелетовидной Холерой», «пучеглазой Чумой» («Борису Верину», 1918) [7, с. 228]. Но самым страшным для поникшего поэта был отрыв новой власти от старинных корней народной святости:

И вот, под влиянием моды,
Святое отринувшей, все
На модных ходулях «комоды»
Вдруг круг завели в колесе.
Как следствие чуши и вздора –
Неистово вторглись в войну.
Воскресли Содом и Гоморра,
Покаренные в старину. («Поэза упадка», 1918) [7, с. 228]

Открытое неповиновение «идейной» моде проявилось в искупительном обращении Игоря-Северянина к Евангелию. Многочисленные стихи 1918 г. стали его покаянием за то, что, захваченный праздным настроением масс, он не устоял в своей бытовой повседневности перед «клеветой» и «смертными грехами». Теперь «аристократу» не место в «Рассее», где его ждет только «презрение» и «поношение хамское» («Финал», 1918) [7, с. 235]. Поэт готовится к неумолимым испытаниям, но не теряет веру в тех, которые «возгрянут гимн добру и красоте» («Лэ V», 1918) [7, с. 235]. Этот гимн еще предстоит услышать пробужденному человечеству, а пока, перед отъездом из Петрограда, он обнародует свое открытое обращение с увещеванием о христианской вере и спасительном кресте:

И будут жить в священной простоте,
Служа не зверской, дерзкой, мерзкой силе;
А духу своему, петь о Христе,
О том, как мы Исуса поносили
В своей бесчеловечной пустоте,
Петь о Его расколмленной могиле.
Петь о Христовом подвижном кресте. («Лэ V») [7, с. 235]

Сводя воедино все означаемые представленных поэтических текстов, мы выстраиваем последовательный хронологический ряд событий, произошедших одновременно в жизни автора и четырехлетней истории страны с 1914 по 1918 гг. Рассуждения Игоря-Северянина о народной ментальности меняются в зависимости от степени вовлеченности в череду разрушительных революционных событий. Поэт передает непритворные чувства, надежды, требования народных масс, сам ими заражается и, в итоге, разочаровывается. Переломные моменты истории помимо наступающего хаоса и неурядиц приносят понимание истинных и неизменных ценностей в жизни целого народа.

Семантическими точками соприкосновения текста и исторической действительности становятся знаки – символы государственной власти и религии. Этим объясняется трудность жанровой идентификации поэтических произведений, где дается их авторская интерпретация в зависимости от исторического контекста. Поэтическая форма гимна является преобладающей, но не единственной. Игорь-Северянин как рядовой обыватель, попавший в круговорот смертоносных событий войны и революции, искренне выражает в стихах восторг, нетерпение, страхи, сомнения, чем завоевывает на публичных выступлениях славу у слушателей.

Эстетическая самоценность поэзии, в представлении Игоря-Северянина, делает ее свободной от внешних идеологических влияний и фальсификаций. Тем не менее, означающее художественного текста дает ясное представление об исторических фактах от реально действующего и страдающего автора. Он был активным участником событий с фиксированной датой и местом происшествя и находился под влиянием объективных общественных процессов. Выбранные поэтом знаки «орла», «державы», «креста» изначально имеют общеупотребительное значение для выражения мирского и божественного, которое сохраняется в поэтических произведениях с их упоминанием. Игорь-Северянин не ставит целью идеологическую или религиозную пропаганду, но внутри оживленных событий видит их общенациональное и мировое значение. Сам ход истории, изменяющей судьбы миллионов людей, со временем обнажает настоящие причины происходящего. Поэту остается только запечатлеть это в рифмованных строфах для будущих поколений.

Таким образом, в исследовании проведен историко-семантический анализ произведений 1914–1918 гг. одного из самых видных поэтов Серебряного века – Игоря-Северянина. В них прослежен методологический пласт определения структуры повседневности как устойчивой, привычной, повторяемой общекультурной ценности, разрушение и утрата которой, по мнению поэта, влечет за собой историческую трагедию. Вековые обычаи, составляющие духовное основание национальной ментальности, не могут быть отменены или уничтожены отдельным событием – ключевой смысл поэзии Игоря-Северянина. Возвращение этих культурных традиций составляет историческую закономерность.

Список источников

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
3. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
4. *Никульцева В.В.* История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3.
5. *Никульцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
6. *Никульцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М., 2008.
7. *Северянин И.* Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1999.
8. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
9. *Щеров В.И.* Философия и повествование. Концепции литературной критики «Йельской школы»; П. де Ман, Х. Блум, Дж. Хартман, Дж.Х. Миллер: дис. ... канд. филос. наук. Смоленск, 2002.

Информация об авторах

В.И. Щеров – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Москва, Россия

В.В. Никульцева – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Москва, Россия

Information about the authors

V.I. Shcherov – Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia

V.V. Nikultseva – Candidate of Science in Philology, Associate Professor; Head of the Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 24.10.2024.

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 24.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 43–50.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 43–50.

Научная статья

УДК 82-2

doi:10.52470/2619046X_2024_4_43

Драматургия Л. Лунца и проблема создания революционной пьесы

Татьяна Александровна Купченко

Институт мировой литературы им А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, tkupchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5417-2017>

Аннотация. Лев Лунц строит свои пьесы как экспериментальные драмы, сюжетный мир которых крайне условен. Их главными героями являются перетекающие друг в друга жанры комедии и трагедии. Опираясь на драматургию А. Блока, Лунц полемизирует с футуристическим мифом о преобразующей силе времени и искусства. Драматург создает собственный миф о революционности как некоей субстанции непрерывно становящегося времени, близкий к абсурдной картине мира. Это выявление перетекающих друг в друга смыслов, обращающихся в свою противоположность, жертвой которых становится человек, потерявший ориентиры в момент революции.

Ключевые слова: авангардная драма, Лев Лунц, А. Блок, В. Маяковский, миф о времени, революция, футуризм

Для цитирования: Купченко Т.А. Драматургия Л. Лунца и проблема создания революционной пьесы // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 43–50. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_43.

Original article

Drama by L. Lunts and the problem of creating a revolutionary play

Tatyana A. Kupchenko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tkupchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5417-2017>

Abstract. Lev Lunts constructs his plays as experimental dramas, the plot world of which is extremely conventional. Their main characters are the genres of comedy and tragedy flowing into each other. Based on the dramaturgy of A. Blok, Lunts polemicizes with the futuristic myth of the transformative power of time and

© Купченко Т.А., 2024

art. The playwright creates his own myth of revolution as a certain substance of continuously becoming time, close to the absurd picture of the world. This is the identification of meanings flowing into each other, turning into their opposite, the victim of which is a person who has lost his bearings at the moment of revolution.

Keywords: avant-garde drama, Lev Lunts, A. Blok, V. Mayakovsky, myth of time, revolution, futurism

For citation: Kupchenko T.A. Drama by L. Lunts and the problem of creating a revolutionary play // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 43–50. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_43.

1920-е годы – это время становления пореволюционной литературы, поиски стиля и метода, который отвечал бы революции. Футуристы, ставшие комфутами, считали, что новая литература – это литература авангардного типа, которая связана с поисками новых словесных форм, свежим взглядом на мир за счет расщепления привычных означающих с означаемыми, поиском психического содержания в цвете, звуке, краске – сосредоточении на тех качествах мира, которые даны человеку в его ощущениях, но через установление новых связей между ними. Эта программа отталкивалась от символизма с его поисками проявления идеального (мифа) в реальности, и в конце концов сосредоточивалась на этой реальности, пропитанной высшими смыслами, углубленной и экзистенциальной.

Лев Лунц (1901–1924) – один из создателей группы «Серапионовы братья» и автор двух манифестов «Почему мы Серапионовы братья» (1922) и «На запад!» (1923), полемической статьи «Об идеологии и публицистике» (1922), автор нескольких рассказов, двух сценариев «Восстание вещей» (1923) и «Завещание царя» (1923), был прежде всего оригинальным драматургом. Его четыре пьесы – «Вне закона» (1919–1920), «Обезьяны идут!» (1920), «Бертран де Борн» (1922), «Город правды» (1923–1924) – представляют собой самобытный театр, одной из основных особенностей которого является метадраматизм.

Л. Лунц живет в Петербурге, он заканчивает Петербургский университет, в голодное время оказывается в созданном М. Горьким «Доме искусств», знаменитом Диске, занимается в студиях художественного перевода и литературного мастерства при нем. Его учителями оказываются В. Жирмундский, Е. Замятин, В. Шкловский, а также и М. Горький, и Н. Гумилев, чью молодежную студию стиха он также посещает. В круг писателя входят И. Одоевцева и В. Ходасевич, акмеист С. Нейльдихен. Молодежную акмеистическую студию посещал также и будущий обэриут Л. Липавский. «Серапионов брат» В. Познер называл среди близких группе писателей А. Ахматову, Н. Чуковского. Таким образом, Лунц оказывается связан и с левым авангардом, и с акмеистами, которые отталкивались от символизма в сторону поисков иного смысла и ясности, которые также привели к смысловой зауми и абсурду (связи обэриутов и Гумилева, заумников и Мандельштама).

Метадрама – это пьеса, сюжет которой составляет сам процесс создания пьесы. Автор является ее героем. В качестве примера можно назвать «Поэму о топоре» Погодина, «Последний решительный», «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, «Багровый остров» М. Булгакова, «Обыкновенное чудо» Е. Шварца [4]. Существует также форма «театр в театре», сюжетом которой является процесс постановки пьесы в театре [4]. Есть фигуры автора, актеров, есть обсуждение ролей, трудностей постановки. Классический пример – «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира, «Мышеловка» в «Гамлете». А в XX в. – это «Балаганчик» А. Блока, «Ошибка смерти» В. Хлебникова, «Баня» Маяковского, «Комедия города Петербурга» Д. Хармса.

Все четыре пьесы Л. Лунца обладают признаками метаструктуры. Как писатель сам пишет в предисловиях и послесловиях к своим драмам, он хочет создать прежде всего сце-

ничные драмы, театр «чистого», пусть даже «оголенного» действия, «чистого движения», театр «страстей», «героев», «трагической правды» [6, с. 491, 478], то есть театр, предметом которого является он сам. В духе формализма Лунц считает театром именно «театральную систему», поэтому для него «Русского театра не существует» [5, с. 293] как не создавшего системы, своего канона, школы. Об этом же говорится в его статьях «Почему мы “Серрапионовы братья”», «На Запад!» и «Об идеологии и публицистике». «Произведение может отражать эпоху, а может и не отражать <...> должно быть органичным, реальным, жить своей особой жизнью... наравне с природой» («Почему мы “Серрапионовы братья”») [6, с. 333]. При этом Лунц, как можно было бы подумать, совершенно не является адептом чистого искусства, он очень идеологичен.

Его темой является революционное время, взятое в историческом и философском ракурсах. Из всех «Серрапионовых братьев» именно Лунц был самым молодым и не обладал жизненным опытом, он не участвовал в революции и гражданской войне, поэтому в «Литературных записках», куда все серрапионы дали собственную биографию, поместил статью «Почему мы “Серрапионовы братья”». Он дал литературный генезис себя как писателя, как часть группы, которая никогда не была цельной и чье существование длилось совсем недолго (1921 г. – образование группы, а 1924 г. – начало распада). «Серрапионовы братья» – это братья по революции. Революция важна не только как слом жизни в одной стране, но и как проявление глобального кризиса всей европейской цивилизации, часть исторического процесса, в который входят и другие события первой половины XX в., в том числе Первая мировая война. Требование Лунца учиться и вырабатывать новые формы литературы связаны с так понятой революционностью. Они означают соответствие новой революционной цивилизации, идеологичности нового подлинного искусства, соответствующего времени, воплощающего его. Жесткость его идеологии состоит в том, что только такое искусство и может быть признано настоящим. «С кем же вы, Серрапионовы братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции? <...> Мы с пустынным Серрапионом» [6, с. 333]¹. Отсюда вытекает возможность перечисления и уравнивания «штурма Кронштадта и взятия Перекопа, и ледяного похода Корнилова и партизанской войны в Сибири» как событий равно трагических в «Послесловии к Бертрану де Борну» [5, с. 210].

Этот аспект позиции Лунца очень близок левому авангарду, футуристам. Однако его революционный театр – это во многом ответ на неудачные, с его точки зрения, постановки переделанных под нужды времени силами режиссерского театра «Ночи» Мартине и пьесы Верхарна «Зори» Мейерхольдом, а также драматургической деятельности на основе этого опыта лаборатории «Масткомдрам», которая коллективно писала пьесы нового репертуара [3]. Запал Лунца был направлен против «Мистерии-буфф» В. Маяковского: «...есть футуристические, имаженистские и прочие пьесы из голых кунштюков» [5, с. 294].

Драматургия Лунца – это эксперимент с потенциальными возможностями литературы создать новый вид искусства, соответствующей действительности, «взвихренной» революцией. Можно увидеть в этом вариант жизнестроения и социального заказа – левых теорий искусства, которые формируются в это время.

Драматургия Лунца – это эксперимент с возможностями литературы как искусства, насколько она, «взвихренная» революцией, может дать новый вид искусства. Можно увидеть в этом вариант жизнестроения и социального заказа – теорий, которые формируются в это время: как литература своим «телом» (формой, «веществом») может выразить революционность.

В основе всех четырех драм Лунца лежит его собственный миф о природе революции: ее обращении из анархии в деспотию [1]. В своих драмах он развивает его в символистском ключе. Сюжеты всех его пьес – вариации одного и того же мифа. Характерное для его драм

перетекание из одного жанра в другой: водевиля в трагедию, как во «Вне закона»; смешенные комедии, агитационной пьесы и трагедии в «Обезьянах идут!», романтической драмы с трагедией в «Бертране де Борне», утопии и трагедии в «Городе Правды» – отражение этого мифа. Все пьесы связаны общими мотивами и текстуальными повторами. Например, о графе Родриго во «Вне закона» говорят, как об обезьянах в «Обезьяны идут!»: «Он убьет нас!», «Он замучит наших детей!» [5, с. 10]. Однако миф Лунца может быть воспринят и как миф о времени. В этом аспекте он близок футуристическому. «Безумен тот, кто времени не слышит!» – тема и автоэпиграф к «Бертрану де Борну». Герой-менестрель сражается против времени и проигрывает. «Обезьяны идут!» – драма о многослойном восприятии одних и тех же событий, «гуле времени» и его «интерпретации». Во «Вне закона» разбойник Алонсо познает, что должен подчиняться законам того пространства, где оказался. Он против герцогских законов («все закона»), когда разбойник, и вне разбойничьей этики, если он в пространстве государственной власти (сам становится герцогом). При этом Алонсо должен помнить, кто его к этой власти привел (любовный сюжет с любовницей канцлера Кларой Урсино). Постоянная обратимость, смена контекстов реальности, ее изменение – отражение темы революционности на формальном уровне драмы. «Революционность» – это постоянное движение вперед, отсутствие регресса, констант. Как и футуристы, Лунц стремится создать поэтику, соответствующую непрерывной «революционизации всех сторон жизни» [10, с. 127].

Для Лунца очень важна драматическая трилогия А. Блока «Балаганчик» (1906), «Король на площади» (1906), «Незнакомка» (1906), поздняя драма «Роза и крест» (1912), поэма «Двенадцать» (1918), в которых авторефлексивность и метатекстуальность ярко представлены. Когда Лунц в послесловии к «Бертрану де Борну» (имя главного героя совпадает с героем Блока, перевод стихов этого реально существовавшего трубадура поэт включил в свою пьесу) пишет о «правде трагической», о поиске героя, о страстях и подлинном романтизме [5, с. 206], это заставляет вспомнить блоковские слова о «театре больших страстей и потрясающих событий», а также о выделяемой исследователями его творчества теме «героической, полноценной личности» и теме «современных тревог и сомнений, осаждающих реальную личность сегодняшнего дня» [2, с. 15].

Сюжет «Бертрана де Борна» – это вывороченный на изнанку мотив «Розы и креста». Блоковский Бертран спасает даму сердца Изору, сделав так, чтобы она могла полюбить земного человека из плоти и крови и излечиться от метафизической тоски. Самая его смерть спасает ее от возможности разоблачения мужем, открывает ей путь к счастью, а ему дарует возможность слиянности земного и небесного, познания «радости-страдания». У Лунца трубадур Бертран соблазняет королеву Матильду и сам же выдает ее мужу, чтобы начать войну и вернуть свой замок и независимость. Его измена – ключ ко всей трагедии и пониманию его характера. Блок не написал после революции 1917 г. ни одной пьесы, а Лунц делает это, отвечая, что сущность времени ни в примирении, а в постоянной борьбе. Немаловажен для Лунца и «достоевский» слой любовного сюжета Блока. В «Розе и Кресте» поэт в каком-то смысле переписывает свою же пьесу «Незнакомка», в которой Поэт не узнает свою Даму. Теперь же Бертран узнает ее, но осознанно отказывается от земного счастья, что открывает ему путь к преображению. В основе конфликта сцена встречи Настасьи Филипповны с Мышкиным, который ее узнает, до этого не видя [2]. Предательство лунцевского Бертрана таким образом – это метафизическое предательство. Он принципиально выбирает будущее без любви, без идеала, без Прекрасной Дамы, заменяя ее замком, у которого есть имя – Аутофорт.

Блоковская тема проявляется для Лунца не только в конкретных мотивах, но и в развитии блоковских формальных исканий. Исследователями неоднократно отмечалось, что блоковский театр – это ответ на первую революцию. Именно так воспринимали «Балаганчик»

и современники. «*Жизнь Человека*» Леонида Андреева и лирические сцены Александра Блока – все это революционные попытки, это мятеж против “порядка”, установленного извечно» [8, с. 204]. Выражение смысла «революционности» Блока таким образом связана с метадраматической формой, с фигурой Автора (который напоминает Поэта в «Незнакомке»), с неведомыми руками, которые оттаскивают Автора за кулисы, с банальным любовным сюжетом, который на более высоком уровне все-таки воплощается в его драме. Арлекин оказывается единственным, кто узнал в «картонной невесте» Смерть и все-таки предан ей как реальной женщине. Аутофорт же Бертрана оказывается чем-то картонным.

Само существование «Розы и креста» как текста, снабженного множественными авторскими автокомментариями – объяснительными записками и примечаниями, пояснениями для актеров и театра, оказало влияние на Лунца². Блок здесь оказывается собственным героем – Автором из «Балаганчика», который в конце концов раскрывает публике сюжет и смысл своей пьесы.

Блоковский метадраматический слой можно проследить и в драме «Обезьяны идут!» – пьесе о создании пьесы о революции. Внутри нее существуют несколько пьес: агитационная пьеса «Сомкнутыми рядами», в результате которой «все записываются в Красную Армию» [5, с. 234], пьеса Шута, который должен развлекать публику шутками, пирожками и хождениями на голове, реалистическая бытовая пьеса, которая собирает всех жителей осажденного города на сцене театра и они, измученные революцией и последовавшей за ней тиранией, голодом, высказывают все накопленные претензии к власти. У них также есть убитый герой, чей гроб находится на сцене и Человек, который призывает собравшихся сплотиться против обезьян и не верить им, есть милиция, проверяющая документы и арестовывающая нарушителей. Наконец, объединяющая все эти пьесы пьеса выводит всю драму в философское измерение. Она связана с образом театра. Можно сказать, что действует то оформление, которое придал *Балаганчику* его постановщик Мейерхольд – сцена театра с подмостками, занавесом, декорациями, суфлерской будкой, «колосники со всеми веревками и проволоками у публики на виду» [9, с. 250]. У Лунца странная декорация – одна стена избушная деревянная, другая каменная дворцовая, третья – петербургский чердак. Но главное, что силы театра – рифмуются со стихиями и выходом в высший метафизический мир. Голос за сценой, который принадлежит бывшему дьякону красноармейцу Сахарову, суфлер, который «давно перестал подсказывать» и завывающий ветер, авторства «автомобильной роты» – все это в итоге оказывается настоящим и начинает действовать само по себе, развивая мотивы «Балаганчика». Для Блока важен «народный» театр, объединяющий всех людей одной эпохи, выразитель противоречий этой огромной современной души. «Слушайте музыку революции!» – это и внешняя, и внутренняя тема, и так же она интерпретирована у Лунца. Голос за сценой общается о войске «обезьян», которые вот-вот ворвутся в город, суфлер сбегает, а люди в итоге следуют призывам Человека не поддаваться звериному и становятся сплоченно на баррикады. Мертвец восстает из гроба.

Мотив ожидания обезьян – вариант мотива ожидания кораблей в «*Короле на площади*» – пьесе о первой русской революции. У Блока идет «борьба» за Поэта, которому дан голос. И дочь Зодчего, Зодчий и Шут добиваются, чтобы он был на их стороне. Поэт не может выбрать, кому служить, с кем быть. Не может выбрать пьесу, регистр, если переводить на язык Лунца. Есть в пьесе и Человек в черном, предводитель толпы, есть мертвецы, и стук топоров, такой же тревожный и навязчивый, как Голос, сообщающий об обезьянах.

Образ театра имеет большое значение и во «Вне закона». Он связан с комедией дель-арте. В предисловии (это также метаструктура) автор сразу же говорит, что действие происходит в «условной Испании», а название места действия – Сюдад – значит просто «город» на ис-

панском языке [5, с. 59]. Среди действующих лиц есть пара шутов: дон Гонсало и дон Бенигно, которые развлекают публику в антрактах. Таким образом перед нами само воплощение театра и театральности. Можно было бы сказать, что место действия этой пьесы – просто Театр. И в этом театре ставится эксперимент – драма о революции. Об этом не сказано прямо, но сама тема и название «вне закона» – это своего рода метафора революции и ситуация проверки героями понятия «вне закона», к чему приведет их желание последовательно не подчиняться силам земным и небесным, подчеркивается авторским экспериментом с формой: «начав водевилем, кончить трагедией <...> и сделать этот переход органическим: он вытекает из основной идеи пьесы» [5, с. 59]. И здесь тоже есть мотив нравственного выбора, как во всех драмах Блока, имеющий подоплеку из романов Достоевского («Тварь я дрожащая или право имею», «все позволено»). Таким образом, по признанию автора, форма и содержание принципиально связаны. Между тем, каждый жанр – это способ видения мира. Комическое и трагическое отношение к миру – это разные его состояния. Комическое у Лунца связано с карнавалом, культурой свободы на время, смещением верха и низа, когда верх и низ четко определены и незыблемы. Трагическое – подчинение року и тому, что неподвластно человеку, – божественным законам. Герои «Вне закона» распределены между жанрами. Их происхождение закрепляет за ними жанр. «Низкое» – комедия, разбойники, горожане, аристократы – трагедия. Разбойник Алонсо, в начале герой водевиля, за счет «юридического» пребывания вне законов и вне законов жанра в том числе, может переходить из одного жанра в другой. И этот переход заменяет психологический процесс (об отсутствии которого говорил Луначарский) [7, с. 375, 377]. В соответствии с сюжетом Алонсо переходит из комедии в трагедию и буквально остается без смеха, становится героем. И умирает как романтической герой от руки преданной им любовницы, графини Урсино. Таким образом, и «Вне закона», не являющаяся метадрамой, содержит авторефлексивные структуры, которые позволяют создать экспериментальный авангардный текст, в котором героем является форма и ее способность к эволюции, ее обратимость. В том, чтобы сделать из комедии «органическую» трагедию, уже есть революционность, к тому же она воплощается в изменениях сознания героя, который полностью зависит от жанра, и все это «стянуто» авторским сознанием, его желанием исследовать возможности театра как революционной формы. Интересно, что «Вне закона» собирался ставить Л. Пиранделло [6, с. 428].

«Бертран де Борн» – пьеса, наполненная рассуждениями об искусстве. Ее подлинный сюжет – сюжет об искусстве и том, чем оно является. Интересной особенностью ее является автоэпиграф – в самое начало вынесены слова из финала пьесы: «Безумен тот, кто времени не слышит» [5, с. 136] (и в этом слышится: «Слушайте музыку революции»), что образует кольцевую структуру, делает мир пьесы предельно условным, автор адресуется к самому себе. Кроме того, имеется авторское послесловие, в котором раскрывается замысел и авторские задачи, высказываются взгляды автора на драматическое искусство. Словом, метаструктуры являются важнейшей составляющей трагедии.

Герои трагедии – не рыцари, а трубадуры, поэты. Бертран, единственный их всех трубадуров, – воин и любит битвы, и он же подлинный поэт. Он стремится к независимости (иметь собственный замок), что можно прочесть как литературную независимость (ср. с идеей Лунца об идеологической независимости писателя с статьях «На Запад!», «Об идеологии и публицистике»). Его тексты строятся по его собственным законам. В сцене с трубадурами Бертран высмеивает их искусство, давая рецепт выигрышной любовной песни. Свое искусство он уподобляет мечу. «Меч» и «песня» идут через запятую, особенно в финале. Но в начале, той самой завязке-сцене с Матильдой, когда он решает принести в жертву свою любовь и свою честь и самого себя ради замка, его любовная катилена действует магически. «Но вы забудете!

// Я песню вам спою!» [5, с. 168]. И Матильда подчиняется его искусству, и король Генрих, и его брат Ричард Львиное Сердце, и все трубадуры с баронами. Это сила слова.

Уподобление слова оружию, войскам – футуристическое (например, «Левый марш», «Наш марш» В. Маяковского). То же можно сказать и о теме времени: «Клячу истории загоним!» [8, т. 2, с. 23], «Время, вперед!» (это уже позднее, в «Бане»). Для Маяковского поэт – тот, кто должен обгонять время, слушать, слышать его, быть его сердцем. Искусство футуристами воспринимается как машина времени. «Будущее наступило! / Будущее победитель! // Эй, века, // на поклон идите!» – провозглашается в «150 000 000» [8, т. 2, с. 160]. Это сцены в Раю «Мистерии-буфф», которая так не понравилась Лунцу. Революция для футуристов равна наступившему будущему, а значит и новому искусству. Теперь настал момент идти к этому времени в услужение. Это провозглашал Маяковский в своих стихах³. К тому же «трагедия» – жанр и название первого драматического произведения В. Маяковского для театра будетлян. Б. Пастернак сказал об этом: «Искусство называлось трагедией», имея в виду синоним искусства вообще и нового искусства также. Называя «Бертрана де Борна» «трагедией» Лунц подчеркивает, что это драма о художнике.

Бертран на некоторый срок подчиняет себе время. Делает он это, создавая свой спектакль и выступая его режиссером – через серию предательств, сложносочиненной интригой. Потому что он – самый сильный и самый талантливый автор. Но он один – адепт этого спектакля. Все остальные оказываются в нем поневоле. Время разрушает «магию» поэзии Бертрана. Оно подчиняет песни и таланта Бертрана воле нового короля Ричарда и королевы Матильды. В классической трагедии герой пребывает во власти Рока и гибнет. В трагедии Слова гибнет воля героя, у него больше нет свободы петь то, что он хочет, хотя его жизнь сохраняется. И в финале падает «четвертая стена» – Бертран общается к зрителям со своей настоящей песней: «А Перегорд сгорел, // И Аутофорт разрушен» [5, с. 205]. Он певец прошлого. Реплика обнажает конфликт, который происходит в душе зрителей, разделенных революцией на «бывших» и настоящих, на те проблемы, которые будут потом показаны в романе «Зависть» (1927), в неоконченной пьесе «Список благодетелей» (1930) Ю. Олеси, в «Мандате» (1925) и «Самоубийце» (1928) Н. Эрдмана.

Лунцу удалось не только создать собственный полемический театр, нащупав пути движения символистской и футуристической драмы к абсурду, но и предложить в качестве содержания, онтологического и формального, свой собственный миф о революционности. Он воплощает его на формальном уровне, анализируя и разрушая остов народной комедии дель-арте, признавая ее каркасом всякой хорошо сделанной и подлинно сценичной пьесы и внедряя в него жанр трагедии, осмысленной как еще один код бытия. Карнавал и столкновение с Роком, в отличие от устойчивого времени, не разведены, а сосуществуют, находясь в одном пространстве и одном месте, а главное, проходя через сознание одно человека, лишая его опор. Так отражено революционное состояние мира: смыслы вырвались на свободу, им свойственно постоянное перетекание и наращивание коннотаций. Человек, ставший полем этой битвы, гибнет в воронке смыслов.

Примечания

¹ Возможность использование этой формулировки Лунца Горьким – «С кем же вы, мастера культуры?» указывает Е. Лемминг [3, с. 734].

² «Примечания в драме «Роза и крест», «Записки Бертрана, написанные за несколько часов до смерти», «Роза и крест. К постановке Художественного театра», «Объяснительная записка для Художественного театра».

³ Это судьба серапионов, которую иронически предсказал Лунц в рассказе «Хождение по мукам».

Список источников

1. *Вайнштейн М.* Голос, преодолевший десятилетия // Лунц Л. Вне закона. СПб., 1994.
2. *Громов П.* Поэтический театр А. Блока // Блок А. Театр. Л., 1981.
3. *Золотницкий Д.* Зори театрального Октября. Л., 1976.
4. *Купченко Т.* К вопросу о жанре метадрамы. Л. Лунц «Обезьяны идут!». // XX век. Проза. Поэзия. Критика. Вып. IV. М., 2003.
5. *Лунц Л.* Вне закона. Иерусалим, 1981.
6. *Лунц Л.* Обезьяны идут! Собрание произведений. СПб., 2003.
7. Литературное наследство. Т. 82. *А.В. Луначарский.* Неизданные материалы. М., 1970.
8. *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955–1961.
9. *Мейерхольд Вс.* Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 1. М., 1968.
10. *Чубаров И.* Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. М., 2014.
11. *Чулков Г.* Покрывало Изиды: Критические очерки. М., 1909.

Информация об авторе

Т.А. Купченко – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник Института мировой литературы им А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия

Information about the author

T.A. Kupchenko – Candidate of Science in Philology; Senior Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 08.10.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 08.10.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 51–58.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 51–58.

Научная статья

УДК 801.73

doi:10.52470/2619046X_2024_4_51

«Из реки по имени “факт”»: реконструкция контекста поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»

Артём Денисович Статенков

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва, Россия, statenkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции контекста поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В связи с этим были проанализированы заметки и статьи, опубликованные в крупных советских периодических изданиях. В то же время мы обратились к литературе воспоминаний, которые были написаны участниками революционных событий. Подобная позиция автора предполагала, что произведённые им тексты будут претендовать на статус канонических. Подход, предложенный представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории, в большей степени соответствует поставленной цели: восстановлению и анализу контекста поэмы Маяковского. Основная часть статьи посвящена рассмотрению массива документов, которые были опубликованы в промежутке между январём и сентябрём 1924 г. Прежде всего мы обращали внимание на тексты, пересекавшиеся с поэмой как относительно замысла и структуры, так и отдельных сюжетов. Безусловно, приведённые в статье источники не исчерпывают всех возможностей для анализа, но демонстрируют некоторые из точек соприкосновения между текстом поэмы и дискурсом.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, В.И. Ленин, интеллектуальная история, контекст, русский авангард

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-18-00352, <https://rscf.ru/project/24-18-00352/ИМЛИ РАН>.

Для цитирования: Статенков А.Д. «Из реки по имени “факт”»: Реконструкция контекста поэмы В. Маяковского: «Владимир Ильич Ленин» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 51–58. https://doi:10.52470/2619046 X_2024_4_51.

© Статенков А.Д., 2024

Original article

«From a river called “fact”»: reconstruction of the context of V. Mayakovsky’s poem «Vladimir Ilyich Lenin»

Artem D. Statenkov

A.M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia, statenkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the context of the creation of V. Mayakovsky’s poem «Vladimir Ilyich Lenin». In this relation, we analyzed the notes and articles published in major Soviet newspapers. At the same time, we referred to the memoirs that were written by participants in the Russian revolution of 1917. Such a position of the author assumed that their texts would claim the status of canonical. The approach proposed by scholars who can be attributed to the Cambridge school of intellectual history is relevant to the goal: to restore and analyze the context of Mayakovsky’s poem. The main part of the article is devoted to the array of documents that were published between January and September 1924. Above all, we paid attention to the texts that corresponded to the poem both in terms of its conception and structure, and in terms of specific subjects. Of course, the sources cited in this article do not exhaust all possibilities for analysis, but they demonstrate some of the points of contact between the poem’s text and discourse.

Keywords: V.V. Mayakovsky, V.I. Lenin, intellectual history, context, Russian avant-garde

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-18-00352, <https://rscf.ru/project/24-18-00352/ИМЛИ РАН>.

For citation: Statenkov, A.D. «From a river called “fact”»: reconstruction of the context of V. Mayakovsky’s poem: «Vladimir Ilyich Lenin» // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2022. № 4. P. 51–58. https://doi:10.52470/2619046_X_2024_4_51.

В Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН продолжается работа над академическим Полным собранием произведений Владимира Маяковского в 20 томах. Некоторое время назад был опубликован ранее недоступный текст записной книжки, включающей автограф средней части поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924). Результатом текстологического анализа всех рукописных материалов в записных книжках поэта стала реконструкция полной черновой редакции произведения. Перед исследователями по-новому открылся процесс создания поэмы, ее творческая история, поиск рифм и наиболее точных слов, эмоциональных образов и композиционных решений. Всё это потребовало иначе подойти к комментарию, казалось бы, хрестоматийного текста, десятки раз подробно описанного в статьях, монографиях, диссертациях. Однако новые методы работы с документальными источниками позволяют существенно углубить представление о характере их использования Маяковским.

Следуя за теоретиками Кембриджской школы интеллектуальной истории, мы ставим перед собой задачу восстановить контекст и полемическую ситуацию, в которой находился В.В. Маяковский при написании поэмы «Владимир Ильич Ленин». Основные принципы данного подхода заключаются в обращении к источникам второго ряда, которые зачастую не рассматриваются исследователями [1, с. 27], так и фиксации частоты возникновения от-

дельных сюжетов [1, с. 37]. В то же время необходимо отметить другие важные для данного подхода ориентиры и понятия. Российские историки Т. Атнашев и М. Велижев отмечают, что центральным в рамках интеллектуальной истории является понятие контекста [1, с. 27]. Они связывают его с «полюемической языковой ситуацией» [1, с. 27], состоящей из комплекса языков [1, с. 27] и идиом [1, с. 22]. Трактовка этого понятия может различаться [1, с. 22]. Мы, в свою очередь, интерпретируем его в качестве устойчивого оборота, который является частью того или иного языка.

Исходя из указанного выше, цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать и по возможности обозначить пересечения между текстом поэмы и предшествующими ей речевыми действиями [1, с. 22–29]. Таким образом, мы исходим из того, что автор оперирует ограниченным набором идиом.

Однако это не означает, что не представляется возможным обнаружить в авторском высказывании инноваций, вызванных как комбинированием между собой сюжетов, так и языковых миграций в рамках дискурсов [1, с. 37]. Зачастую исследователи, придерживающиеся данного подхода, работают с большим нарративом [1, с. 31]. Мы, в свою очередь, рассмотрим короткий, но интенсивный период с января по сентябрь 1924 г., наполненный статьями, воспоминаниями, связанными с фигурой В.И. Ленина. В историографии данный массив материалов в качестве некоторого фона по отношению к поэме остался, как кажется, не вполне исследованным. При этом необходимо отметить, что последнее время отмечено текстологическими исследованиями, направленными на восстановление процесса работы Маяковского над поэмой [13]. В свою очередь, избранный метод в какой-то степени роднит данную статью с обзором источников. Однако цель статьи заключается в том, чтобы проследить не обязательно точные, но идентифицируемые практики использования автором доступных для него ресурсов языка.

Необходимо отметить, что смерть Ленина обозначила дискурсивный разрыв, ставший условием для появления ряда заметок, воспоминаний, посвящённых закреплению и пропаганде образа вождя революции: «Все наши собрания, вся наша печать проходят сейчас под знаком Ильича» [20, с. 10]. Для подобных текстов было характерно изображение ключевых и символических событий из жизни Ленина, которые предпринимали попытку показать его в качестве вождя революции, пророка, ординарного человека или совместить несколько образов.

Источниками, на основании которых мы будем реконструировать контекст создания поэмы «Владимир Ильич Ленин», являются статьи, стенограммы и заметки, опубликованные в таких периодических изданиях, как «Известия», «Правда» и «Красная Новь». В них, как и в книгах-воспоминаниях, входивших в списки под названием «Ленинская библиотека» и «Что читать о Ленине», воспроизводилась та или иная модальность образа Ленина. Таким образом, мы обращаем внимание на тексты, участвующие как в производстве канонического нарратива о жизни Ленина, так и нацеленные на просвещение народных масс: «“Ленинскую библиотеку” должен иметь у себя каждый рабочий, крестьянин и красноармеец» [9, с. 8]. В то же время в своей автобиографии он отметил ту социальную группу, реакция которой для него представлялась важной: «Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы» [10, с. 58–59].

Переходя непосредственно к анализу контекста поэмы, стоит обратиться к отзыву, опубликованному в газете «Известия», в котором она была интерпретирована в рамках двух главных сюжетов: «Вся поэма построена по двум линиям: даются отдельные художественные куски, задача которых – дать пережить Ленина живым, “самым земным из всех людей”, са-

мым человеческим, затем Маяковский дает обобщённого Ленина, Ленина, который рождается двести лет назад, которого выносит рабочая волна, Ленина в партии, классе и т.д.» [4, с. 7].

Выделенные сюжеты периодически возникали в рамках рассуждений о необходимости закрепления и пропаганды образа Ленина. Так, в номере «Известий» от 8 февраля 1924 г. мы находим заметку А. Роома под названием «Ленин и кино», в которой под общим заглавием объединено несколько важных сюжетов в контексте коммеморации вождя. Наряду с тем, как литература располагает первоисточниками, кино также имеет собственный источник – хронику, которой, по замечанию Роома, имеется в достаточном количестве: «...агитировать и, агитируя, актуально возбуждать к социальным сдвигам и коммунистическим прорывам» [17, с. 7]. Как и в поэме Маяковского, состоящей из нескольких частей, в качестве основных тем для кино о Ленине выбраны «ленинизм» как феномен и похороны вождя. Для каждой из них Роом предполагает создание отдельного кинофильма, тогда как главным инструментом воздействия на публику должен стать монтаж: «Рядом с куском, снятым в Доме Союзов (гроб, караул, прощание), следует дать съёмку, например, заводского митинга, где в ответ на смерть вождя возбужденные и вздыбленные рабочие выбросили призыв: “Кто покрепче – в ряды РКП” и т.д., и т.д.» [17, с. 7]. Вторая задумка Роома под названием «Вождь большевистского племени – Ленин», в которой, как уже было указано ранее, должен был быть воспроизведён феномен «ленинизма» посредством склейки главных моментов его жизни. Помимо упомянутых в заметке «смычки», колоний, электрификации, ликвидации безграмотности, Роом выделяет главную задачу: «Надо показать исторического прозорливца – Ленина» [17, с. 7].

Схожую идею можно обнаружить в выступлении Троцкого на одном из памятных собраний. В нем он устанавливает ту модальность, статус, которыми должен обладать автор, чтобы «по-ильичевски» описать жизнь Ленина: «Здесь нужен какой-то исключительно большего масштаба художник и вместе революционер до мозга костей» [20, с. 10]. В то же время, по его мысли, не пространные рассуждения, а конкретные эпизоды представляются более значимыми. Именно по ним будущие поколения смогут восстановить для себя образ Ленина, понять его психологию [20, с. 17–18]:

Что он сделал,
кто он
и откуда –
этот
самый человеческий человек?
Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново [11, с. 241–242].

Ранее мы обращались к высказываниям, в рамках которых фигура Ленина сравнивалась с религиозными фигурами. В тексте поэмы проблема употребления сакральной лексики занимает немаловажное место:

Я боюсь,
чтоб шествия

и мавзолеи,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту <...>
Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»? [11, с. 237].

Следующая далее критика использования подобных идиом не означала того, что Маяковский не воспользовался данным дискурсивным ресурсом. Л.И. Соболев в материале под заголовком «Что общего между поэмой о вожде и Евангелием от Иоанна» [18] привёл несколько её фрагментов, которые раскрывают их композиционное родство. Это утверждение приводит нас к мысли о том, что Маяковский не проигнорировал возможность использования религиозной лексики.

Однако необходимо обозначить те сюжеты, которые могли попасть в поле зрения Маяковского. Так, на страницах «Известий» уже в феврале 1924 г. была опубликована статья Л.Б. Красина о важности повсеместного установления памятников Ленину. Первоочередной задачей, по его мнению, было возведение могилы на Красной площади. Помимо вопросов, связанных с техническим аспектом, Красин приводит свои мысли о значении и сложности воплощения данного сооружения в рамках уже существующего архитектурного ансамбля: «Ведь это будет место, которое по своему значению превзойдёт Мекку и Иерусалим» [7, с. 2]. В свою очередь, в январском номере газеты «Правда» склеп рассматривался применительно к уже существовавшему пантеону героев в качестве ключевой части нового духовного облика Красной площади [14, с. 4]. Из вышедшей буквально на той же неделе в номере «Известий» заметки мы узнаем, что внутреннее устройство склепа также было подчинено идее доступности тела умершего вождя революции: «Академику Щусеву дано задание расположить погреб внутри склепа на такой высоте, чтобы входящие в склеп могли видеть через стеклянные прорезы в крышке гроба лицо Владимира Ильича» [2, с. 3].

Религиозная лексика могла быть употребима применительно к пересечению публичной и частной сфер, касаясь, в частности, пространственной перспективы. Так, в четвёртом номере журнала «Красная Нива» была опубликована статья А. Меньшого «Просто Ленин» [13, с. 94–95], в которой его рабочий кабинет интерпретируется как в контексте аскетичности, так и человечности. Простота внутреннего устройства помещения сравнивается с «монашеской кельей» [13, с. 94], но также отождествляется с прагматичностью и мудростью вождя.

Немаловажное место в Ленинском дискурсе занимают высказывания о Горьком и его рассуждениях, посвящённых богостроительству. В рамках выступления на втором съезде советов Союза Советских Социалистических Республик, проведённого двадцать шестого января 1924 г., Зиновьев обратился к статье Горького «Владимир Ильич Ленин», написанной к пятидесятилетию вождя и опубликованной в «Коммунистическом Интернационале». Зиновьев, будучи главным редактором данного издания, был одним из немногих, кому была известна непосредственная реакция Ленина на этот текст. Он, по его словам, показался Ленину неуместным [16, с. 14]. Однако смерть несколько изменила интерпретацию этой статьи: «Когда Горький говорил о планетарном значении работ Владимира Ильича, многим это тогда казалось преувеличенным. Но мне кажется, товарищи, сейчас всякий чувствует настоящую правду в этой

постановке вопроса» [16, с. 14–15]. Цитируя его статью, Зиновьев обратился к фрагменту, в котором Ленин сравнивался с пророком, повествующим об устройстве мира, лишённого социального неравенства. К тому же он был им определён в качестве аскета, исполненного верой в собственное дело: «Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым. Суровый реалист Ленин постепенно становится легендарной личностью» [16, с. 16]. Ссылаясь на авторитетное слово писателя, Зиновьев в своём выступлении также подчёркивал значение, которое Ленин имеет для угнетённых народов, располагающихся преимущественно на Востоке: «Из глухих деревень Индии... пробираются в Кабул, в русскую миссию индусы, замученные вековым гнётом английских чиновников, приходят и спрашивают: что такое Ленин?» [16, с. 16].

В тексте поэмы колониальная тема возникает в рамках сюжетов об империалистической агрессии и похоронной процессии. Последний заключает в себе схожий с указанным выше перечнем образ:

Подымаются страны
одна за одной –
рука Ильича
указывала верно:
народы –
черный,
белый
и цветной <...>
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы [11, с. 293, 302].

Колониальная тема может быть определена в качестве переходной применительно к используемым в поэме языкам. Если до этого мы говорили об использовании сакрального языка, то теперь обратимся к практикам употребления политических идиом.

Это прежде всего касается той части поэмы, в которой повествование выстроено вокруг хронологии революционных событий и связанных с ними топосов. Рассуждение о «специально обусловленном» феномене появления гения в статье Е. Преображенского «О нем» [15, с. 2] приводит автора к мысли о наличии национальных черт у Ленина. Таким образом, русская революция не имеет аналогов ни в современности, ни в истории. Национальное соответствует образам сожжённой усадьбы, «Владимирки», «Стеньки Разина», которые также возникают в поэме [11, с. 245, 262, 285].

Постреволюционная ситуация представлена, в частности, через обращение к НЭПу. В тексте поэмы он связан с образом «трудовой осады» [11, с. 291]. В статье Л.Б. Каменева, посвящённой вопросам торговли, мы обнаруживаем использование схожей идиомы: «В мировом масштабе это “если” уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить фактически новую связь с промышленностью, с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных. <...> “осадных действий”» [6, с. 4].

В свою очередь, финал поэмы акцентирует внимание на противостоянии, в рамках которого молодое поколение комсомольцев, «армия пролетариев» противопоставлены фашистской

угрозе [11, с. 308]. Последняя связывается с военной агрессией и сговором с буржуазией. Зиновьев в докладе «Основные задачи Ленинского комсомола» отдельно выделил проблемы взаимоотношений капиталистов и фашистов и памяти о войне. Прежде всего они ассоциировались с кризисом парламентских практик и смещения в сторону «грубого насилия» [5, с. 5]. Вторая, в отличие от текста поэмы, развивает сюжет о необходимости недопущения войны. Одной из задач в этом контексте является вовлечение молодых людей в ряды комсомола: «По возрастному составу армии империалистических держав – это комсомол в международном масштабе, это КИМ. Жаль только, что не все они входят действительно в КИМ» [5, с. 5]. Памяти о войне, по мысли Зиновьева, должна сопутствовать память о необходимости свержения капитализма. Схожий нарратив обнаруживается в напечатанном в «Правде» воззвании исполкома Коминтерна молодёжи «К трудящейся молодёжи всего мира» [8, с. 341]. Фашизм упоминается в нем в качестве одного из элементов подавления рабочего класса. Как и в предыдущем тексте, комсомолу отводится роль органа по борьбе с милитаризмом и империализмом. Однако, в отличие от предыдущего текста, этот представляет вооружённое противостояние неизбежным [19, с. 72]: «Рабочая молодёжь всех стран, теснее смыкай свои ряды вокруг наследства Ленина <...> С именем Ленина в бой, к победе!» [8, с. 341].

Таким образом, мы рассмотрели ряд текстов, составлявших контекст создания поэмы «Владимир Ильич Ленин». Помимо того, что мы установили некоторые из возможных траекторий повествования, нам удалось определить точки пересечения между поэмой как индивидуальным речевым действием и полемической ситуацией, в которой оно располагалось. Пожалуй, главный вывод состоит в том, что Маяковский, располагаясь в ее рамках, не следовал одной линии повествования. Обращаясь к наиболее узнаваемым и знаковым событиям, Маяковский в то же время использовал ресурсы противостоявших друг другу идиом. Это касалось, например, спора об употреблении сакральной лексики, в рамках которого Маяковский воспроизвёл сюжет о некорректности ее использования [21], но при этом не смог избежать этого. Образ вождя революции, мифологической личности, кажется, мог быть лучше всего считан читательской аудиторией. Однако это не помешало Маяковскому произвести попытку к обращению, пусть и избирательному, к образу Ленина-человека [11, с. 282], списанного с натуры [11, с. 528–529].

Список источников

1. Велижев М.Б., Атнашев Т.М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 134. № 4.
2. Где будет похоронен В.И. Ленин // Известия. 1924. № 21.
3. Залежский В.Н. Дворец Кшесинской // Октябрь: хрестоматия. М., 1924.
4. Зелинский К.Л. Поэма Маяковского о Ленине // Известия. 1924. № 246.
5. Зиновьев Г.Е. Основные задачи Ленинского комсомола // Известия. 1924. № 175.
6. Каменев Л.Б. О внутренней торговле и кооперации // Правда. 1924. № 121.
7. Красин Л.Б. Архитектурное увековечение Ленина // Известия. 1924. № 31.
8. К трудящейся молодёжи всего мира // У великой могилы. М., 1924.
9. Ленинская библиотека // Правда. 1924. № 106.
10. Маяковский В.В. Я сам // Собрание сочинений в 12 т. М., 1978. Т. 1.
11. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Полное собрание сочинений. М., 1957. Т. 6.
12. Маяковский В. «Владимир Ильич Ленин». Фрагмент (первая публикация автографа в записной книжке) // Литературный факт. 2023. № 4 (30).
13. Меньшой А. Просто Ленин // Красная нива. 1924. № 4.
14. Митницкий Л.Д. Могила Ильича // Правда. 1924. № 22.

15. *Преображенский Е.А.* О нём // Правда. 1924. № 21.
16. Речь Зиновьева Г.Е. // Второй съезд советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчёт, изд. ЦИК СССР. М., 1924.
17. *Роом А.М.* Ленин и кино // Известия. 1924. № 32.
18. *Соболев Л.И.* Что общего между поэмой о вожде и Евангелием от Иоанна. URL: <https://arzamas.academy/materials/1475> (дата обращения: 17.09.2024).
19. *Сталин И.В.* О Ленине и ленинизме. М., 1924.
20. *Троцкий Л.Д.* Речь на вечере памяти Владимира Ильича // О Ленине. Л., 1924.
21. *Ярославский Е.* Мысли Ленина о религии. М., 1924.

Информация об авторе

А.Д. Статенков – Институт мировой литературы им. А.М. Горького, г. Москва, Россия

Information about the author

A.D. Statenkov – Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 59–63.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 59–63.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_4_59

Вербовочный слоган в формировании имиджа вооруженных сил США

Юрий Петрович Субачев

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия, Research2021@mail.ru

Аннотация. В работе представлен анализ актуальных вербовочных слоганов оборонного ведомства США. Слоганы в полной мере отражают концептуальные начала воинского этоса, перекликаются с официальными девизами и ценностями видов вооруженных сил. С одной стороны, рекламная кампания ориентирована на внутреннюю аудиторию в интересах пополнения армии личным составом. С другой стороны, военная реклама выступает инструментом формирования имиджа вооруженных сил как внутри США, так и за рубежом. Статья адресована специалистам филологического профиля и широкой аудитории.

Ключевые слова: вооруженные силы США; виды вооруженных сил; рекламная кампания; имидж; вербовочный слоган

Для цитирования: Субачев Ю.П. Вербовочный слоган в формировании имиджа вооруженных сил США // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 59–63. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_59.

Original article

Recruitment slogan shaping the U.S. armed forces image

Yriy P. Subachev

Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia, Research2021@mail.ru

Abstract. This paper presents analysis of the U.S. DoD's military recruitment slogans. Slogans fully reflect the conceptual origins of the military ethos, echoing the official mottos and values of the branches of the armed forces. On the one hand, the advertising campaign is oriented towards the internal audience in the

© Субачев Ю.П., 2024

interests of replenishing the army with personnel. On the other hand, military advertising acts as a tool for shaping the image of the armed forces both inside the United States and abroad. This paper addresses specialists in philology and a broad audience.

Keywords: U.S. Armed Forces; armed forces services; advertising campaign; image; recruiting slogan

For citation: Subachev Y.P. Recruitment slogan shaping the u.s. armed forces image // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 59–63. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_59.

Рекламный видеоматериал, популяризирующий службу в армии, нацелен прежде всего на формирование у целевой аудитории положительного поля смыслов о военной службе и армии как профессиональном институте легализованного насилия в интересах всего общества. Не менее важным, на наш взгляд, назначением военной рекламы в интересах Пентагона выступает непрерывное пополнение вооруженных сил рекрутами-новобранцами. После перехода на добровольную систему комплектования войск (All Volunteer Force) оборонное ведомство США на паритетных началах стало одним из участников рынка труда, вступив в конкурентную борьбу за человеческий ресурс с гражданскими компаниями и организациями. Всеобщая воинская повинность в американской армии была упразднена в 1973 г. Вскоре после окончания крайне непопулярной войны во Вьетнаме оборонное ведомство стремилось привлечь новобранцев, используя различные маркетинговые приемы, идеи и нарративы. На этом фоне служба в вооруженных силах становится одним из продуктов, предлагаемых американскому обществу потребления. Такая армия в полной мере отвечает национальным идеалам индивидуальной свободы и экономической рентабельности. В результате беспрецедентных реформ «на смену логике гражданского долга приходит логика рыночных отношений» [3, с. 60].

Специфика военной рекламы усматривается не только во внешней, но и во внутренней борьбе, поскольку качественные кадры становятся предметом конкуренции. Так, в 2023 г. из пяти видов вооруженных сил Министерства обороны США лишь пара ведомств сумели достичь целей по доукомплектованию войск личным составом. В частности, речь идет о Корпусе морской пехоты и Космических силах, наиболее компактных видах. Сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы не достигли поставленных целей [12]. В ходе многомиллионных рекламных кампаний виды вооруженных сил армии США¹ формируют определенный имидж, тонко расставляя смысловые акценты на специфике деятельности и щедро предлагая финансовые стимулы и льготы рекрутам. Используемые в военной рекламе сюжетные линии и нарративы разноплановы: начиная от героизации простого солдата в эстетике голливудского стиля и заканчивая лаконичным отображением вызовов военной службы. В формировании имиджа референтной группы немаловажную роль играют лингвистические средства медийной репрезентации профессии.

Слоган (от англ. *slogan* – лозунг, призыв, девиз) – рекламный девиз в виде эмоционально и стилистически маркированной фразы как элемента корпоративной идентичности. В отличие от рекламного заголовка слоган призван выражать не конкретные достоинства товара, а идеологию фирмы, производящей товары или предоставляющей услуги [6]. Слоган представляет собой четкую, ясную рекламную идею. Слоган как емкая рекламная идея, включает А.С. Романов, это «некий вербальный триггер, пусковой механизм, актуализирующий в сознании реципиента совокупность ассоциаций, образов, представлений и стереотипов идентичности, апеллирующих к определенной организации» [4, с. 130]. Под слоганом понимается нередко эллиптическое, семантически осложненное ядро рекламной концепции. Доведенные до лингвистического совершенства речевые формулы оставляют глубокий мнемонический

след и, следовательно, способствуют узнаваемости фирмы или продукта. Первоначальное значение слова – «боевой клич» – очень точно отражает суть этого рекламного инструмента: завоевать покупателей и уничтожить конкурентов [1].

Под вербовочным слоганом понимается лаконичный рекламный тезис, формирующий в сознании аудитории положительные установки, связанные с военной службой. Слогану присущи такие свойства, как экспрессивность, лаконичность, ясность содержания и простота восприятия, прагматичность, информативность, ритмичность [5, с. 232]. Как уже было упомянуто ранее, особенность рекламной агитации в США видится не только в презентации военной службы как товара на внутреннем рынке, но и в межвидовой состязательности медиаобразов. Последние в немалой степени транслируются через слоганы, апеллирующие к конкретному виду вооруженных сил и к воинскому этосу в совокупности морально-этических идеалов и ценностей профессии. Далее мы предлагаем обратиться к иллюстративному материалу.

1. **Сухопутные войска.** *Be All You Can Be* – «Будь тем, кем можешь стать» (U.S. Army, 2023 – н. вр.)². На смену прежнему слогану *What's Your Warrior?* – «Каков твой воин?» приходит несколько забытый, однако по-прежнему популярный рекламный призыв эпохи 1980–1990-х гг. В приводимом слогане акцентируется внимание на максимальной реализации человеческого потенциала и талантов, о чем свидетельствует определительное местоимение *all* [12]. Отметим, что приводимый слоган не совпадает с официальным девизом СВ *This we'll defend* – «Это мы защитим». Имплицитный посыл указательного местоимения *this* со всей очевидностью указывает не только на государственный суверенитет США, но и на незыблемые ценности нации – американский образ жизни и свободу [4, с. 122–123].
2. **Военно-морские силы.** *America's Navy – Forged by the Sea* – «Военно-морские силы США – сплоченные морем» (U.S. Navy, 2017 – н. вр.). Налицо, казалось бы, очевидное противоречие между переводом и оригиналом, поскольку в инфинитивной форме глагола *forge* в русском языке реализованы следующие значения: «ковать, ваять, изготавливать, штамповать». Как известно, ковка – процесс обработки металла ударным методом в заданном температурном режиме. Однако в приводимом слогане налицо оксюморон, поскольку речь идет о воинском духе, закаленном не пламенем, но морем. Служба в ВМС США – морские походы, напряженная командная работа, вызов. Латинский девиз ВМС *Semper Fortis* («*Always Strong*») – «*Всегда сильны*», как и в случае с сухопутными войсками напрямую с рекламным слоганом не коррелирует.
3. **Морская пехота.** *The Few, The Proud* – «Немногочленные. Гордые» (U.S. Marines Corps, 2017 – н. вр.). Наиболее компактное воинское формирование вооруженных сил США гордится славной историей и традициями, подвигами гордых сынов Америки, высочайшими профессиональными стандартами. Наряду с приводимым слоганом в качестве иллюстрации рассмотрим следующие аксиологически маркированные речевые формулы армейского офицера. *Forged in the Crucible: Marine Corps Brotherhood* – «Выкован в горниле: братство морской пехоты», *One Team, One Fight: United States Marine Corps* – «Одна команда, одно поле брани: Корпус морской пехоты США», *Strength, Courage, Dedication: Marine Corps Values* – «Сила, мужество, преданность: ценности морской пехоты», *Be Part of the Elite: Join the Marine Corps* – «Станьте частью элиты: вступайте в ряды морской пехоты», *Leadership, Discipline, and Relentless Determination* – «Лидерство, дисциплина и непреклонная решимость», *Earned, Not Given: Marine Corps Pride* – «Не случайный дар, но заслуга: гордость морской пехоты» и др. Братские узы, воинский долг, монолитный коллектив, элитарность, лидерские качества, мужество и отвага. Таковы ключевые ценности профессионального этоса морского пехотинца [10]. Посыл слоганов остается неизменным – воинскому братству морской пехоты нужны лучшие, элитные бойцы. Официальным девизом морской пехоты значится латинское *Semper Fidelis / Fi* («*Always Faithful*») – «*Всегда верны*».

4. **Военно-воздушные силы.** *Aim High* – «Метить высоко» (U.S. Air Force, 2014 – н. вр.). Вдохновляющие формулировки и образы, демонстрирующие превосходство, технологии, стремление к инновациям и прогрессу. Кроме того, слоган апеллирует к широчайшему спектру возможностей и карьерных перспектив, доступных в ВВС. Приводимый слоган переключается с официальным девизом военно-воздушных сил *Aim High ... Fly, Fight, Win* – «Держать планку высоко ... летать, сражаться, побеждать» [8]. В приводимом примере прослеживается преемственность с девизом ВВС США: *Aim High... Fly-Fight-Win* – «Метить высоко... Летать. Сражаться. Побеждать».
5. **Космические войска.** *The Sky is Not the Limit* – «Небо – не предел» (U.S. Space Force, 2019 – н. вр.). 20 декабря 2019 г., впервые за минувшие 73 года, был создан новый видовой компонент – Космические силы США. Истоки операций в космосе восходят к военно-космическим программам ВВС и ВМС США, разработанным в период начала холодной войны. Начиная с 1950-х гг. Министерство обороны сделало ставку на развитии космического потенциала в интересах разведки, связи и навигации, космических полетов НАСА. Приводимый слоган указывает на модифицированную идиому *the sky is the limit* – «нет ничего невозможного» [Merriam-Webster.com]. КС представлены емким девизом, вновь восходящим к латинским корням: *Semper Supra* (“*Always Above*”) – «*Всегда выше всего*».
6. **Береговая охрана.** *Protect. Defend. Save* – «Оберегать. Защищать. Спасать» (U.S. Coast Guard, 2023 – н. вр.). За последние три года Береговая охрана не выполнила план по набору персонала более чем на 20 %. В 2023 г. началась новая рекламная кампания, адресованная поколению Z. Логотип кампании включает четыре ключевых элемента: орла, спасательный круг, звезду и три морские волны. Орел олицетворяет военную мощь и силу, спасательный круг – оказание помощи на воде, звезда – мореходство и штурманское дело, волны – ключевые ценности Береговой охраны: честь, уважение и преданность долгу [9]. Официальный девиз ведомства гласит: *Semper Paratus* («*Always Ready*») – «*Всегда готовы*».

Рекламные тексты служат богатым источником идеологических установок военного социума. Слогану как неотъемлемому элементу военной рекламы присущи эмоционально-экспрессивная окраска, оценочность, контекстуальная игра смыслов и семантическая имплицитность. Важно отметить и то, что лаконичные рекламные формулы указывают на ключевые ценности профессии. Проведенный анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев вербовочные слоганы лишь косвенно соотносятся с официальными девизами видовых компонентов армии США. Несмотря на известную социальную обособленность военного социума, его культура может быть объективирована через самобытные концепты, вербализованные, в том числе, в рекламном дискурсе. Социально маркированные языковые феномены армейского социолекта – своего рода ключи к пониманию профессионального образа мира [2, с. 1379].

Примечания

¹ U.S. Army – сухопутные войска, U.S. Navy – военно-морские силы, U.S. Marine Corps – Корпус морской пехоты, U.S. Air Force – военно-воздушные силы и, наконец, U.S. Space Force – космические силы. Отметим, что Береговая охрана (БО) переходит в подчинение ВМС в условиях военного времени. В мирное время БО подчиняется министерству внутренней безопасности [7, с. 310].

² Перевод здесь и далее по тексту наш. – Ю. Субачев.

Список источников

1. Маркетинг: большой толковый словарь (МБТС) / под ред. А.П. Панкрухина М., 2010. URL: <https://marketing.academic.ru/115/СЛОГАН> (дата обращения: 03.12.2024).

2. Романов А.С., Клименко М.Б., Прохоров С.С. Профессиональный образ мира GI в зеркале креолизованного текста (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. Т. 17. № 5.
3. Романов А.С., Субачева Е.Г., Агафонова К.Ю. Армейский кластер господствующей культуры США в аксиологическом аспекте (на материале английского языка) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 3.
4. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.
5. Романов А.С., Корниевская Т.К. Вербовочный слоган как самобытный феномен армейской субкультуры США // Политическая лингвистика, 2015. № 52.
6. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз (УСТРИПБ) / под ред. Е.Е. Топильской. URL: https://advertising_pr.academic.ru/401/ Слоган (дата обращения: 03.12.2024).
7. Шевчук В.Н. Справочник военного переводчика. СПб., 2016.
8. Air Force reveals newest recruiting campaign. URL: <https://www.af.mil/News/Article-Display/Article/496989/air-force-reveals-newest-recruiting-campaign/> (дата обращения: 28.11.2024)
9. Kime P. 'Protect. Defend. Save': Coast Guard Launches New Recruiting Initiatives to Attract Membersr goals. URL: <https://www.military.com/daily-news/2023/03/08/protect-defend-save-coast-guard-launches-new-recruiting-initiatives-attract-members.html#:~:text=Linda%20Fagan%20unveiled%20a%50new,and%20women%20do%20every%20day> (дата обращения: 03.12.2024).
10. Kotler D. 367 Marine Corps Slogans to Inspire Your Inner Warrior! URL: <https://advertisingnews.com/marine-corps-slogans/> (дата обращения: 05.12.2024).
11. Merriam-webster.com. The sky's the limit. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/the%20sky%27s%20the%20limit#:~:text=idiom,The%20sky%27s%20the%20limit> (дата обращения: 05.12.2024).
12. Novelly T., Beynon S., Lawrence D.F., Toropin K. Big Bonuses, Relaxed Policies, New Slogan: None of It Saved the Military from a Recruiting Crisis in 2023. URL: <https://www.military.com/daily-news/2023/10/13/big-bonuses-relaxed-policies-new-slogan-none-of-it-saved-military-recruiting-crisis-2023.html> (дата обращения: 05.12.2024).
13. Simkins J. Made for this. URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2024/10/29/made-for-this-marine-corps-drops-new-ad-motivation-intensifies/> (дата обращения: 20.11.2024).
14. Shanks A.R. 5 years securing our nation's interests in, from, and to space. URL: <https://www.spaceforce.mil/News/Article-Display/Article/3925436/5-years-securing-our-nations-interests-in-from-and-to-space/> (дата обращения: 03.12.2024).

Информация об авторе

Ю.П. Субачев – преподаватель 9 кафедры (иностраннных языков) Военного университета имени князя А. Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the author

Yu.P. Subachev – teacher of the 9th department (foreign languages) of the Prince A. Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 64–71.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 64–71.

Научная статья

УДК 740

doi:10.52470/2619046X_2024_4_64

Особенности совладающего поведения партнёров с разным типом привязанности

Юлия Сергеевна Тимошенко

Московский педагогический государственный университет – Институт педагогики и психологии, г. Москва, Россия, juliatim01@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема особенностей стилей совладающего поведения у партнёров с разным типом привязанности. В настоящее время в молодых парах отмечается тенденция к разводу. Большое количество исследований посвящено изучению особенностей и причин неудовлетворенности в паре, а также характеру используемых паттернов совладающего поведения, но, на наш взгляд, наиболее продуктивным видом копинга является диадический, направленный на объединение ресурсов в паре с целью разрешения как общей трудной ситуации, так и личного стресса через взаимоподдержку партнёров. Проведенный анализ и изучение теоретических источников, посвящённых рассмотрению особенностей совладающего поведения у партнёров с разным типом привязанности, позволили выявить различия в совладающем поведении у людей с разным типом привязанности.

Ключевые слова: совладающее поведение, диадический копинг, тип привязанности, удовлетворенность браком

Для цитирования: Тимошенко Ю.С. Особенности совладающего поведения партнёров с разным типом привязанности // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 64–71. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_64.

Original article

Features of coping behavior of partners with different types of attachment

Yulia S. Timoshenko

Moscow Pedagogical State University – Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow, Russia, juliatim01@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of peculiarities of styles of coping behavior in partners with different types of attachment. Today there is a tendency among young couples to divorce. A large number of studies are devoted to the study of features and causes of dissatisfaction in a couple, as well as the nature of the patterns of coping behavior used, but, in our opinion, the most productive type of coping is dyadic, aimed at combining resources in a couple in order to resolve both a common difficult situation and personal stress through mutual support of partners. The analysis and study of theoretical sources devoted to the study of the peculiarities of coping behavior in partners with different types of attachment allowed us to identify differences in coping behavior in people with different types of attachment.

Keywords: coping behavior, dyadic coping, attachment type, marital satisfaction

For citation: Timoshenko Y.S. Features of coping behavior of partners with different types of attachment // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 64–71. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_64.

Стресс является неотъемлемой частью в совместной жизни партнёров, это может сопровождаться регулярными и разнородными конфликтами, нарушающими сложившиеся внутрисемейный уклад. Как следствие, партнёры не могут выполнять функции, соответствующие их семейным ролям, что в большинстве случаев приводит к разводам. Это объясняется тем, что партнёры не стремятся совместно решать проблемы в рамках их диады, а предпочитают выбирать стратегию избегания и завершать начатые отношения. В настоящее время отмечаются такие неблагоприятные тенденции, как снижение материального благополучия семьи, уменьшение интереса к рождению детей, увеличение числа неполных семей, стремление молодого поколения признавать опыт сверстников, а не старшего поколения. Научные исследования показывают, что заметно увеличился процент «случайных» браков, то есть молодые люди не стремятся к осознанному выбору партнёра. Как известно, одним из факторов становления совладающего поведения является тип привязанности, сформированный у партнёра в родительской семье. Но мало исследований посвящено механизмам семейного совладания в рамках общесемейного процесса преодоления трудных и стрессовых ситуаций, реакции партнёров на поведение друг друга, степени удовлетворённости в условиях стресса с применением конкретных стилей совладающего поведения, а также выявлению возможного влияния привязанности на диадический копинг.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей совладающего поведения у партнёров с разным типом привязанности. В связи с этим нами были решены следующие задачи: изучение отечественных и зарубежных теоретических концепций, раскрывающих понятия «привязанность»; изучение понятия «совладающее поведение»; проведение эмпи-

рических исследований особенностей совладающего поведения у партнёров с разным типом привязанности, анализ и интерпретация полученных результатов исследования.

В рамках нашей работы важно изучить разновидность совладающего поведения – диадический копинг, который является вариацией совместного копинга.

Нами были использованы следующие методики: Опросник привязанности к близким людям (Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский) [6]; Опросник диадического копинга Г. Боденманна (DCI, Dyadic Coping Inventory, 2008 Г. Боденманна, адаптация Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, и др., 2017) [4]; тест-опросник удовлетворённости браком (ОУБ) (В.В. Столин, Т.А. Романова, Г.П. Бутенко) [5].

По мнению Г. Боденманна, диадический стресс и копинг в контексте супружеских взаимодействий можно определить как системное событие. Диадический стресс является требованием к партнёрам, которые приносят дестабилизацию в уже устоявшуюся систему, а диадический копинг – процессом, включающим обоих партнёров в общее стремление преодоления стресса, которое их вместе затрагивает [7].

Современные исследования диадического копинга основываются на идее, что связь с другими людьми во время стресса является основополагающей человеческой потребностью [3]. В нашей работе мы будем использовать системную транзакционную модель Г. Боденманна, которая заключается в том, что стресс одного партнёра распространяется и на другого через вторичное воздействие, то есть через передачу на несколько сфер жизнедеятельности [7].

Итак, диадический копинг, как и индивидуальный, имеет важное значение для совладания партнёров со стрессором, выполняя защитную функцию актуальных близких отношений у партнёров, то есть совместную адаптацию и преодоление негативного жизненного положения пары и, как следствие, снижение разрушительных последствий для каждого отдельного субъекта в диаде. Выраженность диадического копинга зависит от пола, полоролевого статуса и динамических изменений в паре.

Поскольку характер привязанности ребёнка к матери или значимому взрослому является определяющим фактором формирования базового доверия к миру, то, соответственно, в будущем, исходя из сформированного типа привязанности, будет образовываться подобная эмоциональная связь с другими близкими людьми.

По мнению Дж. Боулби, привязанность – это генетически обусловленная, а значит, первичная мотивационная система, активирующаяся между первичным значимым лицом и новорождённым и выполняющая задачу обеспечения выживания. То есть ребёнку необходим близкий эмоциональный и физический контакт, который достигается через визуальный и телесный контакт, когда он чувствует страх, тревогу, неуверенность, и у него нарушено чувство безопасности [1].

Бернан, Кларк и Шейвер (1998) изучили типы привязанности и вывели два общих измерения: избегание и тревога. Так, тревожная привязанность определяется беспокойством быть покинутым и стремлением близости, а избегающая – привычкой избегать людей и страхом иметь слишком высокий уровень близости с конкретным человеком [10].

Различные характеристики привязанности являются причиной особенностей отношений в паре, а также поведения в паре в условиях стресса, в ответ на который партнёры предъявляют копинг-стратегии. Межличностное общение же является фактором возникновения вышеупомянутых условий стресса, например, эпизоды ревности одного из партнёров, скуки, чувства одиночества, конфликтов на фоне раздражения, непонимания, непринятия партнёра [3]. Исследования Г. Боденманна показали, что особенности привязанности партнёров коррелируют с восприятием стресса внутри диады. Иначе говоря, партнёрши с надёжным типом привязанности больше принимают поддержку партнёра, нежели партнёры с ненадёжным

(тревожным) типом привязанности, так как у них есть предрасположенность к обесцениванию поддержки партнёра [1].

Таким образом, привязанность человека, сформированная в детстве со значимым взрослым, в определённой степени будет оказывать влияние на формирование привязанности к близким людям в период взрослости. Поскольку привязанность наиболее ярко актуализируется в ситуациях угрозы безопасности жизнедеятельности, как в психологическом, так и в физическом контексте, то есть в стрессовых для организма и психики условиях, то мы можем говорить о том, что в зависимости от типа привязанности человек в трудной жизненной ситуации будет предъявлять соответствующее совладающее поведение.

Согласно исследованию Е.М. Королевой и Т.Н. Крюковой, диадический копинг является весомой составляющей в укреплении межличностных отношений партнёров. Другими словами, совладающее поведение определяет уровень удовлетворенности текущего союза, а также характер межличностной близости партнёров. Так, психологическая составляющая диоды выше в случае, когда партнёры используют поддерживающий диадический копинг, в котором отношения в целом становятся более близкими, в противном случае возрастает психологическая дистанция между партнёрами [2].

Для нашей темы считается важным исследование роли привязанности и диадического копинга в контексте формирования близости между партнёрами, осуществлённое А. Вендоловской, Н. Чижовской и Д. Чижовской (Польша, 2022 г.). Результаты показали, что избегающий тип привязанности предполагает низкое качество близости, у мужчин в большей степени, чем у женщин, и менее продуктивный диадический копинг, независимо от пола [11].

Американские учёные Б. Джорджиадис и Р.Б. Вилкинсон (2023) провели исследование взаимосвязи диадического копинга и типа привязанности в молодых бездетных парах, где возраст партнёров составляет от 18 до 31 года. Результаты оказались следующими: тревожная и избегающая привязанность предсказывает приоритетное использование негативных копинг-стратегий и лишь частично – позитивного диадического копинга [9].

В результате проведённого нами исследования мы пришли к следующим выводам. Совладающее поведение партнёров с разным типом привязанности имеет различия. Было выявлено, что респонденты с зависимым и надёжным типами привязанности готовы информировать своего партнёра о личном стрессе. Можно предположить, что респонденты с зависимым типом привязанности делают это с целью привлечения внимания, и как следствие, недопущения игнорирования их потребностей. респонденты с надёжным типом привязанности информируют о стрессе для того, чтобы им помогли справиться с этим стрессом, так как они считают себя достойными этой помощи. Респонденты с отстранённым типом привязанности делают это крайне редко и предпочитают умалчивать свои состояния, ощущения и эмоции; это можно объяснить тем, что респонденты данной группы крайне недоверчивы к окружающему миру и не стремятся к контакту, чтобы не оказаться отверженными.

Такие же различия были выявлены в рамках поддерживающего диадического копинга, когда партнёр готов предлагать продуктивную поддержку в паре. Таким образом, респонденты с зависимым и надёжным типом привязанности готовы оказывать своему партнёру проблемно-ориентированную или эмоционально-ориентированную поддержку, в то время как партнёры с отстранённым типом привязанности скорее готовы предлагать в основном делегированный или же негативный диадический копинг. Как показало наше исследование, это можно объяснить тем, что люди с отстранённым типом привязанности не вовлечены эмоционально в отношениях, а лишь готовы на взятие дополнительной ответственности для того, чтобы помочь партнёру. В то же время партнёры с зависимым типом привязанности воспринимают качество общения с ним партнёра на более низком уровне, нежели партнёры с надёжным типом привязанности.

Продолжая обобщение сравнительного анализа между респондентами с отстранённым и надёжным типами привязанности, можно говорить о различиях между совместным (общим) диадическим копингом и его оценкой, то есть восприятие респондента диадического копинга в паре, а также о воспринимаемом поддерживающем копинге, который предъявляет его партнёр.

Анализ показал, что респондентам с отстранённым типом привязанности не свойственно совместно справляться со стрессом, когда в состоянии напряжения находятся оба партнёра. Можно предположить, что так происходит из-за различий в уровне удовлетворённых потребностей и представлении о взаимоотношениях. Другими словами, респонденты с надёжным типом привязанности готовы к обмену своими ресурсами с внешним миром, в данном случае с партнёром, так как они уверены, что это будет продуктивным в рамках минимизации напряжения в условиях стресса.

Если говорить об оценке воспринимаемого копинга, то респонденты с отстранённым типом привязанности на более низком уровне оценивают воспринимаемый диадический копинг, нежели респонденты с надёжным типом эмоциональной привязанности. Это можно объяснить тем, что у группы с отстранённым типом привязанности снижен эмоциональный интеллект, так как их психика стремится избежать риска быть отверженным во внешнем мире.

Данный результат можно объяснить, ссылаясь на приведённые данные. И из-за того, что у людей с отстранённым типом и их партнёров отсутствует диалог как минимум с одной стороны, тенденция умалчивать и скрывать необходимые потребности приводит к росту неудовлетворённости не только относительно незакрытых частных потребностей, но и к неудовлетворённости отношениями в целом.

Нам удалось выявить различия в воспринимаемом негативном копинге со стороны партнёра у людей с надёжным и избегающе-опасающимся типом привязанности. То есть человек с надёжным типом не считает, что партнёр использует негативные стратегии совладания, в отличие от человека с избегающе-опасающимся типом привязанности.

Подводя итоги, нужно отметить, что есть тенденции в пользу частичного подтверждения заявленной нами гипотезы, потому что при сравнении между собой четырёх групп, разделённых по типам привязанности, мы смогли обнаружить различия только в нескольких группах. Также мы в ходе исследования смогли выявить различия между удовлетворённостью в браке у партнёров с разным типом привязанности.

Партнёры с надёжным и зависимым типами привязанности наиболее активно информируют партнёра во время стресса, в отличие от партнёров с отстранённым типом привязанности. Исследование показало, что они меньше всего готовы общаться с партнёром о своих переживаниях. Данный показатель для нас является важным, так как он является основой для выбора в будущем не только характера совладающего поведения, но и стратегии взаимоотношений в паре в целом.

Следующее важное для нас различие было выявлено между респондентами с зависимым и надёжным типом привязанности и респондентами с отстранённым типом. Первые в наибольшей степени готовы оказывать своему партнёру проблемно-ориентированную или эмоционально-ориентированную поддержку, в то время как партнёры с отстранённым типом привязанности не готовы этого делать.

Партнёры с надёжным типом привязанности, в отличие от партнёров с отстранённым типом, готовы вкладываться в решение проблемной ситуации, когда в состоянии стресса находятся оба партнёра. Зачастую так может происходить, потому что партнёр с отстранённым типом подавляет в себе стрессовые состояния и не готов делиться этим с партнёром, о чем мы говорили ранее.

Также были обнаружены различия в умении оценивать (воспринимать) диадическое совладающее поведение со стороны партнёра. То есть партнёры с надёжным типом привязанности выше оценивают стремление партнёра помочь справиться со стрессовым состоянием, нежели партнёры с отстранённым типом привязанности.

Таким образом, больше всего различий было выявлено между группами респондентов с надёжным и отстранённым типами привязанности, где стремление помочь партнёру и совместно решить стрессовую ситуацию было выше у партнёров с надёжным типом привязанности. Но отличия встречались и у групп с зависимым и отстранённым типами привязанности, где оказалось, что партнёры с зависимым типом привязанности больше вовлечены в отношения и работу над ними.

Наш сравнительный анализ подтвердился тем, что удовлетворённость браком была выше у партнёров с надёжным типом привязанности, нежели у партнёров с отстранённым типом привязанности.

На основании выявленных различий, мы можем сформулировать основные стратегии поведения партнёров в ситуации стресса в зависимости от типа привязанности:

1. Люди с надёжным типом привязанности склонны к информированию своего партнёра об актуальном личном стрессе, в борьбе со стрессом используют поддерживающий и делегированный копинг, а также вместе с партнёром обращаются к общему диадическому копингу и довольны воспринимаемым диадическим копингом своего партнёра. Партнёр может найти баланс между стратегией доминирования и дружелюбия в решении трудных жизненных ситуаций. Как мы освещали в теоретической части нашего исследования, у человека стойко сформирована внутренняя позиция личности, характеризующая уверенностью в собственной значимости и доверием к окружающим. Исследование показало, что партнёры с надёжным типом привязанности в большей степени удовлетворены браком. Можно предположить, что партнёры с надёжным типом привязанности, использующие поддерживающий и делегированный диадический копинг, довольны качеством отношений и находятся в близких доверительных отношениях со своим партнёром.
2. Люди с зависимым типом привязанности испытывают потребность в близости, которая сопровождается страхом быть брошенным, поэтому мы видим, что они открыты своему партнёру, готовы к информированию его о своих переживаниях. Нами было выяснено, что партнёры с зависимым типом привязанности помогают и поддерживают своего партнёра, то есть используют поддерживающий диадический копинг, это является проявлением гиперактивации системы привязанности во время стресса, наличия высокой чувствительности к угрозе привязанности, следовательно человек стремится всеми возможными способами сохранить близость к фигуре привязанности. В то же время стремление совместно решать возникшие проблемы, то есть использовать, общий диадический копинг, по данным нашего исследования, оказалось довольно низким, что может свидетельствовать о том, что им тяжело осознанно принимать поддержку своего партнёра в силу чрезмерно собственной эмоциональной вовлечённости. Партнёры с зависимым типом привязанности удовлетворены браком, это можно объяснить тем, что партнёры используют в большей степени те стратегии совладающего поведения, которые способствуют разрешению стрессовых ситуаций и минимизируют напряжение в паре.
3. Люди с отстранённым (избегающе-отвергающим) типом привязанности не делятся со своими партнёрами информацией о личном стрессе, почти не используют поддерживающий, делегированный и общий диадический копинг, но в то же время и не используют негативное совладающее поведение. Результаты нашего исследования показали, что люди

с подобным типом привязанности не могут качественно воспринимать совладающее поведение со стороны партнёра. Им свойственно подавление эмоций и создание физической и умственной дистанции – деактивация системы привязанности, стремление к сохранению независимости, автономии. Для таких людей характерна минимизация важности близости, чувств, эмоций, страхов к фигуре привязанности. Удовлетворённость в браке у партнёров с отстранённым типом привязанности низкая. Можно сказать, что они не вовлечены в отношения, не готовы выходить из стрессовых ситуаций, которые предполагают активное и качественное участие обоих партнёров.

4. Партнёры с избегающе-опасающимся типом привязанности не показали значимых различий между остальными группами, кроме двух показателей. По результатам нашего исследования можно говорить только о том, что партнёр данного типа низко оценивает совладающее поведение своего партнёра, то есть ему сложно определить характер поведения, который предъявляет партнёр, но в то же время он склонен воспринимать негативные стили совладания своего партнёра. Значимых различий между остальными группами могло не получиться по нескольким причинам: во-первых, в рамках данного исследования выборка по этому типу оказалась мала, а показатели респондентов имели большой диапазон вариативности ответов. Во-вторых, данный тип привязанности характеризуется более высокой тревожностью, в отличие от избегающе-отвергающего типа, что говорит о их стремлении к близости с партнёром, но в силу особенностей данного типа, у него не сформировано доверие, поэтому всё же преобладает дистанцирование в отношениях, и возможны лишь попытки использования поддерживающего/делегируемого копинг-стратегий.

Список источников

1. *Екимчик О.А.* Стресс в близких гетеросексуальных отношениях // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49.
2. *Королева Е.М., Крюкова Т.Л.* Диадическое совладание у партнеров на начальном этапе становления их близких отношений // Материалы VII Международная конференция молодых ученых «Психология – наука будущего» (Москва, 14–15 ноября 2017 г.). М., 2017.
3. *Крюкова Т.Л., Григорова Т.П.* Деструктивная привязанность в отношениях взрослых мужчин и женщин: стресс и совладание с ним // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 44.
4. *Крюкова Т.Л.* Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома, 2019.
5. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: в 2 т. М., 2001.
6. *Сабельникова Н.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4.
7. *Bodenmann G.* Dyadic coping and its significance for marital functioning Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping. Washington, DC, 2005.
8. *Bowlby J.* Attachment and loss. V. 1. Attachment. NV: Basic Books. Dt.: Bindung. Eine Analyse der Mutter-Kind-Beziehung. München, 1975.
9. *Georgiadis B., Wilkinson R.B.* Dyadic coping and attachment dimensions in young adult romantic relationships // American Journal of Humanities and Social Sciences Research. 2023. № 7 (8).
10. *Hazan C., Shaver P.* Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987.
11. *Wendolowska A, Czyżowska N., Czyżowska D.* The Role of Attachment and Dyadic Coping in Shaping Relational Intimacy: Actor-Partner Interdependence Model // Int J Environ Res Public Health. 2022. Dec. 4. № 19 (23).

Информация об авторе

Ю.С. Тимошенко – преподаватель Московского гуманитарно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

Yu.S. Timoshenko – Lecturer of the Moscow University of Humanities and Technology – Moscow
Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 31.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята
к публикации 14.1.11.2024.

The article was submitted 31.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication
14.11.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 72–76.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 72–76.

Научная статья

УДК 721

doi:10.52470/2619046X_2024_4_72

Роль педагога в формировании толерантного отношения к окружающей среде

Алексей Григорьевич Сеницын

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия, gemes1919@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается современный подход к формированию межличностных отношений, в частности, в диаде «учитель – ученик». Определяются понятия центростремительного и центробежного пространства, влияние различных видов пространств на успешность интеракции, и в особенности – на процесс обучения.

Ключевые слова: окружающая среда, социальное поведение, понятие пространства, личностное пространство ученика, понятие комфортного самочувствия человека в среде

Для цитирования: Сеницын А.Г. Роль педагога в формировании толерантного отношения к окружающей среде. // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московский архитектурно-строительный институт. 2024. № 4. Р. 72–76. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_72.

Original article

The role of the teacher in the formation of a tolerant attitude towards to environment

Alexey G. Sinitsyn

Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia, gemes1919@bk.ru

Abstract. The article examines a modern approach to the formation of interpersonal relationships, in particular, in the teacher-student dead. The concept of centripetal and centrifugal space, the influence of different types of spaces on the success of nitraton in the learning are defined.

Keywords: environment, social behavior, concept of personal space, concept of human comfort in the environment

For citation: Sinitsyn A. The role of the teacher in the formation in of a tolerant attitude toward to environment // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. Р. 72–76. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_72.

© Сеницын А.Г., 2024

Каждое пространство, которое является ареной встреч, своей структурой способствует созданию дружеских или враждебных отношений между людьми. Межличностные отношения, в частности – отношения «учитель – ученик», подавляются или возбуждаются окружающей средой. Изучая структуру пространства, экопсихологи выделяют два типа пространства, два вида экосреды: центростремительное и центробежное пространство.

Центростремительное пространство способствует взаимодействию и установлению контактов, центробежное пространство противодействует нормальному плодотворному общению. Успешность процесса обучения зависит от его структуры, то есть от установки столов, стульев, доски, наличия свободного места. В перегруженном помещении, где постоянно находятся несколько человек, люди не могут сосредоточиться на выполнении своего задания. Эти условия влияют на психику людей, пытающихся как можно быстрее покинуть данное помещение, то есть поведение людей зависит и «перестраивается в соответствии с изменяющимися условиями среды» [2, с. 236].

Среди основных направлений исследования, которые выделила экологическая психология, следует назвать следующие:

- жилье и его особенности;
- улица и безопасность пешехода, влияние шума и газа на самочувствие человека;
- учебное заведение, его планировка, и – что особенно важно – связь структуры помещений и социальных проблем.

В настоящее время в экологической психологии принято выделять два направления [3].

Первое из них – реально-центрированное, которое имеет такое название, так как в центре его внимания стоит изучение воздействия культуры на поведение человека. То есть все, что окружает человека: жилье, заводы; организации – определяется культурой нации, да и сам человек воспринимает окружающую макро- и микросреду через свои привычки, навыки, способы реакции, привитые ему определенной культурой. Таким образом, как полагали исследователи этого направления, всё взаимосвязано. Идея взаимосвязи, комплиментарности социального поведения и рабочего учебного пространства была представлена и развита в работах Роджера Баркера, ученика Курта Левина. Последний особо отмечал, что способ поведения личности, его состояние зависит от экосреды. Личность и пространство – взаимосвязанные части одного динамического поля. Для понимания глубинного взаимоотношения личности и пространства экопсихологи определили три взаимообусловленные среды: естественный окружающий мир, социальный окружающий мир и культурный окружающий мир.

Второе направление экологической психологии имеет название «специально-научно центрированное» [4]. Объектом исследований ученых этого направления является человек и его поведение под влиянием различных условий жизни – квартиры, дома, квартала, города, уровня шума в городе. В рамках этого направления проводится значительное количество конкретных исследований по определению самочувствия человека под влиянием пространства.

Пространство принадлежит человеку, как и его тело. Человек по-разному воспринимает пространство в зависимости от своего социального опыта, от физических и временных параметров, от психического состояния и присутствия других людей. Понятие пространства многолико. В последнее время под понятием «пространство» мы часто понимаем жилое пространство, включающее квартиру или дом, учебное пространство и местность, где все это расположено. При этом пространство шире, чем жилая местность. Это шум и запах, свободное время и непосредственность общения, это спортивные площадки в районе и возможность повышать свое образование. Естественно, пространство, как указывал Аристотель, включает в себя огонь, воздух, воду и землю. Пространство – это не нейтральное поле, а то,

что человек делает для себя, то, где человек живет. Собственно, пространство – это не только пространство, но его восприятие, которое в свою очередь зависит от восприятия дистанции между людьми, от задач групп людей, от степени связанности членов этих групп, обусловленных, как отмечено выше, физическими свойствами пространства и его структурой. Среди выделенных параметров для педагогической деятельности чрезвычайно важна дистанция восприятия пространства, которую подразделяют на четыре типа:

- интимная дистанция или визуальная, на которой чувствуется запах и тепло тела;
- персональная, то есть дистанция, на которой можно воспринимать признаки движения мускулатуры глаз;
- социальная дистанция, на которой можно определить отдельные черты лица и облик в целом;
- общественная дистанция – та дистанция, на которой человек хотел бы общаться с любым чужим, величина её определяется от 3,5 до 7,5 метров и зависит от социальной позиции личности, с которой мы общаемся.

Все пространство человека можно разделить также, с позиции его преобразования, на естественное пространство (под которым понимается персональное жизненное пространство) и искусственное пространство (под которым понимается пространство, необходимое для оптимизации человеческого общения). К этому типу пространства относят частное пространство, которое включает в себя внутреннее пространство и общественное пространство. Оно предлагается для определенной группы людей.

Исследователи ФРГ провели специальный эксперимент по изучению самочувствия людей, проживающих в различных по типу застройки кварталах. Для изучения были взяты три типа застройки: дома с улучшенной архитектурной планировкой, дома типа коттеджей, то есть одно- или двухэтажные дома, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, и многоэтажные дома старой городской застройки. С помощью метода полярных профилей, было доказано, что более комфортно чувствуют себя люди, которые живут в одно- или двухэтажных домах, разделенных между собой зелеными насаждениями, которые в значительной мере снижают шум и увеличивают личностное пространство. Наиболее комфортно чувствует себя семья из четырех человек в двухэтажном коттедже, общая площадь которого составляет 140 кв.м, а жилая площадь 104 кв.м. Что касается определения наиболее оптимальной комбинации признаков зданий с признаками поверхности, то есть с естественным пространством, то для выявления подобного отношения был определен индекс поверхности. Такой индекс равен отношению между свободной от застройки территорией в числителе и площадью дома, умноженной на число этажей, в знаменателе. При этом большое значение имеет общее впечатление, которое высказывает основная масса населения о своем жилом районе.

В педагогической и воспитательной деятельности учителя особое место отводится личностному пространству ученика. Оно характеризуется с помощью таких параметров, как свобода от нежелательного появления другого и свобода принятия решения о времени и месте персональных отношений. Личностное пространство соотносится для человека с представлениями о самой близкой для него жизненной среде. Организация личностного пространства отражает индивидуальные особенности человека, его отношение к учебному предмету, к личности учителя. Личностное пространство тесно связано с общественным пространством и через него – с естественным пространством. Как отмечалось выше, человек любит и может общаться, если все в пространстве находится в гармонии, иначе пространство из поля спокойствия может стать полем напряженности и возбуждения. Естественное пространство характеризуется следующими признаками: характеристика местности, характеристика зданий, характеристика комбинации особенности зданий и естественной среды.

Современный учитель не только должен заботиться о создании адекватной пространственной структуры, но ему постоянно приходится бороться с шумом, который производят учащиеся на переменах, а иногда и на занятиях. При этом следует отметить, что принято выделять две группы людей, которые по-разному реагируют на шум. Первые стараются избегать его везде, они могут продуктивно работать только в тишине; вторые (их становится все больше в связи с урбанизацией) любят большие децибелы. Они отмечают, что шум снижает у них чувство тоски и одиночества, меланхолических настроений и неуверенности. Известно, что шум особенно мешает тем, кто не может на него воздействовать, находится под его влиянием и не может им управлять. Человек, который сам производит шум и в любой момент может его прекратить, страдает от шума меньше, чем окружающие, не знающие, когда же шум прекратится. При длительном шуме страдает не только слуховой аппарат, а и другие физиологические функции. Шум способствует возникновению стрессов и агрессивности, уменьшает готовность к сотрудничеству и способствует неверной оценке ситуации, что очень важно в педагогической деятельности. Кроме того, шум увеличивает склонность к паническим действиям. Сегодня до 43 % населения ряда стран отмечает, что им постоянно мешает шум. Микрорайон и город в целом – это тоже рабочее пространство, так как они активно формируют человека. С помощью специальных исследований было установлено, что чем больше руководство микрорайона уделяет внимания созданию мест прогулок и комфорту на площадках, тем более благоприятным становится климат в микрорайоне, который в свою очередь, как отмечали учащиеся в своих ответах в ходе опроса, благоприятно воздействует на взаимоотношение между учащимися и учителями в близлежащих школах и училищах.

Способ поведения человека находится под значительным влиянием эстетики района или города. Во время пути на работу или учебу мы проходим по нашим жилым кварталам и являемся объектом воспитательного воздействия. Мы воспринимаем структуру городского пространства в архитектурных символах, мы декодируем их, как и другие символы, мы понимаем их знаки. При этом сам процесс имеет образовательное и воспитательное значение. Необходимо учиться понимать язык архитектурных символов. Символы города помогают раскрыть идею отдельного объекта. Узлами любого крупного города являются станции метро, мосты, парки, которые, как правило, имеют характерную архитектуру и специфическое обозначение, ясное для жителей разных городов. Однако каждый город имеет свое лицо, свои специфические черты, распознать которые легче всего в центре города. Человек постоянно меняется под влиянием характерных признаков определенного города, они накладывают на него значительный отпечаток (как различаются, например, москвичи и жители Санкт-Петербурга).

Общительность имеет эмоциональную природу, то есть в процессе общения с учениками у учителя должны возникать такие эмоции, как желание делиться мыслями, чувство симпатии, расположение, сопереживание и др. [1].

Современный город накладывает значительный отпечаток на способ коммуникации его жителей. Общение большого города характеризуется двумя факторами: анонимностью и поверхностностью. На легкость установления человеческих контактов на улице города указывал еще Фридрих Шиллер в произведении «Вильгельм Телль». Для наглядности общения в современном городе возьмем для примера форму общения, характерную для профессиональных водителей. Они с большой легкостью устанавливают между собой контакты, их отличает особая вежливость и степень взаимопомощи, однако при всей доброжелательности остается определенной анонимность. Поэтому взаимное расположение, которое возникает, например, при аварии, затем быстро нарушается. В общественном транспорте большого города развивается новая необычная форма вежливости, когда женщинам и детям, старикам и инвалидам

места уступают неохотно, как бы извиняясь перед стоящими рядом пассажирами, обычно со словами: все равно скоро необходимо выходить. Конечно, здесь следует учитывать, что при большой насыщенности людьми в общественном транспорте любая перестановка создает трудности для находящихся рядом пассажиров. Особый вид контакта развивается в большом городе по телефону. Вам не дают необходимую информацию, не отвечают на вопрос, грубо бросают телефонную трубку. При этом, как отмечает Стенли Мильгрэм, профессор Нью-Йоркского университета, успех в получении справки по телефону зависит от акцента спрашивающего, по которому определяют его принадлежность к определенной социальной среде.

Человек по своей природе достаточно альтруистичен, готов оказать помощь, однако в большом городе, на заполненных прохожими улицах, он безразлично проходит мимо многих людей, которые нуждаются в нем и его поддержке, ему присуща безучастность и апатия. Возникает новое групповое явление, которое получило название «групповое игнорирование». Человек в толпе менее готов оказать помощь, чем если он один на улице, его ответственность понижена. Влияние группы велико, все пробегают мимо. Как отмечают американские и немецкие исследователи, в небольшом городе люди оказывают помощь нуждающимся в пять раз чаще, чем в большом.

Поверхность общения, его быстрота и анонимность влияют на психическое состояние человека, что вызывает эмоциональные стрессы, которые проявляются в территориальном поведении человека, а также в позе неприязни, в отсутствии улыбки по отношению к человеку, с которым происходит общение. Учет всех этих факторов определяет успешность педагогической деятельности.

Список источников

1. *Кан-Калик В.А.* Учителю о педагогическом общении. М., 1987.
2. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
3. *Kaminski G.* In *Okologische Psychologie* Hrs. von Kruse L. Graumann C.F. Lautermann E.D. Munchen; Weinheim, 1996
4. *Miller R.* *Umweltpsychologie. Eine Einfuhrung.* Stuttgart; Berlin; Köln, 1998.

Информация об авторе

А.Г. Сеницын – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры организационной психологии и психологии труда Московского психолого-социального университета, г. Москва, Россия

Information about the author

A.G. Sinitsyn – Candidate of Science in Psychology Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Organizational Psychology and Labor Psychology of the Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 29.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 77–83.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 77–83.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.52470/2619046X_2024_4_77

Психологические основы развития гражданской идентичности (на примере инновационных технологий преподавания истории)

Андрей Васильевич Дергачев

АНОО Международная Гимназия Сколково, г. Москва, Россия, 2pkspb@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются инновационные технологии преподавания истории и их роль в формировании гражданской идентичности школьников. Описаны ключевые подходы, такие как использование мультимедийных презентаций, виртуальных экскурсий, симуляционных игр и цифровых архивов, которые повышают вовлечённость учащихся и способствуют развитию критического мышления. Приведены примеры успешного применения данных технологий в школьной практике, а также рассмотрено их влияние на осознание учениками своей роли как гражданина. Отмечены вызовы, связанные с внедрением технологий в образовательный процесс, и предложены перспективы их дальнейшего использования для воспитания активной гражданской позиции у школьников.

Ключевые слова: инновационные технологии, преподавание истории, гражданская идентичность, школьники, цифровые технологии, симуляции, мультимедиа, виртуальные экскурсии, критическое мышление, проектный метод, геймификация, образовательный процесс

Для цитирования: Дергачев А.В. Психологические основы развития гражданской идентичности (на примере инновационных технологий преподавания истории) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 77–83. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_77.

Original article

Psychological foundations of the development of civic identity (using the example of innovative technologies for teaching history)

Andrey V.Dergachev

International Gymnasium Skolkovo, Moscow, Russia, 2pkspb@bk.ru

Abstract. The article considers innovative technologies of history teaching and their role in the formation of civic identity of schoolchildren. The article describes key approaches, such as the use of multimedia

© Дергачев А.В., 2024

presentations, virtual excursions, simulation games and digital archives, which increase student engagement and promote the development of critical thinking. Examples of successful use of these technologies in school practice are presented, as well as their impact on students' awareness of their role as citizens. The challenges associated with the introduction of technologies in the educational process are noted, and the prospects of their further use for the education of active citizenship in schoolchildren are offered.

Keywords: innovative technologies, history teaching, civic identity, schoolchildren, digital technologies, simulations, multimedia, virtual excursions, critical thinking, project method, gamification, educational process

For citation: Dergachev A.V. Psychological foundations of the development of civic identity (using the example of innovative technologies for teaching history) // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 77–83. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_77.

Современное российское образование и его психологическое содержание переживают этап глубоких изменений, которые касаются как содержания, так и методов преподавания. В этих условиях особое внимание уделяется вопросам формирования гражданской идентичности школьников, что выступает одной из ключевых задач воспитательной и психолого-образовательной работы. Воспитание психологически сформированного гражданина, обладающего пониманием исторической значимости событий прошлого и способного критически оценивать современные процессы становится приоритетом, который реализуется через новые подходы в преподавании, в том числе благодаря инновационным технологиям с опорой на общие психологические закономерности развития и функционирования.

Историческое образование традиционно рассматривается как основа формирования мировоззренческих и гражданских компетенций, поскольку через изучение отечественной и мировой истории ученик может осмыслить механизмы становления общества и государства, выявить ключевые факторы, влияющие на развитие гражданского самосознания и личности в целом. Инновационные технологии преподавания истории предлагают широкий спектр методов и инструментов, которые позволяют не только сделать процесс обучения более интересным и увлекательным, но и углубить восприятие учащимися социальной и политической значимости исторических событий.

В контексте современных вызовов, таких как глобализация и цифровизация, важно переосмыслить психологическую роль учителя истории и внедрять новые педагогические практики, которые будут способствовать развитию у школьников критического мышления, патриотизма и активной гражданской позиции.

В данной статье рассматриваются инновационные технологии преподавания истории, их психоорганизующее влияние на развитие гражданской идентичности школьников, а также особенности их использования в образовательной среде.

Значение истории в формировании гражданской идентичности с точки зрения психолого-педагогической практики. История как учебный предмет играет ключевую роль в формировании гражданской идентичности, поскольку через её изучение ученики не только осваивают факты и хронологию, но и понимают глубинные связи между историческими событиями и процессами, происходящими в обществе – познают себя как личностей в общем историческом контексте. Этот предмет даёт возможность воспитать у школьников чувство принадлежности к нации, осознание своей личностной роли как гражданина, а также понимание культурных и политических основ, на которых зиждется государство. В.И. Добреньков отмечает: «историческое знание формирует у ученика представление о культурных и политических ценностях, которые составляют основу национального самосознания» [5].

Действительно, история способствует формированию ценностных ориентиров, которые являются важными составляющими гражданской идентичности, помогая молодым людям осознавать своё место в мире и в обществе.

История позволяет школьникам не только познакомиться с ключевыми событиями прошлого, но и увидеть взаимосвязь между этими событиями и современностью. Через призму исторических процессов ученик начинает лучше понимать, как развивались различные аспекты жизни общества, как политические, социальные, так и культурные. Например, изучение Великой Отечественной войны не только учит учащихся хронологии военных действий, но и позволяет им понять, какие жертвы были принесены ради независимости страны, формируя чувство патриотизма и уважения к прошлому своей Родины. История помогает осознать ценности, принципы и нормы, которые определяют развитие общества, она даёт возможность молодым людям идентифицировать себя как часть общей истории и культуры своей страны.

Однако традиционные методы преподавания истории часто фокусируются на передаче фактической информации. Учителя ставят перед собой задачу донести до учеников основные события и даты, но это оставляет недостаточно пространства для глубокого анализа и осмысления. Такой подход, при всей его важности, иногда снижает мотивацию школьников и не способствует формированию у них гражданской позиции. Молодое поколение, сталкиваясь с огромным количеством информации из различных источников, нуждается в развитии навыков, позволяющих критически воспринимать информацию и формировать на её основе собственные выводы. Важно, чтобы школьники не просто заучивали события и имена, но также могли анализировать причины и последствия тех или иных исторических процессов.

В условиях современного мира, где информационные потоки непрерывно нарастают, способность к критическому восприятию становится ключевым навыком. Историческое образование должно способствовать формированию у учеников не только знаний, но и умений задавать вопросы, искать причинно-следственные связи, проводить сопоставления и делать собственные выводы. Для этого преподаватели должны использовать новые технологии и методики, позволяющие вовлечь учеников в активный процесс познания. Использование интерактивных методов обучения, таких как виртуальные экскурсии, симуляции исторических событий, проектные задания и цифровые архивы, помогает ученикам не просто воспринимать информацию, а активно работать с ней, осознавая её значимость и связь с современностью.

Кроме того, современные технологии позволяют адаптировать процесс обучения под интересы и потребности разных учеников, что также способствует лучшему усвоению материала. Например, использование мультимедийных презентаций и видеоматериалов помогает визуализировать сложные исторические процессы, что делает их более понятными и доступными для учащихся. Таким образом, внедрение инновационных технологий в процесс преподавания истории не только повышает интерес к предмету, но и способствует формированию у школьников гражданских компетенций, необходимых для активного участия в жизни общества.

Инновационные технологии в преподавании истории. Современные технологии позволяют интегрировать в процесс преподавания истории широкий спектр инструментов, которые значительно повышают вовлечённость учащихся. К числу таких технологий относятся: использование мультимедийных презентаций, виртуальных экскурсий, интерактивных карт, цифровых платформ и симуляционных игр. Все они направлены на усиление эффекта присутствия и создание более эмоциональной связи с учебным материалом.

Один из эффективных методов, который зарекомендовал себя в последние годы, – это использование симуляций и ролевых игр на уроках истории. Такие методики позволяют

школьникам буквально «пережить» исторические события, погружаясь в контекст определённых эпох. В ходе таких занятий учащиеся могут принимать решения от лица исторических персонажей, тем самым формируя более глубокое понимание мотиваций и последствий тех или иных действий.

Другой инновационный подход – это применение цифровых платформ для совместного исследования. Например, использование таких ресурсов, как интерактивные исторические атласы, которые позволяют ученикам отслеживать изменения территорий и границ в разные исторические периоды.

Для наглядности в *таблице 1* представлены основные инновационные технологии и их преимущества для преподавания истории.

Таблица 1. Инновационные технологии и их преимущества
Table 1. Innovative technologies and their advantages

<i>Технология</i>	<i>Описание</i>	<i>Преимущества для обучения</i>
Мультимедийные презентации	Визуальное представление исторических данных, использование видео и графики	Повышение интереса и наглядности учебного материала
Интерактивные карты	Визуализация исторических процессов, изменений границ	Лучшая пространственная ориентация в событиях
Симуляции и ролевые игры	Учащиеся воспроизводят исторические события, принимая роли персонажей	Глубокое понимание мотиваций и контекста событий
Виртуальные экскурсии	Погружение в исторические локации через виртуальную реальность	Эффект присутствия, эмоциональная вовлечённость
Цифровые платформы для исследований	Совместные исследования и обсуждения на основе цифровых данных и архивов	Развитие навыков критического мышления и анализа

Влияние инновационных технологий на развитие гражданской идентичности. Применение этих технологий непосредственно связано с задачами формирования гражданской идентичности у школьников. Во-первых, они способствуют развитию критического мышления, что является одним из важнейших элементов гражданской компетентности. Учащиеся, используя интерактивные платформы, могут самостоятельно исследовать источники информации, что учит их не только искать достоверные факты, но и анализировать их.

Во-вторых, вовлечение в ролевые игры и симуляции позволяет ученикам глубже понять моральные дилеммы, с которыми сталкивались исторические личности. Это не только формирует у них понимание ответственности за принимаемые решения, но и развивает чувство принадлежности к своей стране и её истории.

Как подчёркивает Е.С. Поляков, «инновационные технологии помогают преобразовать историческое образование в инструмент гражданского воспитания, что способствует развитию чувства патриотизма и социальной ответственности» [12]. Благодаря новому подходу к преподаванию истории, школьники не просто заучивают факты, но осознают их значимость для формирования национального самосознания.

Практические примеры внедрения инновационных технологий. На практике использование инновационных технологий в преподавании истории даёт разнообразные результаты. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

- 1. Проектный метод с использованием цифровых архивов.** В школе № 1521 г. Москвы был успешно реализован проект, где старшеклассники, используя открытые цифровые архивы (например, проект «Президентская библиотека»), исследовали документы по истории

России XIX в. Ученики самостоятельно искали материалы по интересующим их темам, анализировали источники и представляли свои результаты в виде презентаций. Такой подход не только развил их навыки работы с историческими документами, но и позволил глубже погрузиться в исторический контекст эпохи.

2. **Интерактивные уроки на основе виртуальной реальности.** В рамках проекта «Живая история» учащиеся имели возможность «посетить» ключевые исторические события, такие как Полтавская битва или подписание пакта Риббентропа-Молотова. Виртуальные экскурсии и симуляции позволили им лучше понять атмосферу времени, историческую обстановку и сложности принятых решений. Это вызвало живой интерес к теме и способствовало эмоциональному вовлечению.
3. **Использование геймификации.** В некоторых образовательных учреждениях активно используется метод геймификации для изучения истории. Например, создание онлайн-игры на платформе Minecraft, в которой школьники строили реконструкции исторических городов, дало возможность учащимся изучать архитектуру и быт разных эпох в процессе игры. Этот метод доказал свою эффективность, так как включил соревновательный элемент и вызвал большой интерес со стороны учеников.

Эти примеры иллюстрируют, как инновационные технологии могут оживить процесс преподавания истории, сделать его более динамичным и эмоционально насыщенным, что непосредственно влияет на формирование гражданской идентичности. Ученики, погружённые в исторический контекст через интерактивные методы, начинают более осознанно воспринимать свою роль как гражданина, осознавая, что их действия и решения могут иметь далеко идущие последствия. Для наглядности представим описание и преимущества данных методов в *таблице 2*.

Таблица 2. Примеры внедрения инновационных технологий в школьное образование
Table 2. Examples of the introduction of innovative technologies in school education

<i>Пример внедрения</i>	<i>Описание</i>	<i>Влияние на гражданскую идентичность</i>
Проектный метод с архивами	Учащиеся исследуют цифровые архивы, готовят проекты	Развитие аналитических навыков, осознание истории своей страны
Виртуальная реальность	Погружение в исторические события через симуляции	Эмоциональное вовлечение, лучшее понимание прошлого
Геймификация (Minecraft)	Реконструкция исторических объектов через игру	Увлечение и активное участие, осознание социальной ответственности

Вызовы и перспективы внедрения инновационных технологий в обучении истории.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение инновационных технологий в школьное образование сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, это технологическая оснащённость школ. Не все образовательные учреждения могут позволить себе необходимое оборудование, что ограничивает возможности учителей в использовании современных методов обучения. Во-вторых, важную роль играет подготовка педагогов, которые должны быть не только знакомы с технологиями, но и уметь интегрировать их в учебный процесс.

Кроме того, необходимо учитывать психолого-педагогические аспекты. Технологии должны использоваться таким образом, чтобы они не заменяли традиционные методы, а дополняли их. Исследования показывают, что избыточное использование технологий может приводить к снижению навыков критического мышления у учеников, если процесс обучения становится слишком механическим.

Перспективы использования инновационных технологий в преподавании истории, тем не менее, весьма широки. Они позволяют более эффективно интегрировать учебный материал, способствуют развитию у учеников как гражданской идентичности, так и общественных навыков. По мнению И.В. Смирнова, «грамотное использование инновационных технологий может стать ключом к созданию нового поколения граждан, осознающих своё место в мире и свою ответственность за будущее» [13].

Инновационные технологии преподавания истории играют важную роль в современном образовании, они способны не только улучшить восприятие учебного материала, но и оказать значительное влияние на формирование гражданской идентичности учащихся. Через использование интерактивных методов, цифровых платформ и симуляционных игр у школьников развивается критическое мышление, повышается их эмоциональная вовлечённость и появляется более осознанное восприятие своей роли в историческом контексте.

Применение таких технологий помогает ученикам глубже понять ценности и принципы, на которых строится государство, увидеть связь между историческими событиями и современной реальностью. Воспитание гражданской идентичности через историю происходит не только благодаря фактам и датам, но через осознание моральных, культурных и политических аспектов развития общества.

Основные выводы:

1. Использование виртуальных экскурсий, симуляций и цифровых архивов позволяет создать у учеников более глубокое понимание событий прошлого и их значения для формирования гражданских качеств.
2. Инновационные технологии побуждают учеников к самостоятельному поиску и анализу информации, что формирует способность критически оценивать события и делать собственные выводы.
3. Виртуальная реальность и ролевые игры способствуют развитию эмоциональной связи с историей, что увеличивает мотивацию к изучению и способствует более прочному усвоению материала.

Тем не менее, успешное внедрение инновационных технологий требует внимательного подхода со стороны педагогов. Важно, чтобы технологии не замещали живое общение и традиционные методы преподавания, а становились их полезным дополнением.

Таким образом, инновационные технологии имеют огромный потенциал для развития гражданской идентичности школьников через преподавание истории. Они помогают создать комплексное восприятие истории, развивая не только когнитивные способности, но и социальные, эмоциональные и гражданские компетенции, необходимые для формирования активной гражданской позиции.

Список источников

1. *Барабанов Н.С., Дергачева Н.С.* Теоретические аспекты и принципы организации образовательного процесса в рамках уроков истории как способ формирования культурного самосознания, социальной и гражданской идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 3.
2. *Барабанов Р.Е., Чистовский Д.И.* Взаимосвязь символов, гражданской идентичности и патриотического воспитания // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 3.
3. *Белова А.Н.* Роль мультимедийных технологий в преподавании истории // Педагогическое мастерство. 2017. № 2.

4. *Дергачев А.В.* Формирование российской гражданской идентичности на уроках истории России в 9-х классах: магистерская диссертация. М., 2017.
5. *Добреньков В.И.* История как средство формирования гражданской идентичности // Вопросы истории. 2016. № 5.
6. *Зайцева Т.П.* Геймификация в обучении: теория и практика // Современные образовательные технологии. 2020. № 1.
7. *Захарова Л.И.* Симуляции в образовательной практике: опыт преподавания истории // Образовательные технологии будущего. 2020. № 5.
8. *Иванова М.А.* Проектный метод в школьном образовании: опыт и перспективы // Образование в XXI веке. 2019. № 3.
9. *Кузнецов В.С.* Интерактивные карты как инструмент преподавания истории // Вестник исторических наук. 2018. № 6.
10. *Никитин П.В.* Глобализация и гражданская идентичность школьников // Социология образования. 2021. № 4.
11. *Орлова И.Г.* Виртуальные экскурсии как инновационный метод обучения // Педагогические исследования. 2018. № 7.
12. *Поляков Е.С.* Инновационные технологии в образовании: педагогические аспекты // Педагогика и психология. 2021. № 4.
13. *Смирнов И.В.* Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в преподавании истории // Историческое образование. 2020. № 2.
14. *Ткаченко О.Н.* Цифровые платформы в образовании: возможности и вызовы // Цифровая школа. 2021. № 1.
15. *Федоров А.В.* Использование цифровых архивов в школьном образовании // Вопросы педагогики. 2019. № 10.

Информация об авторе

А.В. Дергачев – магистр в области педагогического образования, учитель истории и обществознания АНОО Международная Гимназия Сколково, г. Москва, Россия

Information about the author

A.V. Dergachev – Master's Degree in Teacher Education of the Teacher of History and Social Studies of the ANOO International Gymnasium Skolkovo, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 09.10.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 22.10.2024.

The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 22.10.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 84–97.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. С. 84–97.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.52470/2619046X_2024_4_84

Исследование влияния стилей семейных взаимоотношений и родительского воспитания на развитие девиантного поведения у детей-сирот

Карина Маратовна Канафина¹, Родион Евгеньевич Барабанов²

¹ Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, Москва, Россия

² Институт психологии им. Л.С. Выготского Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, logoped05@mail.ru

Аннотация. Представленное исследование сфокусировалось на выявлении взаимосвязи между семейным опытом и текущим психологическим состоянием подростков, проживающих в детских домах. Учитывая особенности выборки и ограничения, связанные с невозможностью опроса родителей, в работе использовались доступные данные и методы для максимально точного определения предыдущих стилей семейных взаимоотношений в неблагополучных (сиротских) семьях. Применение стандартизированных методик диагностики позволило получить количественные показатели склонности к девиантному поведению, уровня самооценки и тревожности, что является важным для объективной оценки состояния участников и разработки программ психологической помощи.

Ключевые слова: стили семейных взаимоотношений, родительское воспитание, девиантное поведение, дети-сироты, психологическая поддержка

Для цитирования: Канафина К.М., Барабанов Р.Е. Исследование влияния стилей семейных взаимоотношений и родительского воспитания на развитие девиантного поведения у детей-сирот // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 84–97. https://doi:10.52470/2619046X_X_2024_4_84.

© Канафина К.М., Барабанов Р.Е., 2024

Original article

The study of the influence of styles of family relationships and parenting on the development of deviant behavior in orphaned children

Karina M. Kanafina¹, Rodion E. Barabanov²

¹ Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia

² Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, logoped05@mail.ru

Abstract. The presented study focuses on identifying the relationship between family experience and the current psychological state of adolescents living in orphanages. Taking into account the peculiarities of the sample and the limitations associated with the impossibility of interviewing parents, the work used available data and methods to determine as accurately as possible the previous styles of family relationships in dysfunctional (orphan) families. The use of standardized diagnostic techniques allowed us to obtain quantitative indicators of the tendency to deviant behavior, the level of self-esteem and anxiety, which is important for an objective assessment of the condition of participants and the development of psychological assistance programs.

Keywords: styles of family relationships, parenting

For citation: Kanafina K.M., Brbanov R.E. The study of the influence of styles of family relationships and parenting on the development of deviant behavior in orphaned children // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 4. P. 84–97. https://doi:10.52470/2619046X_2024_4_84.

Для изучения влияния стиля семейных взаимоотношений и родительского воспитания на развитие различных девиаций в подростковом возрасте на примере детей-сирот было организовано эмпирическое исследование. Особенностью данного исследования являлось то, что в качестве объекта изучения выступали дети-сироты, проживающие в детских домах, которые ранее жили в своих биологических семьях с различными стилями семейных взаимоотношений. Поскольку опросы родителей были невозможны из-за отсутствия контакта с ними, информация о стиле семейного воспитания в прежних семьях получалась на основе воспоминаний самих подростков и данных из их личных дел.

Эксперимент был организован на базе ЦССВ № 1 г. Москва с мая по июль 2024 г. при помощи сотрудников Центра (психологов и социальных педагогов).

Цель констатирующего эксперимента заключалась в выявлении влияния предыдущего стиля семейных взаимоотношений на склонность к девиантному поведению у подростков-сирот, проживающих в детских домах.

Гипотезы констатирующего эксперимента:

1. Подростки-сироты, выросшие в семьях с дисфункциональными стилями семейных взаимоотношений (авторитарный, индифферентный), имеют более высокую склонность к девиантному поведению.

2. Предыдущий опыт проживания в семьях с демократическим стилем взаимоотношений способствует снижению риска развития девиантного поведения у подростков-сирот, несмотря на отсутствие текущей родительской поддержки.

Выборка исследования включала 40 подростков-сирот в возрасте от 13 до 17 лет, проживающих в детских домах. Участники были разделены на две группы по 20 человек в каждой:

Группа 1: подростки, ранее проживавшие в семьях с дисфункциональными стилями семейных взаимоотношений (авторитарный, индифферентный), выявленными на основе их воспоминаний и данных из личных дел.

Группа 2: подростки, ранее проживавшие в семьях с демократическим стилем семейных взаимоотношений.

Методы сбора данных:

1. Анализ документов: изучение личных дел подростков, включающих социально-психологические характеристики, описания семейной ситуации, причины попадания в детский дом.
2. Психологические методики:
 - методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению у подростков для оценки уровня предрасположенности к девиациям;
 - опросник самооотношения для определения уровня самооценки и самопринятия;
 - шкала тревожности Спилбергер–Ханина для оценки эмоционального состояния;
 - полуструктурированные интервью;
 - беседы с подростками для выяснения их воспоминаний о предыдущей семье, стиля воспитания, отношений с родителями и их влияния на текущее эмоциональное состояние и поведение.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о том, что стиль семейных взаимоотношений в предыдущей семье продолжает оказывать влияние на личность и поведение подростка даже после утраты родительской опеки. Негативный семейный опыт может усиливать уязвимость подростка к стрессовым факторам, снижать его способность справляться с трудностями и повышать риск вовлечения в девиантное поведение. Положительный семейный опыт, напротив, служит защитным фактором, способствуя психологическому благополучию и снижению риска отклонений.

Далее мы обратились к данным, полученным с помощью методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению у подростков, разработанной А.Н. Орлом. Эта методика позволила количественно оценить предрасположенность участников к различным формам девиантного поведения и сравнить показатели между двумя группами подростков: теми, кто имел опыт проживания в семьях с дисфункциональными стилями взаимоотношений, и теми, кто вырос в семьях с демократическим стилем воспитания.

Результаты исследования уровня склонности к девиантному поведению представлены на *рисунке 1*.

В первой группе, состоящей из 20 подростков с опытом дисфункциональных семейных взаимоотношений, результаты показали, что большинство участников имеют высокий или выше среднего уровень склонности к отклоняющемуся поведению. Конкретно, 65 % подростков этой группы (13 человек) набрали высокие баллы по общему индексу склонности к девиациям. Остальные 35 % (7 человек) продемонстрировали средний уровень склонности, и ни один из участников не показал низких показателей.

Во второй группе, включающей 20 подростков с опытом демократического семейного воспитания, результаты были иными. Только 20 % участников (4 человека) набрали высокие баллы по общему индексу склонности к отклоняющемуся поведению. Большинство под-

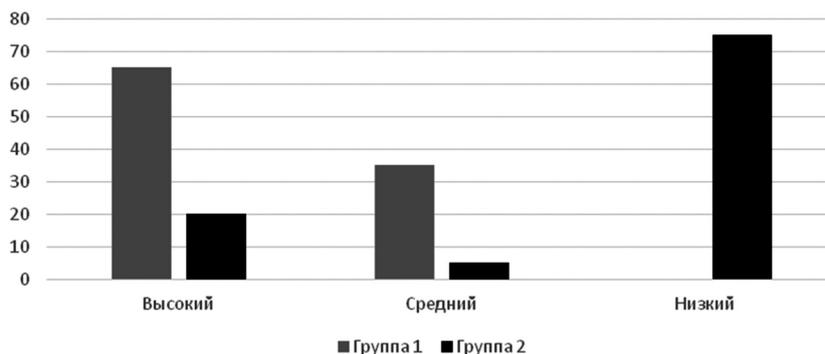

Рисунок 1. Уровень склонности к девиантному поведению

Figure 1. The level of tendency to deviant behavior

ростков этой группы (75 %, 15 человек) продемонстрировали низкий уровень склонности к девиациям, и лишь 5 % (1 человек) имели средние показатели.

Результаты по отдельным шкалам методики диагностики склонности к девиантному поведению представлены на *рисунке 2*.

Анализируя отдельные шкалы методики А.Н. Орла, в группе 1 были получены следующие данные

Агрессивное поведение: 70 % участников первой группы (14 человек) имели высокие показатели по этой шкале, что свидетельствует о выраженной склонности к агрессивным реакциям, конфликтности и возможному использованию насилия в решении проблем.

Правонарушающее поведение: 60 % подростков (12 человек) продемонстрировали высокий уровень склонности к правонарушениям, включая нарушения общественных норм и правил, склонность к противоправным действиям.

Аддитивное поведение: 55 % участников (11 человек) показали высокие баллы по этой шкале, указывающие на риск формирования зависимостей, таких как употребление психоактивных веществ или азартные игры.

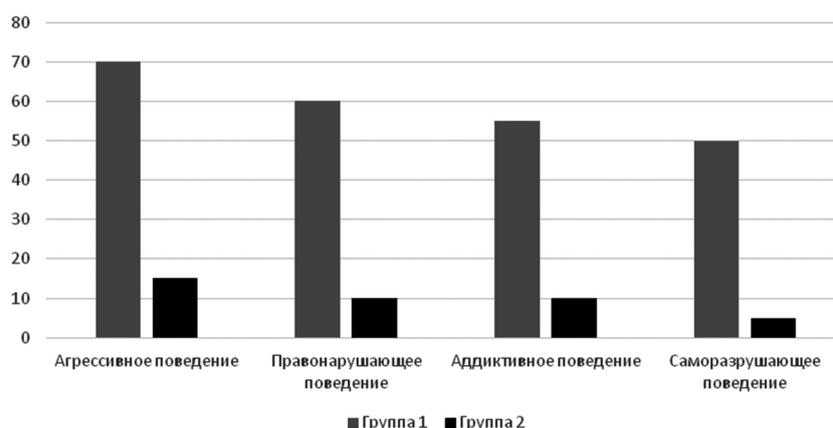

Рисунок 2. Результаты по отдельным шкалам методики А.Н. Орла

Figure 2. Results on separate scales of the A.N. Orel methodology

Саморазрушающее поведение: 50 % подростков (10 человек) имели высокие показатели, что может свидетельствовать о склонности к суицидальным мыслям или действиям, а также к поведению, наносящему вред собственному здоровью.

По отдельным шкалам в группе 2 результаты распределились следующим образом:

Агрессивное поведение: только 15 % участников (3 человека) показали повышенные показатели, остальные 85 % (17 человек) имели низкий уровень агрессивности.

Правонарушающее поведение: высокие баллы были у 10 % подростков (2 человека), тогда как 90 % (18 человек) показали низкую склонность к правонарушениям.

Аддиктивное поведение: лишь 10 % участников (2 человека) имели повышенные показатели по этой шкале, остальные 90 % (18 человек) не продемонстрировали склонности к аддиктивному поведению.

Саморазрушающее поведение: высокие показатели были обнаружены у 5 % подростков (1 человек), что значительно ниже, чем в первой группе.

Интерпретируя полученные результаты, можно сделать вывод о существенном влиянии предыдущего стиля семейных взаимоотношений на склонность подростков к различным формам девиантного поведения. Подростки из дисфункциональных семей демонстрируют значительно более высокий уровень предрасположенности к агрессии, правонарушениям, зависимостям и саморазрушению. Это может быть обусловлено тем, что негативный семейный опыт, связанный с отсутствием эмоциональной поддержки, понимания и здоровых моделей поведения, способствует формированию у подростка негативных установок и стратегий поведения.

Высокие показатели агрессивности в первой группе могут быть связаны с тем, что подростки, пережившие насилие или жесткое обращение в семье, усваивают агрессию как способ решения конфликтов или выражения своих эмоций. Отсутствие навыков конструктивного общения и эмоциональной регуляции приводит к тому, что агрессия становится доминирующей реакцией на стрессовые ситуации.

Повышенная склонность к правонарушающему поведению у подростков из дисфункциональных семей может объясняться недостатком внутреннего контроля и уважения к социальным нормам, что часто формируется в семьях, где сами родители нарушают законы или поощряют антиобщественное поведение. Подростки могут не видеть альтернативных способов самореализации и получения признания, кроме как через противоправные действия.

Риск развития аддиктивного поведения может быть связан с попытками подростков снять эмоциональное напряжение, уйти от проблем или заполнить эмоциональную пустоту, возникшую из-за отсутствия поддержки в семье. Употребление психоактивных веществ или вовлечение в другие зависимые формы поведения может рассматриваться ими как способ саморегуляции или поиска удовольствия.

Высокие показатели саморазрушающего поведения у половины участников первой группы вызывают особую обеспокоенность. Это свидетельствует о глубоком внутреннем дискомфорте, возможно, наличии депрессивных состояний и отсутствии ценности собственной жизни и здоровья. Такие подростки могут нуждаться в немедленной психологической помощи и поддержке.

Вторая группа подростков, имеющих опыт демократического семейного воспитания, демонстрирует значительно более низкий уровень склонности к девиантному поведению. Это указывает на то, что позитивный семейный опыт, основанный на уважении, понимании и поддержке, способствует формированию у подростка здоровых стратегий поведения, адекватной самооценки и способности справляться с жизненными трудностями без обращения к негативным формам поведения.

Низкие показатели агрессивности, правонарушающего и аддиктивного поведения во второй группе могут быть связаны с тем, что эти подростки усвоили позитивные модели поведения от своих родителей, научились эффективно коммуницировать, регулировать эмоции и уважать социальные нормы. Даже несмотря на потерю родителей и пребывание в детском доме, они сохраняют внутренние ресурсы и стратегии, позволяющие им адаптироваться и развиваться благополучно.

Единичные случаи повышенных показателей в этой группе могут быть объяснены индивидуальными особенностями или влиянием внешних факторов, таких как стрессовые события, пережитые после потери семьи, или влияние негативного окружения в детском доме. Однако в целом тенденция показывает, что предыдущий позитивный семейный опыт оказывает защитное влияние на подростка.

Таким образом, результаты методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению у подростков по А.Н. Орлу подтверждают гипотезу о значимом влиянии стиля семейных взаимоотношений на предрасположенность к девиантному поведению. Подростки, выросшие в дисфункциональных семьях, находятся в группе повышенного риска и требуют особого внимания со стороны педагогов и психологов. Необходимо разработать и внедрить программы психологической поддержки, направленные на коррекцию негативных установок, развитие навыков эмоциональной регуляции и конструктивного общения.

Рассмотрим данные, полученные с помощью **Опросника самооотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева**. Эта методика позволяет оценить уровни самооценки, самопринятия и общее самооотношение подростков, что является ключевым фактором в понимании их психологического состояния и потенциальной склонности к девиантному поведению.

В первой группе, состоящей из 20 подростков, ранее проживавших в семьях с дисфункциональными стилями взаимоотношений, результаты показали, что **уровень самооценки** у большинства участников находится на среднем или несколько ниже среднего уровне. Результаты представлены на *рисунке 3*.

Средний балл по шкале самооценки в этой группе составил 58 баллов из возможных 80, что свидетельствует о слегка пониженной самооценке. При этом:

- 40 % участников (8 человек) имели показатели самооценки ниже среднего;
- 50 % участников (10 человек) находились в пределах среднего уровня;
- 10 % участников (2 человека) продемонстрировали высокую самооценку.

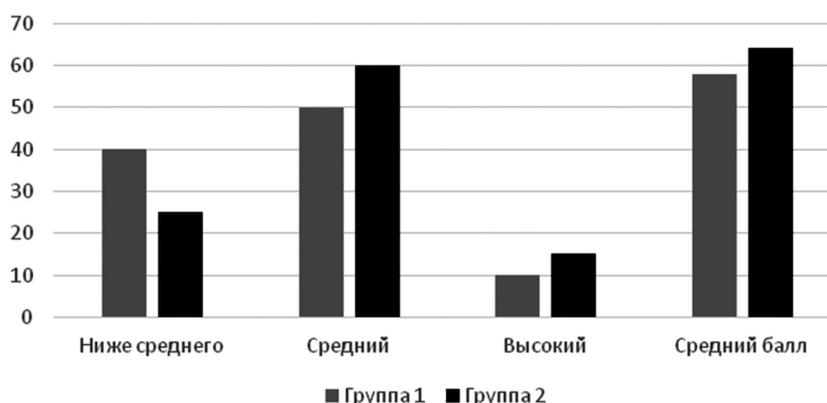

Рисунок 3. Уровень самооценки по опроснику самооотношения

Figure 3. The level of self-esteem according to the self-attitude questionnaire

Во второй группе, включающей 20 подростков с опытом проживания в семьях с демократическим стилем взаимоотношений, средний балл по шкале самооценки был несколько выше и составил 64 балла из 80 возможных. Распределение результатов в этой группе было следующим:

- 25 % участников (5 человек) имели показатели самооценки ниже среднего.
- 60 % участников (12 человек) находились на среднем уровне.
- 15 % участников (3 человека) продемонстрировали высокую самооценку.

Интерпретируя эти результаты, можно отметить, что хотя подростки из демократических семей в среднем имеют несколько более высокую самооценку, различия между группами не являются кардинальными. Оба показателя находятся в пределах среднего уровня, что может указывать на влияние дополнительных факторов, помимо семейного опыта, на формирование самооценки у подростков-сирот.

По шкале самопринятия ситуация была аналогичной. Результаты представлены на *рисунке 4*.

В первой группе средний балл составил 52 балла из 80, что указывает на средний уровень самопринятия с тенденцией к пониженному. Во второй группе средний балл был 58 баллов, что также соответствует среднему уровню, но с тенденцией к повышенному самопринятию.

Распределение результатов по самопринятию:

Первая группа:

- 45 % участников (9 человек) имели показатели ниже среднего;
- 50 % участников (10 человек) находились на среднем уровне;
- 5 % участников (1 человек) продемонстрировали высокий уровень самопринятия.

Вторая группа:

- 30 % участников (6 человек) имели показатели ниже среднего;
- 60 % участников (12 человек) находились на среднем уровне;
- 10 % участников (2 человека) продемонстрировали высокий уровень самопринятия.

Эти данные свидетельствуют о том, что подростки из демократических семей несколько чаще принимают себя такими, какие они есть, по сравнению с подростками из дисфункциональных семей. Однако различия не являются значительными и остаются в пределах среднего уровня для обеих групп.

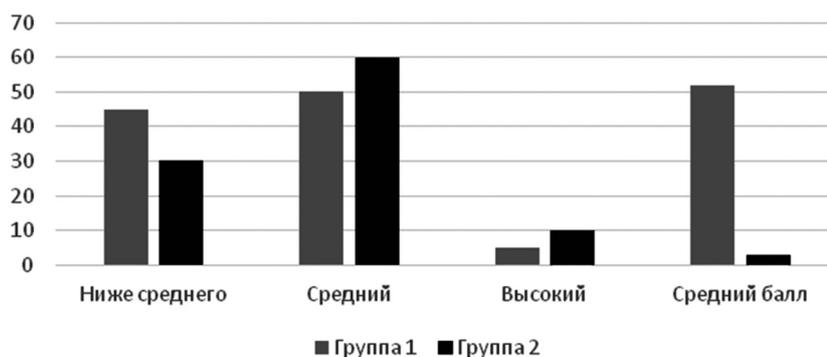

Рисунок 4. Уровень самопринятия по опроснику самоотношения

Figure 4. The level of self-acceptance according to the self-attitude questionnaire

Общее самоотношение – интегральный показатель, объединяющий самооценку и самопринятие – также показало умеренные различия между группами. В первой группе средний балл составил 55 баллов, во второй группе – 61 балл из 80 возможных. Это указывает на то, что подростки из демократических семей имеют слегка более позитивное отношение к себе, но в целом показатели обеих групп находятся в среднем диапазоне.

Интерпретируя полученные результаты, можно сделать вывод, что предыдущий семейный опыт оказывает определенное влияние на самоотношение подростков-сирот, но это влияние не является решающим. Подростки из демократических семей в среднем имеют несколько более высокую самооценку и уровень самопринятия, что может быть связано с тем, что в их семьях практиковался стиль воспитания, способствующий развитию уверенности в себе и позитивного отношения к своим качествам. В таких семьях родители обычно поддерживают инициативу ребенка, признают его достижения, что способствует формированию адекватной самооценки.

С другой стороны, подростки из дисфункциональных семей, сталкиваясь с критикой, пренебрежением или жестким контролем, могут испытывать сомнения в своих способностях и ценности, что отражается на их самооценке и самопринятии. Однако тот факт, что большинство участников обеих групп находятся на среднем уровне по показателям самоотношения, указывает на наличие компенсаторных факторов, влияющих на их психологическое состояние.

Возможно, пребывание в детском доме предоставляет подросткам новые возможности для социального взаимодействия, поддержки со стороны воспитателей и сверстников, что помогает им частично компенсировать негативный семейный опыт. Кроме того, индивидуальные особенности личности, такие как внутренняя устойчивость, способности к адаптации, также играют значимую роль в формировании самоотношения.

Важно отметить, что самоотношение является динамическим показателем, подверженным влиянию текущих событий и окружения. Подростки-сироты, независимо от предыдущего семейного опыта, могут испытывать сложности, связанные с утратой семьи, необходимостью адаптироваться к новым условиям, что влияет на их самооценку и самопринятие. Поэтому поддержка со стороны педагогов, психологов и социального окружения является критически важной для поддержания и развития позитивного самоотношения у этих подростков.

Таким образом, результаты опросника самоотношения показывают, что предыдущий стиль семейных взаимоотношений оказывает некоторое влияние на самооценку и самопринятие подростков-сирот, но различия между группами не являются резкими. Это свидетельствует о том, что помимо семейного опыта, значимую роль играют другие факторы, такие как условия проживания в детском доме, социальные связи, индивидуальные психологические особенности. Для эффективной поддержки подростков-сирот необходимо учитывать комплекс этих факторов и предоставлять им возможности для развития позитивного самоотношения через обучение навыкам саморегуляции, укрепление социальной поддержки и создание благоприятной психологической атмосферы.

Продолжая подробный анализ результатов нашего исследования, рассмотрим данные, полученные с помощью **Шкалы реактивной и личностной тревожности Спилберга–Ханина**. Эта методика предназначена для оценки уровня ситуативной (реактивной) тревожности, возникающей в ответ на конкретные стрессовые ситуации, и устойчивой (личностной) тревожности, отражающей склонность человека к тревожным реакциям в повседневной жизни. Результаты по шкалам реактивной и личностной тревожности представлены на *рисунках 5 и 6*.

В первой группе, состоящей из 20 подростков, ранее проживавших в семьях с дисфункциональными стилями взаимоотношений, результаты показали, что уровень как реактивной, так и личностной тревожности у большинства участников находится на среднем или повышенном уровне.

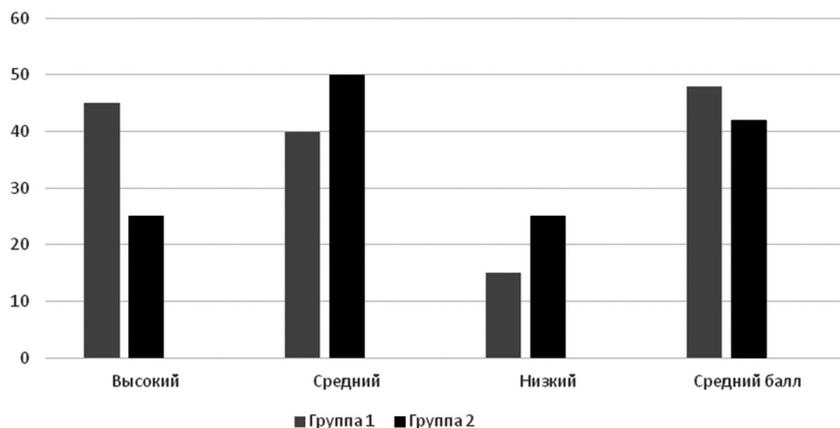

Рисунок 5. Уровень реактивной тревожности по шкале Спилбергера-Ханина

Figure 5. The level of reactive anxiety on the Spielberger-Hanin scale

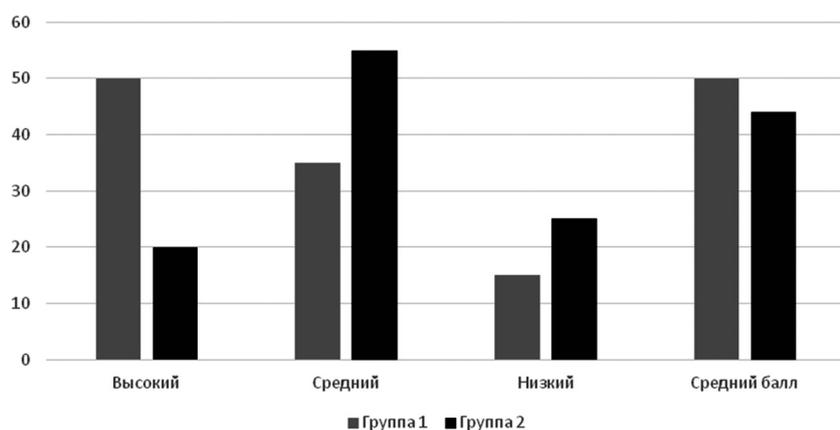

Рисунок 6. Уровень личностной тревожности по шкале Спилбергера-Ханина

Figure 6. The level of personal anxiety on the Spielberger-Hanin scale

По шкале реактивной тревожности:

- 45 % участников (9 человек) имели высокий уровень ситуативной тревожности;
- 40 % участников (8 человек) находились на среднем уровне;
- 15 % участников (3 человека) показали низкий уровень реактивной тревожности.

По шкале личностной тревожности:

- 50 % участников (10 человек) имели высокий уровень устойчивой тревожности;
- 35 % участников (7 человек) находились на среднем уровне;
- 15 % участников (3 человека) продемонстрировали низкий уровень личностной тревожности.

Средние баллы в первой группе составляли:

- реактивная тревожность: 48 баллов из 80 возможных;
- личностная тревожность: 50 баллов из 80 возможных.

Во второй группе, включающей 20 подростков с опытом проживания в семьях с демократическим стилем взаимоотношений, результаты были несколько иными.

По *шкале реактивной тревожности*:

- 25 % участников (5 человек) имели высокий уровень ситуативной тревожности;
- 50 % участников (10 человек) находились на среднем уровне;
- 25 % участников (5 человек) показали низкий уровень реактивной тревожности.

По *шкале личностной тревожности*:

- 20 % участников (4 человека) имели высокий уровень устойчивой тревожности;
- 55 % участников (11 человек) находились на среднем уровне;
- 25 % участников (5 человек) продемонстрировали низкий уровень личностной тревожности.

Средние баллы во второй группе составляли:

- реактивная тревожность: 42 балла из 80 возможных;
- личностная тревожность: 44 балла из 80 возможных.

Анализ полученных данных показывает, что подростки из первой группы, имеющие опыт проживания в дисфункциональных семьях, в среднем обладают более высоким уровнем как реактивной, так и личностной тревожности по сравнению с подростками из второй группы. Однако различия между группами не являются резкими, что указывает на наличие общих факторов, влияющих на уровень тревожности у всех подростков-сирот.

Повышенный уровень реактивной тревожности у 45 % участников первой группы может быть связан с повышенной чувствительностью к текущим стрессовым ситуациям. Подростки, пережившие неблагоприятный семейный опыт, могут острее реагировать на изменения в окружении, конфликты или новые требования, испытывая сильное эмоциональное напряжение. Это может проявляться в виде беспокойства, раздражительности, затруднений в концентрации внимания.

Высокий уровень личностной тревожности у 50 % участников первой группы свидетельствует о сформировавшейся склонности к постоянному беспокойству и тревожным переживаниям. Отсутствие стабильности и безопасности в семье, негативный опыт взаимоотношений с родителями могут привести к тому, что подростки ощущают мир как непредсказуемый и опасный, что усиливает их внутреннее напряжение.

Во второй группе, хотя также присутствуют подростки с высоким уровнем тревожности, их доля значительно меньше. Высокий уровень реактивной тревожности отмечен у 25 % участников, а личностной тревожности – у 20 %. Это может быть связано с тем, что даже несмотря на потерю родителей, позитивный семейный опыт, основанный на поддержке и понимании, способствует развитию устойчивости к стрессу и способности эффективно справляться с эмоциональными нагрузками.

Различия в средних баллах по шкалам тревожности между группами подтверждают тенденцию к более высокому уровню тревожности у подростков из дисфункциональных семей. Средний балл по реактивной тревожности в первой группе на 6 пунктов выше, чем во второй, а по личностной тревожности – на 6 пунктов выше. Хотя эти различия не являются кардинальными, они значимы для понимания эмоционального состояния подростков и разработки мер психологической поддержки.

Возможные причины повышенной тревожности у подростков из первой группы включают:

1. Негативный семейный опыт. Частые конфликты, насилие, пренебрежение со стороны родителей могут привести к формированию тревожного типа личности.

2. Отсутствие эмоциональной поддержки. Недостаток внимания и заботы со стороны родителей снижает способность подростка справляться со стрессом.
3. Низкая самооценка. Связь между повышенной тревожностью и пониженной самооценкой, выявленная в предыдущем анализе, указывает на взаимное усиление этих факторов.

У подростков из второй группы более низкий уровень тревожности может быть обусловлен:

1. Позитивными семейными отношениями: Опыт проживания в поддерживающей семье способствует развитию уверенности в себе и окружающем мире.
2. Навыками эмоциональной регуляции: Родители в демократических семьях часто учат детей справляться с эмоциями, что снижает уровень тревожности.
3. Социальной поддержкой: Способность устанавливать доверительные отношения с окружающими помогает подросткам получать необходимую поддержку в сложных ситуациях.

Общие факторы, влияющие на уровень тревожности у всех подростков–сирот:

1. Пребывание в детском доме. Необходимость адаптации к новым условиям жизни, разлука с семьей и привычным окружением являются стрессовыми факторами.
2. Возрастные особенности. Подростковый возраст сам по себе характеризуется эмоциональной нестабильностью и повышенной чувствительностью к стрессу.
3. Неопределенность будущего. Беспокойство о дальнейшем жизненном пути, образовании, профессиональной реализации может увеличивать уровень тревожности.

Обратимся к данным, полученным в ходе **полуструктурированных интервью с подростками**. Целью этих бесед было выяснить воспоминания участников о предыдущей семье, стиле воспитания, отношениях с родителями и понять, как эти факторы влияют на их текущее эмоциональное состояние и поведение. Интервью проводились в доверительной атмосфере, что позволило подросткам откровенно поделиться своими переживаниями и мыслями.

В первой группе, включающей 20 подростков из дисфункциональных семей, многие участники описывали свой семейный опыт как негативный и травмирующий. Большинство из них вспоминали родителей как жестоких, равнодушных или непредсказуемых. Около 60 % участников этой группы (12 человек) сообщали о случаях физического или эмоционального насилия в семье. Они рассказывали о постоянных ссорах, криках, иногда о применении физических наказаний без явной причины.

Некоторые подростки упоминали, что родители злоупотребляли алкоголем или наркотическими веществами, что приводило к еще большему хаосу и нестабильности в семье. Один из участников сказал: «Мой отец часто приходил домой пьяным и начинал кричать на нас. Мы с матерью старались не попадаться ему на глаза». Другой подросток поделился: «Моя мать почти не обращала на меня внимания. Я мог уйти из дома на целый день, и она даже не замечала моего отсутствия».

Отсутствие эмоциональной поддержки и внимания со стороны родителей приводило к тому, что подростки чувствовали себя ненужными и отвергнутыми. Около 70 % участников первой группы (14 человек) выражали чувство одиночества и изоляции в семье. Они говорили о том, что не могли поделиться с родителями своими переживаниями или попросить помощи. Один из подростков отметил: «Мне казалось, что я живу с чужими людьми. Никто не интересовался, как у меня дела, что я чувствую».

Многие из этих подростков упоминали, что в детстве у них не было возможности научиться конструктивно выражать свои эмоции и справляться со стрессом. Это приводило к тому, что они либо замыкались в себе, либо выражали свои чувства через агрессию и вызывающее поведение. Один участник признался: «Я часто дрался в школе, потому что не знал, как по-другому показать, что мне больно или обидно».

Во второй группе, состоящей из 20 подростков из демократических семей, воспоминания о семье были в целом положительными. Большинство участников (85 %, 17 человек) описывали своих родителей как заботливых, понимающих и поддерживающих. Они вспоминали совместное времяпрепровождение, семейные традиции, открытое общение. Один из подростков рассказал: «Мы с родителями часто обсуждали мои успехи и проблемы в школе. Они всегда были готовы выслушать и помочь советом».

Подростки из этой группы отмечали, что чувствовали себя любимыми и важными для своих родителей. Они могли обращаться к ним с любыми вопросами и были уверены в их поддержке. Один участник поделился: «Когда у меня что-то не получалось, родители всегда подбадривали меня и говорили, что главное – стараться и не сдаваться». Такие отношения способствовали формированию у подростков уверенности в себе и позитивного отношения к окружающим.

Однако, несмотря на положительный семейный опыт, участники второй группы испытывали сложные чувства, связанные с утратой родителей. Около 50 % подростков (10 человек) выражали глубокую печаль и тоску по семье. Они говорили о трудностях адаптации к жизни в детском доме и необходимости справляться с горем. Один из подростков отметил: «Я скучаю по маме каждый день. Иногда мне кажется, что никто не сможет ее заменить».

Интерпретируя данные интервью, можно сделать вывод, что предыдущий семейный опыт оказывает значительное влияние на текущее эмоциональное состояние и поведение подростков-сирот. Участники из дисфункциональных семей продолжают испытывать последствия негативных отношений с родителями. Отсутствие доверия и поддержки в детстве приводит к трудностям в установлении близких отношений в настоящем. Многие из них выражали недоверие к окружающим, избегали общения или, наоборот, проявляли агрессивность.

Повышенная тревожность, отмеченная ранее в этой группе, может быть связана с пережитыми травмами и постоянным ощущением небезопасности в детстве. Подростки говорили о том, что часто ожидают негативного развития событий и не чувствуют контроля над своей жизнью. Один участник признался: «Мне кажется, что в любой момент может случиться что-то плохое, и я ничего не смогу с этим сделать».

Склонность к девиантному поведению у этих подростков может рассматриваться как способ справиться с внутренней болью, привлечь внимание или установить контроль над ситуацией. Некоторые участники признавались в том, что участвовали в рискованных действиях или нарушали правила. Один подросток сказал: «Когда я делаю что-то запрещенное, я чувствую, что хотя бы на мгновение контролирую свою жизнь».

Подростки из демократических семей, несмотря на пережитую утрату, сохраняют позитивные установки и стремление к развитию. Они отмечают важность продолжения обучения, установления новых отношений и реализации своих целей. Поддержка со стороны воспитателей и сверстников помогает им адаптироваться к новым условиям. Один участник поделился: «Я хочу учиться и стать врачом, как мечтала моя мама. Она всегда верила в меня, и я не хочу ее подвести».

Однако и у этой группы есть свои сложности. Переживание горя и тоски по семье может приводить к временному снижению настроения, апатии или тревожности. Важно предоставлять таким подросткам возможность выразить свои чувства, получать эмоциональную поддержку и сохранять связь с позитивными воспоминаниями о семье.

В целом, результаты полуструктурированных интервью подтверждают данные, полученные с помощью психологических методик. Предыдущий семейный опыт играет ключевую роль в формировании эмоционального состояния и поведения подростков-сирот. Негативный опыт в дисфункциональных семьях способствует повышению риска девиантного поведения, снижению самооценки и повышенной тревожности. Положительный опыт в демократиче-

ских семьях, несмотря на утрату, оказывает защитное влияние, способствуя сохранению позитивных установок и адаптивного поведения.

Полученные данные подчеркивают важность индивидуального подхода к каждому подростку, учета его семейного прошлого и текущих переживаний. Для подростков из дисфункциональных семей необходимо разработать программы психологической реабилитации, направленные на обработку травматического опыта, развитие навыков эмоциональной регуляции и конструктивного взаимодействия с окружающими. Для подростков из демократических семей важно предоставить поддержку в процессе переживания горя, помочь сохранить связь с позитивными воспоминаниями и продолжать развитие личностных ресурсов.

Подводя итог результатам констатирующего эксперимента, можно отметить, что проведенное исследование подтвердило выдвинутые гипотезы о значимом влиянии предыдущего стиля семейных взаимоотношений на склонность к девиантному поведению у подростков-сирот. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки, выросшие в дисфункциональных семьях, демонстрируют более высокий уровень предрасположенности к отклоняющемуся поведению, повышенную тревожность и несколько пониженную самооценку по сравнению с теми, кто имел опыт проживания в семьях с демократическим стилем воспитания.

Эти результаты подчеркивают необходимость учета семейного опыта при работе с подростками-сиротами и разработки эффективных программ психологической поддержки, направленных на преодоление негативных последствий дисфункционального воспитания. Важно продолжать исследование влияния семейных факторов на психологическое развитие подростков, чтобы более точно определить механизмы этого влияния и найти способы снижения риска девиантного поведения.

Подведём итоги:

1. Стиль семейных взаимоотношений существенно влияет на склонность к девиантному поведению у подростков-сирот.
2. Подростки из дисфункциональных семей демонстрируют более высокий уровень предрасположенности к отклоняющемуся поведению по сравнению с подростками из демократических семей.
3. Уровень тревожности у подростков из дисфункциональных семей выше, что негативно сказывается на их эмоциональном состоянии и социальной адаптации.
4. Различия в самооценке между группами незначительны, но подростки из демократических семей имеют несколько более позитивное самоотношение.
5. Негативный семейный опыт продолжает оказывать влияние на поведение и эмоциональное состояние подростков-сирот, повышая риск девиантного поведения.
6. Полученные результаты подтверждают необходимость индивидуального подхода и разработки программ психологической поддержки с учетом семейного опыта подростков-сирот.

Список источников

1. Анцерева Е.С., Корякина А.В., Черская-Варламова О.П., Барабанов Р.Е. Эмоциональное благополучие ребенка, как фактор, влияющий на способность ребенка обучаться // *Семья. Консультирование. Взаимодействие: сборник научных трудов*. М., 2024.
2. Барабанов Р.Е. Организация и направления социально-психологической работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2017. № 2.

3. *Барабанов Р.Е., Бугоркова М.П.* Реабилитация и абилитация детей раннего возраста (в условиях центра содействия семейному воспитанию «Центральный») // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2023.
4. *Барабанов Р.Е., Мокеева Е.А.* Диагностика и формирование социальных компетенций подростков с нарушениями поведения в условиях центра содействия семейному воспитанию // Высшее образование сегодня. 2023. № 1.
5. *Барабанов Р.Е., Мокеева Е.А.* Социально-психологическая характеристика воспитанников детских домов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 4.
6. *Корбань Д.А., Барабанов Р.Е.* Арт-терапевтические приемы как инструмент развития коммуникативных навыков в тренинге для подростков // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 3.

Информация об авторах

К.М. Канафина – магистрант Московского гуманитарно-технологического университета – Московский архитектурно-строительный института, г. Москва, Россия

Р.Е. Барабанов – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии и педагогики образования Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Information about the authors

K.M. Kanafina – Master's student of the Moscow University of Humanities and Technology – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Moscow, Russia

R.E. Barabanov – Candidate of Science in Psychology\$ Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Education of the Vygotsky Institute of Psychology of the Russian State University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 22.10.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 22.10.2024.

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Научный и информационно-аналитический журнал «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ).

Редакционная коллегия журнала принимает к рассмотрению статьи по следующим научной специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Оформление текста статей осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление». Требования к содержанию, структуре и оформлению текста статьи, а также пример оформления текста приведены ниже.

Не принимаются статьи, опубликованные в других изданиях или представленные для публикации в другие издания.

Количество авторов в статье не должно превышать трёх человек.

Ответственность за достоверность указанных сведений несут авторы статей. Автор/авторы гарантируют, что он/они обладают исключительными правами на представленное произведение (статью).

Внимание! При несоответствии содержания представленной статьи тематике журнала и/или её несоблюдения правилам оформления редакция журнала имеет право отклонить присланный материал. Также редакция оставляет за собой право делать необходимые исправления и сокращения текста статьи.

Поступившие в редакцию статьи проходят проверку на степень оригинальности (используется Интернет-система «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник МАСИ»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» до-

водит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

**Статьи следует направлять ответственному редактору Дарье Андреевне Семеновой.
E-mail: Semenova.D@mfua.ru**

По вопросам, связанным с публикацией статей и получением авторских печатных экземпляров журнала следует обращаться к ответственным редакторам Нине Вячеславовне Бессарабовой и Дарье Андреевне Семёновой по адресу:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03.
Тел. 499-979-00-99, доб. 1135

Требования к структуре и содержанию статьи

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об издании, в котором опубликована статья. Указываются следующим образом:</p> <p>Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. ...–....</p> <p>Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. ...–....</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Номера страниц проставляют редакторы</p>
<p>Тип статьи. Указывается следующим образом:</p> <p>Научная статья Original article</p>	<p><i>На русском и английском языках</i></p>
<p>Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)</p>	<p>Для присвоения УДК используются on-line ресурсы, например, http://teacode.com/online/udc/</p>
<p>Цифровой идентификатор объекта (Digital Object Identifier – DOI)</p>	<p>Проставляется автором следующим образом: doi:10.52470/2619046X_..._..._...</p> <p>В завершённом виде DOI будет указан редакторами</p>
<p>Заглавие статьи</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Приводится строчными буквами (за исключением первой буквы первого слова, имён собственных, географических названий, общепринятых аббревиатур и т.д.)</p>
<p>Имя Отчество Фамилия автора/авторов</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Имена и отчества указываются полностью</p>

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об авторе/авторах: Место работы/учёбы с указанием города и государства, адрес электронной почты (e-mail), при наличии – открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Если авторов несколько, сведения указываются на разных строках и связываются с именами авторов с помощью надстрочных цифровых обозначений. Название организации – места работы/учёбы – указывается полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица (ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п.)</p>
<p>Аннотация (Abstract)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Должна содержать краткую информацию о статье. Объём – 100–250 слов</p>
<p>Ключевые слова (Keywords)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> 4–7 слов и/или словосочетаний, отражающих её содержание</p>
<p>Благодарности (Acknowledgments) – при необходимости</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Слова признательности организациям и лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, по результатам которых опубликована статья</p>
<p>Для цитирования (For citation)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Библиографическая запись на статью для дальнейшего цитирования – в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»</p>
<p>Текст статьи</p>	<p>Объём статьи – 10–15 страниц. Статья должна содержать следующие элементы (не следует выделять их подзаголовками в тексте): – введение (обоснование актуальности темы и постановку проблемы исследования; формулирование целей и задач статьи; обзор публикаций по теме исследования; освещение применяемых методов); – изложение основного материала статьи с обоснованием полученных научных результатов; – заключение (подведение итогов исследования и освещение перспективы дальнейших поисков в данном направлении)</p>
<p>Список источников</p>	<p>В список источников включаются только те издания и электронные ресурсы, которые упомянуты или цитируются в тексте статьи. Рекомендуется ссылаться на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.) и на научную литературу. Ссылки на учебные издания в научном исследовании нежелательны. Ссылки на собственные публикации автора/авторов допускаются лишь в виде исключения, при этом доля самоцитирования может составлять не более 5 % от общего числа источников</p>
<p>Информация об авторе/авторах (Information about the author/authors): инициалы и фамилия, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность и место работы с указанием города и страны</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Все сведения указываются полностью, без сокращений</p>

Правила оформления текста научной статьи

<i>Наименование характеристики</i>	<i>Правила оформления</i>
Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (пример: Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см
Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно располагается перед таблицей, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти рисунков и/или не более пяти таблиц
Ссылки на источники в тексте статьи	Закljučаются в квадратные скобки с указанием номера из списка источников: [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]
Список источников	Библиографические описания источников – как русских, так и иностранных – оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылка на каждый из источников приводятся на языке его публикации. Источники следуют в списке в алфавитном порядке. Если среди них есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка, перед прочими изданиями. Источники на иностранных языках указываются в конце списка

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об авторе/авторах: Место работы/учёбы с указанием города и государства, адрес электронной почты (e-mail), при наличии – открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Если авторов несколько, сведения указываются на разных строках и связываются с именами авторов с помощью надстрочных цифровых обозначений. Название организации – места работы/учёбы – указывается полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица (ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п.)</p>
<p>Аннотация (Abstract)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Должна содержать краткую информацию о статье. Объём – 100–250 слов</p>
<p>Ключевые слова (Keywords)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> 4–7 слов и/или словосочетаний, отражающих её содержание</p>
<p>Благодарности (Acknowledgments) – при необходимости</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Слова признательности организациям и лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, по результатам которых опубликована статья</p>
<p>Для цитирования (For citation)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Библиографическая запись на статью для дальнейшего цитирования – в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»</p>
<p>Текст статьи</p>	<p>Объём статьи – 10–15 страниц. Статья должна содержать следующие элементы (не следует выделять их подзаголовками в тексте): – введение (обоснование актуальности темы и постановку проблемы исследования; формулирование целей и задач статьи; обзор публикаций по теме исследования; освещение применяемых методов); – изложение основного материала статьи с обоснованием полученных научных результатов; – заключение (подведение итогов исследования и освещение перспективы дальнейших поисков в данном направлении)</p>
<p>Список источников</p>	<p>В список источников включаются только те издания и электронные ресурсы, которые упомянуты или цитируются в тексте статьи. Рекомендуется ссылаться на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.) и на научную литературу. Ссылки на учебные издания в научном исследовании нежелательны. Ссылки на собственные публикации автора/авторов допускаются лишь в виде исключения, при этом доля самоцитирования может составлять не более 5 % от общего числа источников</p>
<p>Информация об авторе/авторах (Information about the author/authors): инициалы и фамилия, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность и место работы с указанием города и страны</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Все сведения указываются полностью, без сокращений</p>

Правила оформления текста научной статьи

<i>Наименование характеристики</i>	<i>Правила оформления</i>
Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (пример: Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см
Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно располагается перед таблицей, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти рисунков и/или не более пяти таблиц
Ссылки на источники в тексте статьи	Заключаются в квадратные скобки с указанием номера из списка источников: [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]
Список источников	Библиографические описания источников – как русских, так и иностранных – оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылка на каждый из источников приводятся на языке его публикации. Источники следуют в списке в алфавитном порядке. Если среди них есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка, перед прочими изданиями. Источники на иностранных языках указываются в конце списка

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно- строительного института

№ 4 / 2024

Издание подготовили:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.М. Гусаров

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Печ. л. 6,5.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98